

ISSN 2311 - 696X (Print)
ISSN 2782 - 2761 (Online)

научно-практический журнал

ПРАВООПОРЯДОК

история, теория, практика

3/2021

ПРАВООПОРЯДОК

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

№3 (30) / 2021

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал индексируется в библиографической базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Электронная версия журнала доступна на сайте <https://правопорядок74.рф>.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

МАЙОРОВ Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ИГОЛЕВИЧ В. А. кандидат технических наук, доцент, генерал-майор полиции (председатель совета)
АГАПОВ П. В. доктор юридических наук, профессор
БОГДАН В. В. доктор юридических наук, доцент
ВАЛЕЕВ Р. М. доктор юридических наук, профессор
ВЫДРИН И. В. доктор юридических наук, профессор
ГОНЧАРОВ Д. Ю. доктор юридических наук, доцент
ГУСАК В. А. доктор юридических наук
ЗУЕВ С. В. доктор юридических наук, доцент
КИРЕЕВ В. В. доктор юридических наук, доцент
КУДИНОВ В. В. доктор юридических наук
ЛАЗУТИН Л. А. доктор юридических наук, профессор
МАЙОРОВ В. И. доктор юридических наук, профессор
ПУЧКОВ О. А. доктор юридических наук, доцент
САБИТОВ Р. А. доктор юридических наук, профессор
СЕВРЮГИН В. Е. доктор юридических наук, профессор
СЕРГЕЕВ А. Б. доктор юридических наук, профессор
ТУГАНОВ Ю. Н. доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
ЧЕРНЯДЬЕВА Н. А. доктор юридических наук, доцент
ШАРОНОВ С. А. доктор юридических наук, доцент

ШАЙХУТДИНОВ Е. М. кандидат юридических наук
БАЗЕЛЮК В. В. доктор педагогических наук, профессор
КОСТЕНОК П. И. доктор педагогических наук, профессор
ТАНАЕВА З. Р. доктор педагогических наук, доцент
МАХРОВА Т. К. доктор исторических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БУРМИСТРОВА С. А. кандидат юридических наук, доцент
ВИННИКОВА Р. В. кандидат юридических наук
ВАНЮШИН Я. Л. кандидат юридических наук, доцент
КОНДРАТЬЕВ С. М. кандидат юридических наук, доцент
МАЙОРОВ А. В. кандидат юридических наук, доцент
МИХАИЛОВ К. В. кандидат юридических наук, доцент
ОВЧИННИКОВА О. В. кандидат юридических наук, доцент
ТЮЛЬПАНОВ Ф. М. кандидат юридических наук, доцент
ШМИДТ А. А. кандидат юридических наук, доцент
МАЙСАК В. Н. кандидат исторических наук, доцент
СЕМЕНОВ А. И. кандидат исторических наук, доцент
ДЕККЕРТ Д. В. кандидат педагогических наук
КАЗАРЦЕВА Г. А. кандидат пед. наук, доцент
СУХОРОУКОВА А. Х. государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса, почётный работник ФССП

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: ООО «ЭСКУЭЛА»

Россия, 454091, г. Челябинск,
ул. Коммуны, 139-39.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство ПИ № **ФС77-54870** от 26 июля 2013 г.
Подписной индекс **И94267**

В журнале отражаются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, экспериментальных разработок аспирантов и докторантов, а также практический опыт сотрудников правоохранительных органов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов.

РЕДАКЦИЯ:

Россия, 454091, г. Челябинск, ул. Коммуны, 139-39.
Тел.: +7 (908) 570-73-15
E-mail: pravoporyadok74@bk.ru
Сайт: <http://правопорядок74.рф>

Корректурa, комп. верстка: **ВОРОНИН С. В.**
Перевод: **ВОЛОШИНА М. А.**

Подписано в печать: 24.09.2021.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 17,44.
Тираж 150 экз. Заказ № 414.
Отпечатано в издательстве
Челябинского государственного университета
454021, г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57-б.

Дата выхода в свет: 30.09.2021.
Цена свободная.

© Редакция журнала «Правопорядок: история, теория, практика», 2021.

КОНФЕРЕНЦИИ

Редакция журнала **«ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика»**
совместно с кафедрой прокурорского надзора
и организации правоохранительной деятельности
Института права ФБГОУ ВО «Челябинский государственный университет»
проводит VI Всероссийскую научно-практическую конференцию
«Правоохранительная деятельность: теория и практика».

Дата проведения: **28 апреля 2022 г.**

Формат проведения: онлайн-конференция.

Электронный сборник материалов конференции будет доступен на сайте журнала, в электронной базе библиотеки ЧелГУ, и размещен на сайте НЭБ eLIBRARY.RU.

Информационное письмо и подробная информация доступны на сайте журнала «ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика» <https://правопорядок74.рф/conference.php> в разделе «Конференции».

Редакция журнала **«ВИКТИМОЛОГИЯ»**
совместно с кафедрой прокурорского надзора
и организации правоохранительной деятельности
Института права ФБГОУ ВО «Челябинский государственный университет»
проводит V Международную научно-практическую конференцию
«Защита жертв преступлений в современном обществе».

Дата проведения: **22–23 февраля 2022 г.**

Формат проведения: онлайн-конференция.

Электронный сборник материалов конференции будет доступен на сайте журнала.

Информационное письмо и подробная информация доступны на сайте журнала «ВИКТИМОЛОГИЯ» http://victimolog.ru/index.php/victimo/nauchnye_meropriyatiya в разделе «Конференции».

Редакция научного сборника **«Социальное управление»**
совместно с редакцией журнала «ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика»
проводит постоянно действующую научно-практическую конференцию
«Социальное управление: общество, экономика, право».

По мере поступления материалы размещаются на платформе публикаций в области науки, технологий, медицины, образования и литературы **«READera»** и могут являться **препринтом** с одновременным или последующим размещением на страницах журналов «ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика» (ВАК) и «ВИКТИМОЛОГИЯ» (РИНЦ).

Материалы конференции публикуются в ежеквартальных тематических электронных сборниках и размещаются на сайте журнала «ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика» <http://правопорядок74.рф/> <https://правопорядок74.рф/prilozheniye.php> в разделе «Приложение».

Информационное письмо и подробная информация доступны на сайте журнала «ПРАВОПОРЯДОК: история, теория, практика» в разделе «Приложение».

К участию в конференциях приглашаются научные сотрудники,
преподаватели, аспиранты, учащиеся вузов, специалисты.

В НОМЕРЕ

Общие вопросы теории права. История правопорядка

Выходов А. А.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 7

Административное право и процесс

Исюмова Е. С.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ
И ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (1917–1991 гг.) 14

Лавров В. Н., Рущицкая О. А., Бурцева Т. В., Фетисова А. В.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ФАКТОРОВ
РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 20

Никитин Е. В.

МОНИТОРИНГ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
КАК СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 27

Административная деятельность

Сейтмететова Т. С.

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ
(на примере управления на транспорте МВД России по Южному федеральному округу) 32

Шаронов С. А.

СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ И ПРОБЛЕМЫ В ПРИМЕНЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ
СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ И ЧАСТНЫМИ ОХРАННИКАМИ (часть 1) 41

Уголовное право

Агапов П. В., Сальников Н. В., Кондратюк С. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАНЯТИЕ
ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ 49

Гончаров Д. Ю., Гончарова С. Г.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ФИКТИВНОГО МИГРАЦИОННОГО УЧЕТА
ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ИЛИ ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА 56

Дерягина С. В.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПНЫЕ БАНКРОТСТВА 60

Петрова Т. М.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОНТРАБАНДУ
ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ:
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ 67

Строганова Т. Ю.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ
ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ 73

Шевелева К. В., Проценко В. В.

ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОЯВЛЕНИЯ НАЦИЗМА	79
---	----

Теория и практика противодействия преступности

Воронин Ю. А.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ СФЕРЕ	84
--	----

Кудряшов А. В.

АНАЛИЗ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЁННЫХ И НЕКОТОРЫЕ МЕРЫ ПО ИХ ПРОФИЛАКТИКЕ	89
---	----

Никонов П. В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛЬНОГО РЫНКА КОРРУПЦИОННЫХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	97
---	----

Уголовный процесс

Каменев А. С

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФУНКЦИИ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	105
--	-----

Судебная деятельность

Гончарова С. Г., Гончаров Д. Ю.

О НЕОБХОДИМОСТИ ЕДИНСТВА СУДЕБНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ДЕЛ О ПРИЗНАНИИ ДЕЙСТВИЯ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО НЕПРАВОМЕРНЫМ И ВЗЫСКАНИИ С НЕГО УБЫТКОВ	113
---	-----

Прокурорский надзор

Горюнов В. Е., Беленков В. Н.

РОЛЬ ПРОКУРОРА В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	119
---	-----

Международное право. Европейское право

Говердовская Т. В., Крайнюкова Л. М.

АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ	125
---	-----

Отзывы. Рецензии

Сергеев А. Б.

ОТЗЫВ на докторскую диссертацию Рябининой Татьяны Кимовны на тему «РЕАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ НА СТАДИИ ПОДГОТОВКИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ: ТЕОРИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 — уголовный процесс	137
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	144
---------------------------	-----

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»	149
---	-----

CONTENTS

General questions of the Theory of Law. History of Legal Order

Vykhodov A. A.

ISSUES OF DEFINING THE MAIN TASKS OF THE INTERNAL AFFAIRS IN ENSURING NATIONAL SECURITY	8
--	---

Administrative Law and Procedure

Izyumova Ye. S.

DISTINCTION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES AND CRIMES IN THE LEGISLATION OF THE SOVIET PERIOD (1917–1991)	15
--	----

Lavrov V. N., Rushchitskaya O. A., Burtseva T. V., Fetisova A. V.

TO THE PROBLEMS OF LAND USE UNDER THE CONDITIONS OF MARKET AND ADMINISTRATIVE FACTORS OF DEVELOPMENT OF REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION	21
---	----

Nikitin Ye. V.

ENVIRONMENTAL MONITORING AS A SYSTEM FOR ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY	27
--	----

Administrative Activity

Seytmemetova T. S.

PROBLEMS OF INFORMATION TRANSPARENCY OF POLICE ACTIVITY (On the Example of the Transport Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Southern Federal District)	32
---	----

Sharonov S. A.

SIMILARITIES, DIFFERENCES AND PROBLEMS IN THE USE OF FIREARMS BY POLICE OFFICERS AND PRIVATE SECURITY GUARDS (part 1)	42
--	----

Criminal Law

Agapov P. V., Salnikov N. V., Kondratyuk S. V.

TOPICAL ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR OCCUPYING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY	50
---	----

Goncharov D. Yu., Goncharova S. G.

PUBLIC DANGER FICTITIOUS MIGRATION REGISTRATION FOREIGN CITIZENS OR STATELESS PERSONS	56
--	----

Deryagina S. V.

MECHANISMS OF INCREASING THE RULES' EFFECTIVENESS ON A LIABILITY FOR CRIMINAL BANKRUPTCY	60
---	----

Petrova T. M.

CRIMINAL LIABILITY FOR SMUGGLING OF SPECIALLY PROTECTED WILD ANIMALS AND PLANTS: QUALIFICATION AND LEGISLATIVE REGULATION	67
---	----

Stroganova T. Yu.

CRIMINAL-LEGAL SIGNIFICANCE OF AGGRAVATING CIRCUMSTANCES IN THE CONCLUSION OF A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT	73
--	----

Sheveleva K. V., Protsenko V. V.

PROBLEMS OF REGULATING CRIMINAL LIABILITY FOR THE MANIFESTATION OF NAZISM 79

Theory and Practice of Combating Crime

Voronin Yu. A.

TRANSNATIONAL ORGANIZED CRIME IN THE DIGITAL SPHERE 84

Kudryashov A. V.

ANALYSIS OF VIOLENT ACTS COMMITTED BY CORRECTIONAL OFFICERS
AGAINST INMATES AND SOME MEASURES TO PROFILACY 90

Nikonov P. V.

SOME ASPECTS OF THE CRIMINAL MARKET
FOR CORRUPTION SERVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION 98

Criminal Proceeding

Kamenev A. S.

THE CURRENT STATE OF THE DEFENSE FUNCTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS
AND ITS TRANSFORMATION IN THE ERA OF DIGITAL TECHNOLOGY 106

Judicial activity

Goncharova S. G., Goncharov D. Yu.

ON THE NEED FOR UNITY OF JUDICIAL ENFORCEMENT, USING THE EXAMPLE
OF CASES TO RECOGNIZE THE ACTIONS (INACTION)
OF THE ARBITRATION MANAGER AS UNLAWFUL AND TO RECOVER LOSSES FROM HIM 114

Prosecutorial Supervision

Goryunov V. Ye., Belenkov V. N.

ROLE OF THE PROSECUTOR IN THE TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS 119

International Law. European law

Tatyana V. G., Lyaysyan M. K.

ANALYSIS OF LEGAL MECHANISM FOR COMBATING E-COMMERCE FRAUD:
EUROPEAN AND RUSSIAN EXPERIENCE 126

Comments. Reviews

Sergeev A. B.

REVIEW of the abstract of the dissertation of T. K. Ryabinina on the topic
"THE IMPLEMENTATION OF JUDICIAL POWER AT THE STAGE OF PREPARING A CRIMINAL CASE
FOR A COURT SESSION: THEORY AND LAW ENFORCEMENT",
submitted for the degree of Doctor of Law in the specialty 12.00.09 — Criminal Procedure 138

INFORMATION ABOUT AUTHORS 144

RULES OF SUBMITTING OF MANUSCRIPTS OF ARTICLES
IN SCIENTIFIC AND PRACTICAL MAGAZINE
LEGAL ORDER: HISTORY, THEORY, PRACTICE 149

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Научная статья
УДК 342.5

С. 7–13

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Александр Александрович Выходов

*Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова
Орел, Россия, alex-exit@mail.ru*

Аннотация. *Введение.* Вопросы эффективного функционирования системы обеспечения национальной безопасности являются важнейшими для нормальной жизнедеятельности современного государства и общества, вместе с тем отсутствуют конкретные работы, посвященные определению задач органов внутренних дел в данной системе, а также отражение их в документах стратегического планирования и нормативных правовых актах Российской Федерации.

Результаты. Раскрывается содержание системы документов стратегического планирования, содержащих задачи органов внутренних дел по обеспечению национальной безопасности, а также определены угрозы общественной безопасности, противодействие которым оказывают органы внутренних дел.

Выводы. В результате изучения этой проблемы автор пришел к следующему выводу: принципиально важно обеспечить единство системы стратегического планирования и государственного управления, в том числе в единой централизованной системе МВД России, которое повысило бы эффективность деятельности органов внутренних дел в обеспечении национальной безопасности посредством обеспечения личной безопасности граждан, общественной безопасности, охраны собственности и общественного порядка, защиты прав и законных интересов граждан и организаций от преступных и иных противоправных посягательств, осуществления предупреждения и пресечения преступлений, их расследования и раскрытия, а также розыска и установления виновных лиц.

Ключевые слова: национальная безопасность, общественная безопасность, государственная безопасность, органы внутренних дел, угрозы национальной безопасности, обеспечение

Для цитирования: Выходов А. А. К вопросу определения основных задач органов внутренних дел в обеспечении национальной безопасности // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 7–13.

ISSUES OF DEFINING THE MAIN TASKS OF THE INTERNAL AFFAIRS IN ENSURING NATIONAL SECURITY

Aleksandr A. Vykhodov,

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia, alex-exit@mail.ru

Abstract. *Introduction.* The issues of effective functioning of the national security system are crucial for the normal functioning of the modern State and society. There are no specific works devoted to defining the tasks of the internal affairs bodies in this system, as well as their reflection in the strategic planning documents and regulatory legal acts of the Russian Federation.

Results. The content of the system of strategic planning documents containing the tasks of the internal affairs bodies to ensure national security is disclosed, as well as the threats to public security that are countered by the internal affairs bodies are identified.

Conclusions. As a result of studying this problem, the author came to the following conclusion: the unity of the system of strategic planning and public administration is fundamentally important to ensure, including in a single centralized system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which would increase the effectiveness of the activities of the internal affairs bodies to ensure national security in the following areas: ensuring the personal safety of citizens, public safety, protection of property and public order, protection of the rights and legitimate interests of citizens and organizations from criminal and other illegal encroachments, implementation of the prevention and suppression of crimes, their investigation and disclosure, as well as the search and identification of the perpetrators.

Keywords: national security, public security, state security, internal Affairs agencies, threats to national security, assurance

For citation: Vykhodov A.A. Issues of Defining the Main Tasks of the Internal Affairs in Ensuring National Security. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):7-13. (In Russ.)

Введение

Современные реалии ставят перед нашим государством сложнейшие проблемы развития и обеспечения национальной безопасности в системе быстро меняющихся глобальных вызовов и угроз. Это обуславливает разработку выверенной и научно обоснованной методологии в данном вопросе, а также использование стратегического планирования при проведении государственной политики обеспечения национальной безопасности [7, с. 9], в том числе и в вопросах функционирования системы её обеспечения.

Описание исследования

Совокупность органов публичной власти, предусмотренных статьей 132 Конституции Российской Федерации¹, осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. Москва, 2020. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.04.2021).

и находящихся в их распоряжении инструментов, составляет систему обеспечения национальной безопасности, закрепленную пунктом 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (в дальнейшем — Стратегия НБ РФ)². Одним из таких органов является федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел, который в соответствии с подпунктом 5 пункта 2 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации (в дальнейшем — МВД РФ, МВД России)³ осуществляет управление органами внутренних дел Российской Федерации.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Официальный интернет-портал правовой информации. Москва, 2015. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.04.2021).

³ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 19.02.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. Москва, 2016. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.04.2021).

Следует согласиться с мнением тех правоведов, которые считают, что с позиций системного подхода до настоящего времени функционирование элементов данной системы практически не анализировалось [5], в связи с чем принципиально важно в первую очередь определиться в субъектном составе рассматриваемой системы.

В этой связи необходимо отметить, что нередко при раскрытии подобных вопросов исследователи некорректно отождествляют понятия «органы внутренних дел» и «полиция», тем самым значительно сокращая субъектный состав рассматриваемой деятельности. Между тем Глава III Положения о МВД России закрепляет состав единой централизованной системы МВД РФ и четко разграничивает полицию и иные органы внутренних дел. Основное функциональное назначение «иных органов внутренних дел» заключается в создании необходимых условий для реализации полицией предусмотренных законом целей и задач.

Возникает справедливый вопрос о том, допустимо ли говорить о роли организаций и подразделений, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел, в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации?

Во-первых, не подвергая сомнению объем задач полиции в данной деятельности, обусловленной её назначением, закрепленным в Федеральном законе «О полиции»¹, необходимо отметить, что эффективность её деятельности напрямую зависит от качества работы иных органов внутренних дел.

Во-вторых, по своему функциональному назначению, выполняемым задачам их деятельность прямо или косвенно направлена на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов. Косвенный характер проявляется в создании необходимых условий для эффективной деятельности полиции в рассматриваемой области. Например, в вопросах противодействия внутренним угрозам национальной безопасности немаловажную роль играет уровень профессиональной и служебной подготовки правоприменителя, которая, в свою очередь, напрямую зависит от результатов работы образовательных и научных организаций системы МВД России.

¹ О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 05.04.2021) : Статья 1 // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. Москва, 2016. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

Таким образом, документы стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определяют цели и задачи для всей единой централизованной системы МВД России в данной сфере.

Вместе с тем необходимо отметить, что функции и задачи органов внутренних дел как элемента системы обеспечения национальной безопасности отражаются в различных по предмету и объему регламентации документах стратегического планирования, являющихся результатом реализации Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»² и образующих единую двухуровневую систему (в дальнейшем — система документов стратегического планирования), состоящую из:

- основного базового документа стратегического планирования в области национальной безопасности России (Стратегия НБ РФ);
- конкретизирующих его доктрин, концепций и иных стратегий обеспечения отдельных её видов.

Так, например, в области противодействия незаконному обороту наркотических средств положения базового документа стратегического планирования детализированы в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года³, а в период с 2013 по 2020 гг. предметное содержание стратегического национального приоритета «Государственная и общественная безопасность» применительно к задачам органов внутренних дел в рассматриваемой сфере раскрывалось в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (в дальнейшем — КОБ РФ 2013 г.)⁴.

Вместе с тем практика реализации системы документов стратегического планирования обращает внимание на их отличительное действие во времени. Данные документы не прекращают действовать в случае отмены,

² О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 8.06.2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. Москва, 2020. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.04.2021).

³ Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 23.11.2020 № 733) // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. Москва, 2020. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.04.2021).

⁴ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. Москва, 2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения: 31.12.2020).

изменения, корректировки, принятия новой редакции одного из них, в том числе самой Стратегии НБ РФ.

Так, например, КОБ РФ 2013 г. разрабатывалась в соответствии с положениями предыдущего базового документа стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности и не претерпела изменений в период действия Стратегии НБ РФ 2015 г.

С одной стороны, это позволяет нам говорить о том, что данный документ не мог детализировать текст Стратегии НБ РФ 2015 г., так как был создан за 2 года до её утверждения. С другой стороны, отсутствие иных редакций КОБ РФ 2013 г. на протяжении реализации базового документа стратегического планирования свидетельствовало о преемственности в определении целей, задач по преодолению угроз общественной безопасности, что характеризует стабильность в подходе к её обеспечению.

Кроме того, ретроспективный анализ редакций данных документов и их исторических предшественников позволяет определить основные задачи органов внутренних дел в обеспечении национальной безопасности в текущий исторический период.

В основном базовом документе стратегического планирования в области национальной безопасности России перечисляются стратегические цели государственной и общественной безопасности. При этом в Стратегии НБ РФ 2015 г. они не разделяются на две группы, а указаны единым списком, демонстрируя неразрывную связь государственной и общественной безопасности.

Данная связь прослеживается и в деятельности органов внутренних дел. Полиция, выполняя предусмотренную в ст. 1 Федерального закона «О полиции» задачу по обеспечению общественной безопасности, тем самым создаёт необходимую среду, без которой невозможно обеспечить государственную безопасность. Деятельность иных органов внутренних дел, соответственно, создаёт необходимые предпосылки и условия для осуществления процесса образования такой среды.

Представляется, что перечисленные в Стратегии НБ РФ 2015 г. стратегические цели государственной и общественной безопасности допустимо классифицировать на непосредственно стоящие перед органами внутренних дел и иные.

Анализ содержания документов стратегического планирования в области национальной безопасности позволяет сделать вывод о том, что, непосредственно стоящими перед органами внутренних дел стратегическими целями общественной безопасности являются:

— защита основных прав и свобод человека и гражданина,

— сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе.

Представляется, что данный перечень, сформированный в результате эволюции стратегического планирования в Российской Федерации, является основополагающим и не может подвергаться сокращению, вне зависимости от содержания будущих редакций документов стратегического планирования.

Достижение указанных стратегических целей должно осуществляться в ходе выполнения стратегических задач. Их определение, формулирование, актуализация и закрепление не только в документах стратегического планирования, но и в ведомственных документах, в том числе федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, является необходимым условием их практического исполнения.

В Стратегии НБ РФ 2015 г. не содержится перечень стратегических задач, стоящих перед элементами системы обеспечения национальной безопасности по обеспечению общественной безопасности. Это обстоятельство также подтверждает мнение экспертного сообщества, что в её тексте встречаются нарушения ключевого признака стратегического планирования — целеполагания [2, с. 638], что должно быть исправлено в последующих редакциях.

Приоритетной задачей обеспечения общественной безопасности является защита жизни, здоровья, конституционных прав и свобод человека и гражданина, что по своему объёму входит в содержание законодательного определения назначения деятельности полиции, закреплённого в статье 1 Федерального закона «О полиции». Реализация полицией своей основной функции, для осуществления которой она была создана, является выполнением основной задачи по обеспечению общественной безопасности.

Важно отметить, что иные задачи органов внутренних дел конкретизируются как в основном базовом документе стратегического планирования в области национальной безопасности России, так и в конкретизирующих его концепциях, доктринах и стратегиях.

В данном аспекте важным является определение угроз общественной безопасности, которые своим содержанием представляют совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба общественной безопасности.

Перечень самих угроз находится именно в действующем основном базовом документе стратегического планирования в области

национальной безопасности России, а основные источники данных угроз, которые по своему объему не могут охарактеризовать всю их совокупность, содержались в конкретизирующих их документах. Например, в период с 2013 по 2020 гг. в КОБ РФ 2013 г.

Анализ положений системы документов стратегического планирования, а также федерального законодательства, регламентирующего деятельность МВД России, показывает, что органы внутренних дел противодействуют угрозам общественной безопасности, а именно, преступным посягательствам, направленным против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности, в том числе:

- терроризму и экстремистской деятельности;
- деятельности преступных организаций и группировок;
- незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ;
- организации незаконной миграции и торговле людьми;
- коррупции.

Органы внутренних дел должны выявлять и нейтрализовать источники данных угроз, а также в соответствии с их компетенцией применять информационные, правовые и иные меры противодействия. С целью повышения эффективности данных действий принятие решений об их оптимальном использовании должно также основываться на системном анализе исторических событий, прежде всего в борьбе с организованной преступностью [9, с. 136]. С целью успешного противодействия каждому из обозначенных видов угроз недостаточно одиночных действий органов внутренних дел. Необходимо реализовывать государственную политику противодействия по каждому виду обозначенных преступных посягательств, что ставит новые задачи при дальнейшем стратегическом планировании. До недавнего времени, например, миграционная политика отличалась высокой степенью несовершенства, носила фрагментарный характер, не связанный с перспективами социально-экономического развития страны и демографическими процессами [1, с. 24]. В этих условиях МВД России разработало План реализации первого этапа Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы.

Еще одним самостоятельным направлением в деятельности органов внутренних дел по обеспечению национальной безопасности является противодействие коррупции.

Помимо борьбы с угрозами общественной безопасности для органов внутренних дел система документов стратегического планирования обращает внимание на необходимость развития взаимодействия с гражданским обществом, а также повышение доверия граждан к правоохранительной системе, тем самым актуализируя и подчеркивая их значимость. Поэтому важно понимать, что если будет достигнут высокий уровень противодействия преступным посягательствам в государстве при отсутствии эффективных каналов взаимодействия органов внутренних дел с обществом и наличия доверия граждан к ним, то говорить о достижении общественной безопасности как части национальной безопасности РФ невозможно.

Общим направлением обеспечения государственной и общественной безопасности для всех правоохранительных органов, в том числе и органов внутренних дел, является повышение эффективности их деятельности. Несомненно, данное направление является многоаспектным, включающим в себя широкий круг действий как практического характера, так и разработки под них актуальных современному дню концепций конкретных действий по его достижению на базе проводимых и перспективных прикладных теоретических исследований.

Этимология слова «повышение» означает процесс увеличения уровня чего-либо. При использовании данного термина всегда будет возникать справедливый вопрос о пределах, до которых необходимо осуществить данное увеличение. В целом вопросы, связанные с повышением эффективного обеспечения отдельных видов национальной безопасности, выходят на первый план в научных дискуссиях [6, с. 27]. Применительно к органам внутренних дел весьма затруднительно «очертить» верхний предел повышения, но вполне возможно распространить практику использования ключевых показателей результативности. Отдельные авторы предлагают установить уровень преступности в качестве основной характеристики состояния национальной безопасности в деятельности органов внутренних дел [3, с. 92]. Данный вопрос, его содержание является дискуссионным, но понимание того, что совершенствование деятельности органов внутренних дел является необходимым для обеспечения национальной безопасности и предусмотренным документами стратегического планирования является важным и значимым.

Заключение

Как уже было отмечено выше, система документов стратегического планирования, в соответствии с федеральным законом

от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» подвергается периодической корректировке, в том числе и содержащиеся в них стратегические национальные приоритеты, их ранжирование, определяются новые угрозы для всех видов безопасности в целом, и для общественной в частности. В этой связи принципиально важно при её осуществлении объективно и точно анализировать, давать оценку как внешним условиям (прежде всего опасностям и угрозам), так и внутреннему состоянию развития государства [8, с. 45].

Вместе с тем в силу природы органов внутренних дел и требований к обеспечению данного вида безопасности значительная часть обозначенных угроз, а, следовательно, и задач по их нейтрализации останется неизменной, что позволяет уже сейчас конкретизировать планирование их выполнения в ведомственных актах. Вместе с тем в современной России

возможна трансформация приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности в сторону ухода от сугубо «оборонительной» позиции, выражающейся в достижении состояния защищенности личности, общества и государства, к обеспечению национальной безопасности через всесторонне экономическое и социальное развитие государства.

В этой связи принципиально важно обеспечить единство системы стратегического планирования и государственного управления, в том числе в единой централизованной системе МВД России, которое не просто повысило бы эффективность деятельности органов внутренних дел, но и способствовало бы построению современного общества и государства, однако мы солидарны с теми авторами [4], которые считают, что без изменения существующего нормативного правового и методического обеспечения сделать это будет весьма затруднительно.

Список источников

1. Бондарева Е. А., Филонова В. В. Правовое регулирование миграционных процессов в современном государстве // Конституционализм и государствоведение. 2019. № 2 (14). С. 20–28.
2. Бухвальд Е. М., Кольчугина А. В. Стратегия пространственного развития и приоритеты национальной безопасности Российской Федерации // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 3. С. 631–643.
3. Виноградова О. П., Елфимов П. В. Отдельные вопросы понимания категории «общественная безопасность» // Личность, право, государство. 2019. № 1. С. 86–94.
4. Доржиева В. В., Ильина С. А. Оценка состояния содержательной сопряженности документов стратегического планирования социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности в рамках целеполагания (на примере стратегии научно-технологического развития Российской Федерации) // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11, № 5. С. 55–67.
5. Костюченко Н. И. Проблемы теории национальной безопасности, связанные с неопределенностью понятия «безопасность» и его места в социальных системах // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2. С. 134–138.
6. Мальцев В. А. Особенности правовых механизмов обеспечения различных видов безопасности в России и зарубежных странах // Конституционализм и государствоведение. 2019. № 1 (13). С. 27–35.
7. Назаров В. П., Афиногенов Д. А. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 9–19.
8. Назаров В. П., Подберёзкин А. И., Подберёзкина О. А. Необходимость корректировки стратегии национальной безопасности России // Обозреватель-Observer. 2020. № 1. С. 44–52.
9. Тишкин Д. Н. Исторические аспекты российской организованной преступности как фактор повышения эффективности государственной политики по борьбе с ней и обеспечению национальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 2 (105). С. 133–137.

References

1. Bondareva E.A., Filonova V.V. Legal regulation of migration processes in the modern state. *Konstitucionalizm i gosudarstvovedenie* [Constitutionalism and State Studies]. 2019;(2):20-28. (In Russ.)
2. Buchwald E.M., Kolchugina A.V. Spatial development strategy and national security priorities of the Russian Federation. *Ekonomika regiona* [Regional Economy]. 2019;15(3):631-643. (In Russ.)
3. Vinogradova O.P., Elfimov P.V. Some issues of understanding the category of “public safety”. *Lichnost', pravo, gosudarstvo* [Personality, Law, State]. 2019;(1):86-94. (In Russ.)

4. Dorzhieva V.V., Ilyina S.A. Assessment of the state of content conjugation of strategic planning documents of socio-economic development and national security in the framework of goal-setting (on the example of the strategy of scientific and technological development of the Russian Federation). *Vestnik evrazijskoj nauki* [Bulletin of Eurasian Science]. 2019;11(5):55-67. (In Russ.)

5. Kostyuchenko N.I. Problems of the theory of national security associated with the uncertainty of the concept of "security" and its place in social systems. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Krasnodar University of the Russian Interior Ministry]. 2017;(2):134-138. (In Russ.)

6. Maltsev V.A. Features of legal mechanisms to ensure various types of security in Russia and foreign countries. *Konstitucionalizm i gosudarstvovedenie* [Constitutionalism and State Studies]. 2019;(1):27-35. (In Russ.)

7. Nazarov V.P., Afinogenov D.A. Problems of development of the general theory of national security in the context of the adjustment of the national security strategy of the Russian Federation. *Vlast'* [Power]. 2020;28(1):9-19. (In Russ.)

8. Nazarov V.P., Podberyozkin A.I., Podberyozkina O.A. The Need to Adjust Russia's National Security Strategy. *Obozrevatel'-Observer* [Observer]. 2020;(1):44-52. (In Russ.)

9. Tishkin D.N. Historical aspects of Russian organized crime as a factor in improving the effectiveness of state policy to combat it and ensure national security. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management]. 2019;(2):133-137. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 31.05.2021.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (1917–1991 гг.)

Евгения Сергеевна Изюмова

Интинский городской суд Республики Коми

Республика Коми, Инта, Россия

izumchik74@rambler.ru, ORCID: 0000-0003-3550-2484

Аннотация. Отмечая перспективу реформирования основных положений административно-деликтного и уголовного законодательства, которые имеют существенное теоретическое и практическое значение, полагая, что оно должно осуществляться с учетом исторического развития, на основе концептуальной проработанной научной теории, автор полагает необходимым обратиться к предпосылкам формирования института административной ответственности, основаниям их разграничения с уголовной ответственностью, которые обусловили ее особенности.

Анализируя источники российского полицейского и уголовного права, автор приходит к выводу о том, что именно основание отграничения преступления от административного правонарушения отличает ответственность за «маловажные преступления» и «проступки», которая зарождалась в императорской России от сложившейся в итоге административной ответственности в советском государстве.

На основе историко-правового метода, автор делает заключение о том, что административно-деликтное право имело длительный и противоречивый период становления, приобретая исторически детерминированные особенности и черты, восходящие к советскому периоду, ряд которых не соотносятся с современным состоянием и направлениям развития Российского государства.

В этой связи важное значение, по мнению автора, имеет проведение комплексной государственной политики в сфере публично-правовой ответственности, которая должна быть направлена на актуализацию действующего законодательства, с учетом его исторического и теоретического осмысления, четкое разграничение преступления и административного правонарушения, а в перспективе и уголовного проступка, их профилактики и предупреждение.

Ключевые слова: советский период, административная ответственность, административное правонарушение, преступление, уголовный проступок, разграничения понятий, реформа административной ответственности

Для цитирования: Изюмова Е. С. Разграничение административного правонарушения и преступления в законодательстве советского периода (1917–1991 гг.) // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 14–19.

DISTINCTION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES AND CRIMES IN THE LEGISLATION OF THE SOVIET PERIOD (1917–1991)

Yevgeniya S. Izyumova

Intinsky City Court of the Komi Republic

Komi Republic, Inza, Russia

izumchik74@rambler.ru, ORCID: 0000-0003-3550-2484

Abstract. Noting the prospect of reforming the main provisions of administrative, tort and criminal legislation, which are of significant theoretical and practical importance, believing that it should be carried out taking into account historical development, on the basis of conceptual developed scientific theory, the author considers it necessary to turn to the prerequisites for the formation of the institution of administrative responsibility, the grounds for their distinction with criminal responsibility, which determined its peculiarities.

Analyzing the sources of Russian police and criminal law, the author concludes that it is the basis for distinguishing the crime from the administrative offense that distinguishes responsibility for “minor crimes” and “misconduct”, which arose in imperial Russia from the resulting administrative responsibility in the Soviet state.

On the basis of the historical and legal method, the author concludes that the administrative and tort law had a long and contradictory period of formation, having acquired historically determined features and features dating back to the Soviet period, a number of which do not correlate with the modern state and directions of development of the Russian state.

In this regard, the author believes that it is important to implement a comprehensive public policy in the field of public legal responsibility, which should be aimed at updating the existing legislation, taking into account its historical and theoretical understanding, a clear distinction between crime and administrative offense, and in the future criminal misconduct, their prevention and prevention.

Keywords: Soviet period, administrative responsibility, administrative offense, crime, criminal misconduct, delimitation of concepts, reform of administrative responsibility

For citation: Izyumova Ye.S. Distinction of Administrative Offenses and Crimes in the Legislation of the Soviet Period (1917–1991). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):14-19. (In Russ.)

Введение

Административно-деликатное право существует в любой форме государственного устройства и развивается в зависимости от эволюции государства от одной экономическо-политической стадии к другой. Значительное влияние на развитие административно-деликтного права оказали политическое устройство государства, экономические и социальные условия жизни общества, философские и правовые взгляды представителей отдельных отраслей науки, а также состояние преступности и общий уровень правосознания населения.

За последнее время в области правового регулирования административной ответственности накопилось достаточно много проблем, попытки решения которых выражены, в том числе, в появлении различных законопроектов, касающихся основ как административного, так и уголовного права.

К примеру, разработана Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹.

Так, в Концепции закреплено положение, согласно которому, предлагается уточнить понятие «административное правонарушение», с целью закрепления общих требований к формулированию состава административного правонарушения, а также разграничения его с понятием «преступление». Конкретного предложения новой трактовки понятия «административное правонарушение» Концепция не содержит.

15 февраля 2021 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации

¹ Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : опубликована 10.06.2019 // Правительство России : официальный сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBlwAY7kh07NAt9EL.pdf> (дата обращения: 25.07.2021).

внесен проект федерального закона № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»¹. Согласно тексту данного законопроекта, и пояснительной записке к нему, его инициатором предлагается внести изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации и отнести ряд преступлений небольшой и средней тяжести к категории уголовных проступков, с применением за их совершение иных мер уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, общественных и ограниченно оплачиваемых работ.

В связи с наметившимся реформированием административно-деликтного и уголовного законодательства представляется необходимым обратиться к историческим предпосылкам формирования института административной ответственности, обратив внимание на основания ее отграничения от уголовной ответственности, во время существования Российской империи и после 1917 года, с целью проведения параллели с современными конструкциями данных понятий и перспективами их модернизации.

Описание исследования

Советский период оказал существенное влияние, как на доктрину административного права, так и на административно-деликтное законодательство. С. М. Зырянов отмечает сохранение генетической связи КоАП РФ с советским законодательством, «формирование которого началось в первые годы советской власти» [3, с. 480–486].

К концу XIX века в российском законодательстве сформировалась обширная правовая база, позволившая признать административный проступок (правонарушение) отдельным видом публично-правовых деликтов. Государственный переворот 25 октября 1917 года, ознаменован резким отказом от дореволюционной системы права, принципа разделения властей, как элементов буржуазного общества.

В условиях нестабильного политического строя, на фоне произошедших изменений, разрушения государственных институтов, обеспечивающих правопорядок, установившаяся власть нуждалась в обеспечении и поддержании режима, упорядочении взаимоотношений с обществом, в этой связи в послереволюционный период нормотворческая деятельность Советов была на пике своей активности.

¹ Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> по состоянию на 15.02.2021.

За короткий период 1917–1918 было принято множество нормативных правовых актов содержащих нормы об административной ответственности, которые в своем большинстве не разграничивали преступление и административный проступок.

Определяющим признаком, лежащим в основе становления административной ответственности в советский период, является назначение наказания в административном порядке специально уполномоченным органом, а не судом. То есть административная ответственность противопоставлялась ответственности «судебной», и не зависела от степени тяжести (общественной опасности) совершенного правонарушения. Более того, в перечне возможных наказаний, налагаемых в административном порядке, помимо штрафа, фигурировали лишение свободы и принудительные работы. Как отмечает В. Г. Гюлюмян, за совершение преступлений могла назначаться и административная (назначаемая в административном порядке) и судебная ответственность [2, с. 139–153].

Именно основание отграничения преступления от административного правонарушения отличает ответственность за «маловажные преступления» и «проступки», которая зарождалась в императорской России от сложившейся в итоге административной ответственности в советском государстве. Если в досоветский период, эти основаниями являлась дифференциация правонарушений по степени тяжести, их общественной опасности, то после 1917 года, административная ответственность стала отличаться от уголовной, в основном, процедурой наложения взыскания.

Возможно возникшая в настоящее время проблема дифференциации понятий «преступления», «правонарушения» и планируемого к введению «уголовного проступка», является результатом выбора неверного основания их разграничения еще в начале советского периода.

В 1922 году принят первый Уголовный кодекс РСФСР. Данный нормативный акт не сохранил четких отличий преступления и проступка, включал ряд норм, предусматривающих административные наказания. К примеру, статьей 79 УК РСФСР за нарушение сроков уплаты налогов или их неуплату, а также отказ от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение за первый раз устанавливалось административное взыскание. Также рядом статей УК РСФСР 1922 года предусматривалось наложение наказаний в административном порядке за нарушение обязательных постановлений

Губернских и Уездных Исполнительных Комитетов и Президиумов¹.

Таким образом, с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1922 года окончательное разделение преступления и правонарушения не произошло, между тем, законодателем все чаще используется термин «административное взыскание», которое предполагает упрощенный порядок его применения во внесудебном порядке.

Начавшаяся политика коллективизации, раскулачивания крестьян в 1930-е годы оказала влияние на развитие административно-деликтного законодательства, придав ему уголовно-правовую направленность. Зачастую за правонарушения, не обладающие признаком общественной опасности, но идеологически, признанные таковыми, назначалось уголовное наказание вплоть до лишения свободы. Законодательно это даже не закреплялось в Уголовном кодексе РСФСР, а утверждалось на уровне СНК и ЦК ВКП(б). Ярким примером подобного нормотворчества является Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания»², которым устанавливалась уголовная ответственность за увеличение приусадебных участков сверх размеров, предусмотренных уставом сельхозартели, то есть фактически за административный проступок.

Такого рода ужесточение и смешение размеров санкций за административные правонарушения, и интерполяция их в пределы уголовной ответственности, породила распространение государственной репрессии к 1940-м годам.

Активное развитие теории административной ответственности, в которой определены основания разграничения уголовного преступления и административного деликта началось в послевоенный период «хрущевской оттепели», характерной чертой которого является замещение административной ответственности уголовной, сохранение приказного характера управления.

Важным нормативным документом в становлении административно-деликтного законодательства следует признать Указ Президиума

¹ О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР) : Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СПС «КонсультантПлюс» ; О прекращении дел по нарушениям обязательных постановлений и статей Уголовного Кодекса, предусматривавших ответственность в административном порядке : Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 06.06.1927 // СПС «КонсультантПлюс».

² О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания : Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 года // СП СССР. 1939. № 34. ст. 235 / СПС «КонсультантПлюс».

Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» общей тенденцией которого является делегирование судам рассмотрения дел об административных правонарушениях, где санкциями статьей, предусматривались наказания, затрагивающие конституционные права (передвижения и свободы труда).

Как отмечает И. А. Галаган участие суда в привлечении к административной ответственности и контроле над деятельностью административных органов по назначению наказания не рассматривалось как условие, превращающее административный порядок привлечения к ответственности в судебный. Соответственно, советские административисты старались совместить оба указанных критерия и определить их как сущностные характеристики одной и той же административной ответственности [1, с. 213–225].

В свою очередь, по мнению профессора А. И. Каплунова, «для административной ответственности, которая изначально была задумана как ответственность, реализуемая «в административном порядке», назначение административных наказаний судьями должно быть исключением, а не правилом [4, с. 518–524]. С точки зрения С. А. Старостина административная ответственность должна налагаться исключительно органами исполнительной власти [6, с. 109, 118–119].

Представляется, что возникающие в настоящее время трудности разграничения административной и уголовной ответственности, связаны с тем, что современная правовая система была построена на осколках советского права, в ходе становления которого произошло размывание правовых различий преступления и административного проступка (правонарушения), оставив между ними довольно условную, формально-юридическую грань.

Окончательное законодательное разделение административной и уголовной ответственности произошло с первой попыткой кодификации законодательства об административной ответственности стали Основы законодательства Союза ССР (далее — Основы) и союзных республик об административных правонарушениях 1980 года³.

Как отмечает И. В. Панова, «принятие Основ стало переломным моментом, свидетельством того, что законодатель отказался от введения Кодекса уголовных проступков, который на тот

³ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях (приняты ВС СССР 23.10.1980 № 3145-Х) // СПС «КонсультантПлюс».

момент разрабатывался группой специалистов по уголовному праву, и пошел по пути кодификации норм административного права по отдельным институтам» [5, с. 4–29].

Целью законодателя было упорядочение административно-деликтных правоотношений, урегулирование основных положений об административной ответственности, придание им общегосударственного значения, обеспечение единства понимания данного правового института во всех союзных республиках. В данном нормативном правовом акте впервые на законодательном уровне сформулировано и закреплено понятие административного правонарушения (проступка), которое принципиально не изменилось и используется в настоящее время.

Еще одной особенностью законодательства об административной ответственности, которая появилась с принятием Основ законодательства Союза ССР, стала единая процедура рассмотрения дел об административных правонарушениях, как для судов так и для других юрисдикционных органов, которая по своей структуре приобрела квазисудебный характер.

20 июня 1984 года десятым созывом Верховного Совета РСФСР был принят Кодекс РСФСР об административных правонарушениях.

КоАП РСФСР оправлял административное правонарушение как посягающее на государственный или общественный порядок, социалистическую собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления противоправное, виновное действие либо бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность. С оговоркой о том, что административная ответственность за правонарушение наступает в том случае, если по своему характеру оно не влечет за собой уголовной ответственности.

Признак общественной опасности напрямую не был закреплен в понятии административного правонарушения 1984 года. Косвенно о его наличии можно судить по ст. 2.2 КоАП РСФСР в которой вредные последствия действия либо бездействия лица являются элементом юридической конструкции формы вины.

Таким образом, проблема четкого разграничения административной и уголовной ответственности КоАП РСФСР не была разрешена и существует в действующем определении административного правонарушения, которое существенное не изменилось с принятием КоАП РФ.

Заключение

В связи с проведенным исследованием бесспорным представляется высказывание А. П. Шергина о том, что «источки обособления административной ответственности лежат

в исторических особенностях развития России, ее масштабах, потребностях оперативной реакции исполнительной власти на правонарушения и отсутствии возможности у судов рассмотреть все возрастающее количество дел об административных правонарушениях» [7, с. 176.].

Несмотря на то, что Российская Федерация является исторической преемницей СССР и РСФСР, как государство она разительно отличается от них, в связи с произошедшими в последние три десятилетия изменениями, связанными с кардинальным преобразованием государственного устройства, изменением социально-экономической основы общества, и соответственно правового режима.

В настоящее время роль административной ответственности существенно изменилась, как и ее понимание в общественном правосознании, перестав быть суррогатом уголовного принуждения. Вместе с тем, до настоящего времени она не освободилась от основ, заложенных в советский период. Анализ действующего Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях свидетельствует о том, что административная ответственность по тяжести применяемых наказаний зачастую превосходит ответственность уголовную. В данном случае речь идет о мере штрафных санкций, которые могут быть назначены за совершение административных правонарушений.

Таким образом, следствием тенденции ужесточения мер административной ответственности, введения новых составов административных правонарушений, схожих с уголовными преступлениями, введение института уголовного проступка, может стать то, что отличие административной ответственности от уголовной, как и в советский период, будет заключаться лишь в процедуре наложения административного взыскания.

Данное обстоятельство, что еще раз подтверждает тот факт, что реформирование законодательства должно осуществляться с учетом исторического развития, на основании концептуальной проработанной научной теории, а также необходимость проведения комплексной государственной политики в сфере публично-правовой ответственности, которая должна быть направлена на актуализацию действующего законодательства, с учетом его исторического и теоретического осмысления, четкое разграничение преступления и административного правонарушения, а в возможной перспективе и уголовного проступка, их профилактику и предупреждение.

Список источников

1. Галаган И. А. Административная ответственность в СССР. Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 1970. 251 с.
2. Гюлумян В. Г. Административная ответственность в ретроспективе и перспективе // *Lex russica*. 2017. № 7 (128). С. 139–153.
3. Зырянов С. М. Концептуальные проблемы третьей кодификации законодательства об административных правонарушениях // *Сибирское юридическое обозрение*. 2019. Т. 16, № 4. С. 480–486.
4. Каплунов А. И. Административная ответственность как форма административного принуждения // *Сибирское юридическое обозрение*. 2019. Т. 16, № 4. С. 518–524.
5. Панова И. В. Еще раз о двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2007. № 8. С. 4–29.
6. Старостин С. А. Уголовный проступок: pro et contra // *Вестник Тюменского государственного университета*. Право. 2018. № 30. С. 106–123.
7. Шергин А. П. Размышления об административно-деликтном праве // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 5 (78). С. 175–185.

References

1. Galagan I.A. *Administrative responsibility in the USSR*. Voronezh: Voronezh University Publisher, 1970. (In Russ.)
2. Gulumyan V.G. Administrative Responsibility in Retrospect and Perspective. *Lex russica*. 2017;(7):139-153. (In Russ.)
3. Zyryanov S.M. Conceptual problems of the third codification of legislation on administrative offences. *Sibirskoe yuridicheskoe obozreniya* [Siberian Law Review]. 2019;16(4):480-486. (In Russ.)
4. Kaplunov A.I. Administrative responsibility as a form of administrative coercion. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie* [Siberian Law Review]. 2019;16(4):518-524. (In Russ.)
5. Panova I.V. Once again about two trends that destroy the integrity of the institute of administrative responsibility. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]. 2007;(8):4-29. (In Russ.)
6. Starostin S.A. Criminal misconduct: pro et contra. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of Tyumen State University. Law]. 2018;(30):106-123. (In Russ.)
7. Shergin A.P. Reflections on administrative-tort law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2017;(5):175-185. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 28.07.2021 г.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Владимир Николаевич Лавров¹, Ольга Александровна Рущицкая²,
Татьяна Владимировна Бурцева³, Анастасия Викторовна Фетисова⁴

^{1,2,3,4}Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия

¹lavrov1946@yandex.ru, SPIN: 9119-8111, Author ID: 848398

²kafedra.20@bk.ru, ORCID: 0000-0002-6854-5723

³burceva72@inbox.ru, SPIN-код: 2666-0052, Author ID: 708537

⁴victorovna_eburg@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена расшифровке и формулировке закономерностей становления (генезиса) земледельческой отрасли. Показаны некоторые определяющие процессы развития поземельных отношений и причинно-следственные связи возникновения насущных аграрно-продовольственных проблем на мировом пространстве Евразии и в частности в России.

Особое внимание авторы статьи посвятили попыткам реформирования землепользования в современный период, инструментам и методам решения продовольственной безопасности, вопросам сохранения и повышения экологического качества продуктов питания.

В работе присутствует большое множество ссылок на опыт решения экономико-аграрных вопросов в других странах и представлены рекомендации по повышению эффективности сельхоздеятельности АПК в Российских регионах, в том числе на территориях Свердловской области.

Ключевые слова: классификация потребительских способов жизнеобеспечения, конкурентные детерминанты, схема кластеризации экономических отраслей, макро- и микропланирование, экспортные и импортные инструменты протекционизма торговли, проблема сохранения природного качества сельхозпродуктов, регулятивная роль государства в экономике, цены на продукты, нормативно-правовая охрана лесных земельных и водных ресурсов, красная черта народосбережения

Для цитирования: К вопросу о проблемах землепользования в условиях рыночно-административных факторов развития регионов Российской Федерации / В. Н. Лавров [и др.] // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 20–26.

Original article

TO THE PROBLEMS OF LAND USE UNDER THE CONDITIONS OF MARKET AND ADMINISTRATIVE FACTORS OF DEVELOPMENT OF REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vladimir N. Lavrov¹, Olga A. Ruschitskaya²,
Tatiana V. Burtseva³, Anastasiya V. Fetisova⁴

^{1,2,3,4}Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia

¹lavrov1946@yandex.ru, SPIN: 9119-8111, Author ID: 848398

²kafedra.20@bk.ru, ORCID: 0000-0002-6854-5723

³burceva72@inbox.ru, SPIN-код: 2666-0052, Author ID: 708537

⁴victorovna_eburg@mail.ru

Abstract. The article is devoted to deciphering and formulating the regularities of formation (genesis) of the agricultural sector. Some defining processes of land relations development and cause-and-effect relations of emergence of urgent agrarian and food problems in the Eurasian world and in Russia in particular are shown.

Particular attention is paid to the attempts to reform land use in the modern period, tools and methods of solving food security, issues of preserving and improving the environmental quality of food.

The paper contains many references to the experience of solving economic and agrarian issues in other countries and presents recommendations to improve the effectiveness of agricultural activities in the Russian regions, including the territories of the Sverdlovsk region.

Keywords: classification of consumer modes of subsistence, competitive determinants, economic industries clustering scheme, macro- and micro-planning, export and import trade protectionism tools, the problem of preserving the natural quality of agricultural products, regulatory role of the state in the economy, product prices, regulatory protection of forest land and water resources, the red line of national saving

For citation: Lavrov V.N., Ruschitskaya O.A., Burtseva T.V., Fetisova A.V. To the Problems of Land Use Under the Conditions of Market and Administrative Factors of Development of Regions of the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):20-26. (In Russ.)

Введение

Историко-экономический закон о первом крупном общественном разделении труда получил свою натурализацию в эпоху неолита. Именно в этот период происходит переход от особенностей хозяйствования первобытной общины к производящей экономике, основанной на производстве человеком материальных благ, необходимых для его жизнедеятельности.

В результате произошло первое общественное разделение труда на земледельческий и скотоводческий, что естественно повысило результативность производства и дало возможность членам рода и общины обменивать «излишки» результатов хозяйственной деятельности.

Таким образом, экономический (хозяйственный) закон первого общественного разделения труда открыл возможности для членов первобытных родов, а затем

и социально-экономической, эколого-генетической общины примитивных, случайных рыночных отношений.

Описание исследования

В эпоху IV–III тысячелетия до нашей эры в тот же неолитический период произошло также и второе общественное разделение труда. Выделение ремесла из оседлого образа жизни привело к индивидуализации труда, возникновению слоев ремесленников, торговцев (меркантилов) и даже зачатков ростовщичества [12, с. 17–20].

Обычно представители классической науки политэкономии, начиная с Адама Смита, уже формулировали историко-экономические законы специализации, кооперации, концентрации труда и капитала, а также закон обобществления средств производства, о котором К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Капитал»

уделяли достаточно много места и внимания. С точки зрения историко-экономической логики первопричиной осуществления вышеназванных хозяйственных эпохальных событий, безусловно, является переход от матриархата к патриархату. Происходило определенное разложение родовой общины и появление элементов частной собственности помимо личной и совместно-долевой (семейной) [14, с. 486–499].

В учебной литературе обычно выделяют две исторические модели хозяйственного развития: «восточное» и «античное хозяйственное развитие». «Восточную» модель экономики К. Маркс, как известно, относил к азиатскому типу, азиатскому способу производства и указывал, что в те эпохи и времена доминировало «кочевое скотоводство», элементы которого присутствовали не только на стадии «дикости», стадии «варварства», но и в эпоху «цивилизации», то есть во времена раннего рабовладения и феодального средневековья нашей эры, в том числе в европейских государствах.

Зарубежная историография и ее ученые представители также разделяют позиции современных экономистов и выдвигают концепцию о «степных кочевниках, покоривших мир», начиная с IV века новой эры и заканчивая миграционными событиями XV века, происходивших на территориях всей Евразии [2].

В учебной литературе можно опереться на работы известного советско-российского ученого-экономиста М. Я. Лойберга, который очень логично и оптимально классифицирует историю, принципы и специфику способов производства, то есть методов жизнеобеспечения у народов (родов и племен), начиная с самых первобытных времен и заканчивая в основном двадцатым веком. Так, например, он выделяет следующие исторические типы хозяйствования: 1. Собирательство; 2. Охотничество; 3. Кочевой тип хозяйствования; 4. Степной тип присвоения благ; 5. Речной способ воспроизводства и удовлетворения материальных и духовных потребностей; 6. Горский тип образа жизни и производства; 7. Средиземноморский тип хозяйствования; 8. Хуторской способ производства; 9. Общинно-крестьянский механизм жизнеобеспечения [6, с. 3–13].

Кроме того, в учебной и научной литературе сделана попытка подчеркнуть неповторимые национальные, этнологические и этические черты каждого племени, народа и государства. Так, автор научной теории пассионарности, который достаточно подробно изучил историю миграции хуннов-гуннов из центральной Азии в Европу, — Лев Николаевич

Гумилев. Он отметил также главную специфику, содержание хозяйственной деятельности, и главное, дал характеристику, а именно показал климатические причины и закономерности великого переселения народов на протяжении веков с Востока на Запад.

Именно автор «Черной легенды» впервые выделил три критерия и три составных части специфики способа выживания, способа жизнеобеспечения, способа воспроизводства каждой группы древних племен, в том числе на территории славянской Евразии. Главными сущностными историческими чертами любой народности, или со временем национальности Л. Н. Гумилев считал, во-первых, экологическую географию, во-вторых, менталитет (опыт прошлых предков), и, в-третьих, геополитику (опыт отношений, взаимодействий с соседними племенами) [3].

До начала Промышленной революции в Англии и других главных (развитых) европейских странах основным экономическим и экологическим богатством оставались земельные ресурсы с их пашнями, полями и пастбищами. И даже после того, как в результате Великих географических открытий, когда мир поделили на колонии и метрополии, самой богатой по территории, имеющей лесные и земельные ресурсы, в начале двадцатого века оставалось государство под названием «Российская империя». Она включала 1/5 часть мировой суши, а остальные крупные державы Россия превосходила по земельным недрам, т. е. по разведанным запасам полезных ископаемых. Но в первую очередь, Россия пугала весь мир по тому количеству продовольствия, которое она могла производить и экспортировать в начале XX века. По факторам конкурентных преимуществ наша Российская Федерация и сегодня способна войти в первую пятерку стран мира, к сожалению, не хватает компетентности и опыта управления рыночной и смешанной экономикой российских регионов.

С позиций ответов на главные методологические сущности руководители любой страны должны понимать и со знанием дела отвечать на 5 главных вопроса высокопрофессионального управления факторами производства. Факторы производства включают в себя, как написано во всех учебниках по экономике со ссылкой на великого ученого Англии Адама Смита: 1. Труд (рабочая сила); 2. Капитал (средства производства); 3. Земля (земельные ресурсы, площади и участки, на которых можно воспроизводить продукты питания); 4. Информационные ресурсы (знания, цифровой интеллект); 5. Предпринимательские способности и стартапы; 6. Экологические ресурсы (фауна,

флора, пресная вода, климат); 7. Полезные ископаемые, находящиеся, прежде всего в недрах земли [9].

Пять главных методологических вопроса формулируются в следующей редакции: 1) Что такое государство и какова история его происхождения и законы развития? 2) Кто такие институты собственности и каковы закономерности развития? 3) Что такое «семья» как важнейший институт государства и общества и каковы закономерности развития этого института? Четвертый методологический вопрос формулируется следующим образом: Что такое экономическая и социально-духовная «справедливость»? И пятый, завершающий вопрос можно сформулировать как: Что такое эксплуатация и степень эксплуатации?

Совершенно очевидно, что без ответа на последние два вопроса, невозможно определить успешные пути и направления дальнейшего развития и совершенствования названных институтов: самого государства, институтов собственности и института семьи, как мини-государства [13].

После Великой Промышленной революции и индустриализации развитых стран мира, включая последнюю — электронно-цифровую постиндустриализацию, даже в середине 21 века мы должны признать, что значение землепользования, вопросов регулятивного управления аграрно-промышленными комплексами не только не уменьшилось, а наоборот возросло. Это можно объяснить возрастающими требованиями и потребностями нового качества образа жизни населения, качества продуктов питания, потребительских инфраструктурных товаров и экологическими условиями жизнедеятельности людей и необходимости народосбережения населения всех стран мира.

Новые требования мирового рынка к экспорту и импорту товародвижений выдвигаются на первый план еще с появлением отчетов «Римского клуба» и заканчивая решениями «Киотских и Парижских экологических программ» нового XXI века [4].

Большой проблемой российского правительства даже в наши дни является проблема планирования и прогнозирования, формирования и развития региональных кластеров, точек экономического роста, включая «вечные» вопросы дальнейшего повышения эффективности и наращивания производства продовольствия для экспорта и отечественного потребления населения российских городов и населенных мелких агломераций.

Научный подход к решению проблемы повышения конкурентоспособности продукции, предназначенной для продажи в другие

страны, требует изучить опыт и все материалы по разделам «стратегический менеджмент» и «маркетинговый анализ зарубежных рынков». Известный ученый-экономист, профессор Гарвардского университета США, директор бизнес-школы Майкл Портер уже в конце прошлого века опубликовал несколько главных книг и концепций по вопросам условий, факторов и способов сохранения конкурентных преимуществ предприятий и фирм, работающих на мировой рынок. Так, например, он разработал концепцию «Пять сил конкурентных детерминант национальной экономики», «Схему 16 кластеров конкурентоустойчивости экономики стран мира». Наконец, очень важным методологическим вкладом в науку под названием «Монополизм и конкуренция» стала его попытка классификации главных факторов конкурентоспособности любой страны мира, которая участвует в торговле товарами между государствами.

Майкл Портер все страновые факторы конкурентных преимуществ разделил и структурировал по двум группам (категориям). К первой группе, которую он наименовал «природно-исторические факторы конкуренции», он отнес следующие: 1. Географическое положение страны (климат, выход к морям); 2. Наличие природных ресурсов, полезных ископаемых и экологических ресурсов; 3. Исторический менталитет народонаселения (опыт предков и характер титульного народонаселения, главные черты характера нации). Вторую группу конкурентных факторов и преимуществ страны он назвал «искусственно-приобретенные», которые следует считать воспроизводимыми. Именно они стали играть определяющую роль в качественном росте экономик стран мира уже в середине 20-го века. К ним следует относить: 1. Роль правительства с точки зрения компетентного управления экономикой народнохозяйственного комплекса; 2. Расходы на науку в процентах от ВВП; 3. Расходы на образование и медицину в процентах от ВВП; 4. Удельный вес «золотых и серебряных воротничков» в составе совокупной рабочей силы; 5. ВВП на душу населения; 6. Средняя продолжительность жизни граждан страны; 7. Количество запатентованных изобретений и открытий за последние пять лет; 8. Качество экологических ресурсов; 9. Качество образа жизни и степень развития туризма в стране; 10. В каких из 16 кластеров по схеме мировой конкурентоустойчивости представлена экономика отраслей и в каком объеме по удельному весу. Речь идет о точках экономического роста национальной экономики. 11. Среднегодовые

темпы роста национальной экономики за последние 3–5 лет [См. 8, с. 51–153].

Именно эти публикации дали толчок для разработки факторных схем и определения показателей сохранения конкурентных преимуществ в Российской микро- и макроэкономике. В настоящее время каждое предприятие в процессе составления «бизнес-плана» должно проводить swot-анализ, или использовать метод «многоугольника конкуренции». Расчет внутренних и внешних детерминант конкурентоспособности дает возможность выбрать и сформулировать конкретную модель стратегического развития фирмы (по схеме PEST).

Исторически существует два подхода к планированию и прогнозированию контрольных цифр экономики любой страны. Такие эксперименты под названием реформирования народнохозяйственного комплекса проводились и в нашей советской и российской стране. Главный подход всегда назывался «отраслевым», а второй «аграрно-территориальным». Вечная проблема планирования и прогнозирования сводилась к тому, как взаимно выгодно сочетать интересы отраслевых министерств и министерства сельского хозяйства. Сегодня всем руководителям и госслужащим понятно, что имеются потребности населения регионов, но с другой стороны, у отраслевых министерств или агентств имеются свои специфические потребности повышать показатели эффективности работы предприятий, фирм, корпораций и увеличивать объем прибыли.

В условиях рыночной экономики требуется в первую очередь определить кластерные точки экономического роста, после этого исчисляются показатели развития промышленных и инфраструктурных предприятий и согласовывают их с перспективами развития региональных территорий по «горизонтальному принципу». Поэтому руководителям регионов, областей, краев и территорий необходимо определить главные стратегические направления, цели развития; обосновать выбранные стратегические модели и снять «противоречия», с экономическими и социальными целями (стратегиями) развития промышленных предприятий на данной территории.

Необходимо особо подчеркнуть, что в каждом регионе имеется своя специфика потенциальных инновационно-инвестиционных проектов. С учетом традиций и потребностей региона необходимо рассматривать в планах и прогнозах в первую очередь разделы эколого-экономического развития предприятий агропромышленного комплекса.

Современные методы землепользования в регионах и в частности в Свердловской области не способствуют сохранению или повышению эколого-натурального качества фауны и флоры, а пашенное земледелие и растениеводство требует дополнительных удобрений, что чревато нарастанием проблем пчеловодства и несоответствию требований отечественного покупателя к продуктам питания [См. 1, с. 449–506].

Самыми актуальными плохо решаемыми проблемами в региональных сельхозпредприятиях продолжают быть задачи реализации выращенной продукции хотя бы по себестоимости. Потребительских кооперативов по примеру скандинавских стран как не было, так и нет. Реформа вывоза и утилизации мусора приобрела долговременный характер, леса продолжают уничтожать «черные лесорубы» и пожары, розничные цены на продукты питания в сетевых магазинах неуклонно ползут вверх. Наконец выяснилось, что полной продовольственной безопасности по семенному материалу, удобрениям, по сельхозтехнике (машинам, тракторам и оборудованию) мы так и не достигли.

Лучшие зерновые сорта пшеницы, ржи, ячменя, гречихи мы продаем в другие страны, а себе оставляем на продукты питания «не стандарт». Одновременно с экспортом страна «Россия» вынуждена закупать за рубежом те же зерновые, но с более высокой клейковиной. Газетно-журнальная пресса открыто свидетельствует о том, что почти все главные агрохолдинги в регионах Российской Федерации принадлежат юридически, по нормативным и правовым документам иностранцам [11, с. 10].

Таким образом, ситуация в АПК и конкретно по функционированию экспортных кластеров требует особых регулятивных мероприятий со стороны антимонопольного комитета и контрольно-ревизионных органов государства. Появилась объективная необходимость и потребность расширения экономико-правовых полномочий и функций Министерства сельского хозяйства Российской Федерации [10, с. 6; 16].

Решение проблем развития землепользования и совершенствования деятельности АПК в регионах РФ требует не дополнительных инвестиций, которых конечно никогда не хватает, а прежде всего подробного анализа и разбирательства специальных правовых органов при ответе на следующие вопросы: 1. Почему мусорная реформа «затормозилась», хотя денег выделено более чем достаточно? 2. Почему до сих пор основная масса лесных ресурсов в виде обычного «кругляка» продолжает

«черными бизнесменами» продаваться в Китай и Южные республики бывшего СССР? 3. Когда будет разработан социально-экономический механизм, удерживающий цены урожая и продуктов питания на уровне соответствия средним доходам населения городов и поселков?

В государственной Думе РФ (в парламенте) уже несколько лет идут дискуссии по вопросу, а не вернуть ли нам метод «планирования» в качестве инструмента управления как в Китае, и не восстановить ли нам Госплан, но уже в новых условиях рыночно-административных факторов развития регионов страны [7, с. 268–287].

Заключение

Ученые-экономисты всегда утверждали, что «закон планомерного пропорционального развития» имеет всеобщий характер и относится к разряду объективно-необходимых. Каждое предприятие в обязательном порядке составляет бизнес-план сроком на 3–4 года и вносит соответствующие «поправки» то есть

выполняет одну из важнейших функций управления «регулирование».

Думается, что такая процедура не помешала бы планированию и прогнозированию хозяйственной деятельности фирмам, отраслям, корпорациям (акционерным обществом), а значит всему народнохозяйственному комплексу страны на 3–5 лет. Пока что мы наблюдаем, как правительство России составляет план доходов и расходов федерального бюджета.

Общеизвестно, что любое планирование, любой хозяйственной деятельности во многом снижает риски кризисов и банкротств, позволяет более внимательно изучать и считаться с такими всеобщими экономическими звеньями как «закон экономических циклов», «закон физического, морального и функционального износа факторов производства», «законом возвышения потребностей» и других.

Таким образом, к улучшению качества составления прогнозов, планов и перспектив подводит и приводит нас логика и диалектика экономического хозяйствования.

Список источников

1. Вечканов Г. С. Экономическая теория : Учебник для вузов. Санкт-Петербург : Питер, 2019. 512 с.
2. Груссе Рене. Степные кочевники, покорившие мир. Под властью Аттилы, Чингисхана, Тамерлана. Пер. с фр. В. Е. Климанова. Москва : Центрполиграф. 2020. 527 с.
3. Гумилев Л. Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. Москва : Айрис-пресс. 2007. 576 с.
4. Киреев А. П. Международная микроэкономика : учебник. Москва : Междунар. отношения. 2017. 712 с.
5. Лебедев Ю. В. Экологически устойчивое развитие территорий. Екатеринбург. 2017. 472 с.
6. Лойберг М. Я. История экономики: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва : Инфра-М. 2010. 128 с.
7. Макроэкономическое планирование и прогнозирование: учебник / Семин А. Н. [и др.]. Москва : КНОРУС. 2016. 308 с.
8. Портер М. Международная конкуренция : пер. с англ. / под ред. и с предисловием В. Д. Щетинина. Москва : Междунар. отношения, 1993. 896 с.
9. Портер М. Э. Конкуренция : пер. с англ. : учебное пособие. Москва : Издательский дом «Вильямс». 2001. 495 с.
10. Угланов А., Мельниченко В. Поляки в любой момент могут лишить нас яиц / Аргументы недели. 2021. 19 мая.
11. Чуйков А. Весь мир сегодня мы накормим? / Аргументы недели. 2021. 2 июня.
12. Экономическая история : учебник / Кузнецова О. Д. [и др.]. Москва : Юрайт, 2011. 526 с.
13. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Москва : Политиздат, 1977. 483 с.
14. Энгельс Ф., Маркс К. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека : соч., изд. второе. Том 20. Москва : Политиздат. 1961.

References

1. Vechkanov G.S. *Economic theory*. St. Petersburg: Piter Publishing House; 2019. (In Russ.)
2. Grusse Rene. *Steppe nomads who conquered the world. Under the power of Attila, Genghis Khan, Tamerlane*. Translated from French by V.E. Klimanov. Moscow: Tsentropoligraf Publ.; 2020. (In Russ.)
3. Gumilev L.N. *The Black Legend. Friends and Foes of the Great Steppe*. Moscow: Iris-Press; 2007. (In Russ.)
4. Kireev A.P. *International Microeconomics*. Moscow: International relations Publ.; 2017. (In Russ.)
5. Lebedev Yu.V. *Ecologically sustainable development of territories*. Yekaterinburg; 2017. (In Russ.)

6. Loiberg M.Ya. *History of economics: a textbook for students of higher educational institutions*. Moscow: Infra-M Publ.; 2010. (In Russ.)
7. Semin A.N., Lysenko Yu.V., Lysenko M.V., Tailova E.Kh. *Macroeconomic Planning and Forecasting*. Moscow: KNORUS Publ.; 2016. (In Russ.)
8. Porter M., Shchetinin V.D. (ed.) *International Competition*. Moscow: International Relations Publ.; 1993. (In Russ.)
9. Porter M. E. *Competition*. Moscow: Williams Publ.; 2001. (In Russ.)
10. Uglanov A., Melnichenko V. Poles can deprive us of eggs at any moment. *Argumenty Nedeli*. 2021 May 19. (In Russ.)
11. Chuikov A. Shall we feed the whole world today? *Argumenty Nedeli*. 2021 Jun 2. (In Russ.)
12. Kuznetsova O.D., Shapkin I.N., Kvasov A.S., Permyakov L.I. *Economic history*. Moscow: Yurajt Publ.; 2011. (In Russ.)
13. Engels F. *Anti-Dühring. The Revolution in Science by Mr. Eugene Dühring*. Moscow: Politizdat Publ., 1977. (In Russ.)
14. Engels F., Marx K. *The role of labor in the transformation of the ape into a man*. 2nd ed. Vol. 20. Moscow: Politizdat Publ.. 1961. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 26.03.2021.

МОНИТОРИНГ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Евгений Владимирович Никитин

*Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
nikitinev@susu.ru, ORCID:0000-0001-8603-070X*

Аннотация. В статье акцентируется внимание на том, что обеспечение экологической безопасности невозможно без эффективного государственного экологического мониторинга. Исследуется правовая основа деятельности субъектов государственной системы мониторинга окружающей среды, на основании которой они осуществляют наблюдения за состоянием окружающей среды, дают оценку и прогноз изменений экологической ситуации. Анализируется единая система государственного экологического мониторинга, выделяются проблемные аспекты указанной системы и предлагаются пути их решения. Указывается на необходимость изменения и дополнения законодательства для более эффективного управления природопользованием и обеспечением экологической безопасности при помощи системы экологического мониторинга. Обоснована необходимость создания региональной системы экологического мониторинга, оснащенной современным программным обеспечением в целях онлайн мониторинга состояния окружающей среды Челябинской области.

Ключевые слова: экологический мониторинг, охрана окружающей среды, региональная система мониторинга окружающей среды, экологическая безопасность

Для цитирования: Никитин Е. В. Мониторинг окружающей среды как система обеспечения экологической безопасности // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 27–31.

Original article

ENVIRONMENTAL MONITORING AS A SYSTEM FOR ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY

Yevgeniy V. Nikitin

*South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
nikitinev@susu.ru, ORCID-0000-0001-8603-070X*

Abstract. The article focuses on the fact that ensuring environmental safety is impossible without effective state environmental monitoring. The legal basis of the activities of the subjects of the state environmental monitoring system, on the basis of which they carry out observations of the state of the environment, assessment and forecast of changes in the environmental situation, is studied. The unified system of state environmental monitoring is analyzed, the problematic aspects of this system are highlighted and ways to solve them are proposed. It is pointed out that it is necessary to change and supplement the legislation for more effective management of environmental management and ensuring environmental safety with the help of an environmental monitoring system. The necessity of creating a regional environmental monitoring system equipped with modern software for online monitoring of the state of the environment of the Chelyabinsk region is justified.

Keywords: environmental monitoring, environmental protection, regional environmental monitoring system, environmental safety

For citation: Nikitin Ye.V. Environmental Monitoring as a System for Ensuring Environmental Safety. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):27-31. [In Russ.]

Введение

Одним из ключевых и важных средств реализации государственной политики в области экологии являются ее информационное обеспечение, в том числе с помощью экологического мониторинга. Основным предназначением этих средств является обеспечение государственных и муниципальных органов, юридических лиц и граждан достоверной информацией о состоянии окружающей среды и ее возможных неблагоприятных изменениях. Согласно Экологической доктрине Российской Федерации¹ эффективная охрана окружающей среды связана, прежде всего, с необходимостью развития единой государственной системы экологического мониторинга на всей территории страны, совершенствование нормативной базы, регламентирующей взаимодействие государственных органов, его осуществляющих, создание методологии экологического мониторинга Российской Федерации, а также технического и материального обеспечения деятельности системы такого мониторинга. Остановимся на некоторых правовых проблемах организации системы мониторинга окружающей среды, решение которых, на наш взгляд, существенно повысило эффективность управления природопользованием.

Методы и методология

В общем, методологическую основу исследования составляют общепризнанные принципы диалектики и системный подход, а так же, специальные методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный. Особое место, как «инструменту» исследования, уделено сравнительно-правовому и системно-структурному методу благодаря которому мы сформулировали выводы, изложенные в заключении статьи.

Описание исследования

Во-первых, обратимся к правовой основе экологического мониторинга в России.

Нормативно правовое регулирование экологического мониторинга в России основано на обширной законодательной базе. Прежде всего, это Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ², в котором предусмотрена Глава 10 «Государственный экологический мониторинг (государственный мониторинг окружающей среды)». Порядок

¹ Экологическая доктрина Российской Федерации (одобрена распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/2158906/> (дата обращения: 07.06.2021).

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

осуществления государственного экологического мониторинга, организация и функционирование единой его системы предусмотрен Постановлением Правительства РФ от 9 августа 2013 г. № 681 «О государственном экологическом мониторинге (государственном мониторинге окружающей среды) и государственном фонде данных государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды)»³. Специфика мониторинга окружающей среды в зависимости об объектов мониторинга предусмотрена различными нормативными правовыми актами, среди которых следует отметить следующие: Водный кодекс Российской Федерации⁴ от 03.06.2006 № 74-ФЗ, Земельный кодекс Российской Федерации⁵ от 25.10.2001 № 136-ФЗ, Лесной кодекс Российской Федерации⁶ от 04.12.2006 № 200-ФЗ, Федеральный закон «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации»⁷ от 31.07.1998 № 155-ФЗ, Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸ от 24.07.2009 № 209-ФЗ, Закон РФ «О недрах»⁹ от 21.02.1992 № 2395-1 и др.

Как представляется большое разнообразие нормативных источников и подходов к осуществлению экологического мониторинга не совсем положительный момент для эффективного природопользования. На наш взгляд необходима унификация подходов к проведению экологического мониторинга в целях обеспечения достоверности и сопоставимости данных экологического мониторинга по отдельным объектам контроля, отраслям экономики и регионам страны. В будущем, это должно привести к созданию единой экологической информационной системы на общих подходах и принципах.

Во-вторых, важным моментом является обращение к понятию «экологического мониторинга» и содержанию, которое вкладывается в это понятие.

Законодатель в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹⁰ определяет государственный

³ Собрание законодательства РФ. 2013. № 33. Ст. 4383.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.

⁵ Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

⁶ Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

⁷ Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3833.

⁸ Собрание законодательства РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.

⁹ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 16. Ст. 834.

¹⁰ Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

экологический мониторинг как комплексные наблюдения за состоянием окружающей среды, в том числе компонентов природной среды, естественных экологических систем, за происходящими в них процессами, явлениями, оценка и прогноз изменений состояния окружающей среды.

Доктринальный подход в научной и учебной литературе определяет мониторинг окружающей среды как систему с набором разнообразных модулей, обеспечивающих сбор и обработку информации, полученной в выбранном пространственно-временном поле, дальнейшую интерпретацию материала, моделирование, прогноз и принятие управленческих решений [4, с. 22–23].

На наш взгляд, в законодательном определении экологического мониторинга акцент делается на наблюдении, оценке и прогнозе изменения окружающей среды, а в доктринальном понимании главным моментом является принятие оптимальных решений и управление важными для личности, общества и государства процессами, что более обосновано и правильно. Простое наблюдение и описание экологической ситуации без формулирования целей этой деятельности и включение в ее содержание принятия эффективных управленческих решений на основе полученной информации «выхолащивает» смысл и назначение мониторинга. Кроме того, формирование баз данных экологически значимой информации без современных технологий ее обработки для поддержки принятия решений не позволяет говорить об экологическом мониторинге как эффективном инструменте государственного управления в экологической сфере.

В этом плане абсолютно справедливы рассуждения В. С. Маликова, который отмечает, что «полученная в ходе реализации мониторинга информация служит для управления экологическими процессами, в первую очередь, путем планирования и реализации природоохранных мероприятий. Она также крайне важна для планирования рационального природопользования» [3, с. 23]. «...Анализ системы управления природопользованием и охраной окружающей среды вытекает из необходимости создания оптимальной системы управления, в которой мониторинг состояния окружающей среды выступает информационным компонентом, обеспечивающим всю систему управления необходимой информацией для принятия эффективных управленческих решений» [3, с. 33]. «...Таким образом, становится очевидным, что в системе современного природопользования важным элементом становится комплексный экологический

мониторинг, осуществляемый с целью анализа и оценки происходящих изменений в биосфере, их прогноза и выработки рекомендаций для целей управления» [3, с. 37].

С учетом вышесказанного предлагаем закрепить в ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹ понятие государственного экологического мониторинга в следующей редакции:

«В настоящем Федеральном законе используются следующие основные понятия: государственный экологический мониторинг как комплексные наблюдения за состоянием окружающей среды, в том числе компонентов природной среды, естественных экологических систем, за происходящими в них процессами, явлениями, оценка и прогноз изменений состояния окружающей среды в целях обеспечения экологической безопасности и эффективного природопользования».

Кроме того, предлагаем п. 2 ст. 63.1. вышесказанного закона дополнить тремя новыми задачами единой системы государственного экологического мониторинга, а именно:

— подготовка и поддержка управленческих решений по эффективному природопользованию с помощью новейших информационных технологий;

— организация автоматизированной фиксации превышения пороговых показателей негативно воздействующих факторов на окружающую среду для своевременного купирования экологических угроз;

— обеспечение экологической безопасности путем своевременного выявления и пресечения экологических правонарушений в целях привлечения к юридической ответственности виновных лиц и (или) ликвидации, возмещения, минимизации экологического вреда.

Применительно к выделенной нами последней задаче экологического мониторинга представляется важным обратиться к вопросу обеспечения экологической безопасности посредством наблюдений за состоянием профилактики правонарушений, анализа и прогнозирования причин и условий, способствующих совершению экологических правонарушений, а также оценки эффективности деятельности должностных лиц в указанной сфере. Здесь нам видится следующая проблема, как отмечается в юридической литературе, в рамках осуществления государственного экологического мониторинга должностные лица, его осуществляющие, не обладают полномочиями привлечения к юридической ответственности [1, с. 30].

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

На наш взгляд, для более эффективной охраны окружающей среды необходимо предоставить правовые основания должностным лицам, осуществляющим экологический мониторинг, по привлечению правонарушителей к юридической ответственности.

В-третьих, необходимо формировать правовую базу, принципы и особенности проведения мониторинга окружающей среды на региональном уровне с учетом региональной экологической политики.

Региональный мониторинг отличается от общегосударственного не только масштабом наблюдения, но и тем, что его задачи и приоритетные направления определяются с учетом экологических, экономических и социальных особенностей конкретной территории [2; 5]. Региональные системы экологического мониторинга создаются для получения информации о состоянии окружающей среды на территории крупных регионов государств. Помимо информации, которая передается на национальный уровень мониторинга, данные системы решают и специфические задачи, которые обусловлены особенностями природных объектов или техногенных воздействий на данных территориях [4, с. 87].

В науке выделяют три уровня управления окружающей средой макроуровень — государственное (федеральное) управление; мезоуровень — управление, осуществляемое на уровне субъекта федерации (регион, например. Воронежская область); микроуровень — управление охраной окружающей среды на уровне предприятий (в рамках внутрихозяйственной деятельности). Несомненно, границы уровней могут оказаться размытыми [3, с. 137].

Учитывая эти положения экологической науки для более эффективной охраны окружающей среды и природопользования целесообразно экологический мониторинг разделять по уровням (федеральный, региональный, локальный) объединив их в единую информационную среду обеспечения экологической безопасности.

Особенно актуально построение региональной системы экологического мониторинга для Челябинской области, учитывая высокую антропогенную нагрузку на окружающую среду в этом регионе из-за высокой индустриализации.

Считаем необходимым разработать и внедрить во внутрироссийскую действительность региональную систему экологического мониторинга Челябинской области Российской Федерации с учетом региональных особенностей с подготовкой соответствующей региональной нормативной базы для этого (например,

Закона Челябинской области «Об охране окружающей среды Челябинской области», включив в него главу, посвященную региональному мониторингу окружающей среды Челябинской области).

Структурно данная глава должна состоять из статей, регулирующих следующие аспекты мониторинга окружающей среды Челябинской области: понятие и задачи экологического мониторинга, компоненты системы экологического мониторинга, базы данных экологического мониторинга и обмен экологически значимой информацией, пороговые показатели обеспечения экологической безопасности Челябинской области.

По объектам контроля система экологического мониторинга Челябинской области должна структурно объединять и включать в себя наблюдения за состоянием атмосферного воздуха, земель, лесов, водных объектов, животного мира, недр.

Как нами было замечено выше, система экологического мониторинга, помимо информационно-технической и оценочно-прогностической составляющей должна в обязательном порядке включать аналитический блок поддержки принятия решений по обеспечению экологической безопасности.

В алгоритме управления экологической ситуацией исходным блоком является мониторинг, обеспечивающий качество управленческих решений в области корректировки экологической ситуации. Определение приоритетных целей базируется на принципе всесторонней обеспеченности принятия решений, реализация которого, в свою очередь, невозможна без действующей системы информационно-аналитического обеспечения на основе информационных технологий [3, с. 137]. Поэтому необходимо упорядочить алгоритмы обработки данных и доступа к таким данным. В системе должна содержаться качественная информация, т. е. особые требования должны предъявляться к ее открытости, оперативности, достоверности и полноте.

Способы получения такой первичной экологической информации разнообразны. В связи тотальной информатизацией общества, прежде всего, это могут быть разнообразные технические средства фиксации и анализа экологической ситуации. На сегодняшний день спектр возможных технических средств охраны окружающей среды достаточно разнообразен, от фотоловушек и беспилотных летательных аппаратов (используемых при охране национальных природных парков) до сложных систем мониторинга атмосферного воздуха, воды и почвы. Напрашивается необходимость объединения

технических средств (в том числе и используемых экологическими активистами) в единую информационную среду, оснащенную современным программным обеспечением в целях онлайн мониторинга состояния окружающей среды. В связи с этим необходимы IT-технологии, которые бы позволили на основе анализа больших данных из различных источников определять, например, причину загрязнения атмосферного воздуха, выявлять незаконную вырубку леса, определять очаги возгорания лесных массивов даже при сильном задымлении и т. п.

Заключение

Подводя итоги вышесказанному, необходимо сделать следующие выводы. Интенсивное антропогенное негативное воздействие на окружающую среду и возникновение чрезвычайных ситуаций природного характера, ухудшающие экологическую ситуацию требуют постоянного мониторинга окружающей среды в целях обеспечения экологической безопасности.

Под государственным экологическим мониторингом предлагаем понимать комплексные наблюдения за состоянием окружающей среды, в том числе компонентов природной среды, естественных экологических систем,

за происходящими в них процессами, явлениями, оценка и прогноз изменений состояния окружающей среды в целях обеспечения экологической безопасности и эффективного природопользования. Для более эффективной охраны окружающей среды необходимо предоставить полномочия должностным лицам, осуществляющим экологический мониторинг, по привлечению правонарушителей к юридической ответственности.

Считаем необходимым разработать и внедрить во внутрироссийскую действительность региональную систему экологического мониторинга Челябинской области Российской Федерации с учетом региональных природных особенностей и антропогенного влияния. Для регулирования этой системы необходимо подготовить и принять соответствующую региональную нормативную базу (например, Закон Челябинской области «Об охране окружающей среды Челябинской области», включив в него главу, посвященную региональному мониторингу окружающей среды Челябинской области). Для эффективного решения стоящих перед ней задач региональная система мониторинга должна объединяться в единую информационную среду, с подключением служб мониторинга и экологического контроля.

Список литературы

1. Гаевская Е. Ю., Вагина О. В. Государственный экологический мониторинг как основание юридической ответственности // Бизнес, менеджмент и право. 2019. № 2. С. 30–35.
2. Каракеев В. И., Севрюкова Е. А. Экологический мониторинг : учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2021. 397 с.
3. Маликов В. С. Экологические основы формирования и функционирования региональной системы мониторинга окружающей среды (на примере Воронежской области) : дис. ... канд. биол. наук. Воронеж, 2004. 223 с.
4. Хаустов, А. П., Редина М. М. Экологический мониторинг : учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2021. 543 с.
5. Эколого-гигиенические основы мониторинга и охраны городской среды : монография / Мамчик Н. П. [и др.]. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2002. 332 с.

References

1. Gaevskaya Ye.Yu., Vagina O.V. State environmental monitoring as a ground for legal responsibility. *Biznes, menedzhment i pravo* [Business, Management and Law]. 2019;(2):30–35. (In Russ.)
2. Karakeyan V.I., Sevryukova Ye.A. *Environmental monitoring: textbook for universities*. Moscow: Yurayt Publishing House; 2021. (In Russ.)
3. Malikov V.S. *Ecological foundations of the formation and functioning of the regional environmental monitoring system (on the example of the Voronezh region)*. [dissertation]. Voronezh; 2004. (In Russ.)
4. Khaustov A.P., Redina M.M. *Environmental monitoring: textbook for universities*. Moscow: Yurayt Publishing House; 2021. (In Russ.)
5. Mamchik N.P., Kurolap S.A., Klepikov O.V. *Ecological and hygienic foundations of monitoring and protection of the urban environment*. Voronezh: Voronezh State University; 2002. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 15.07.2021.

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ (на примере управления на транспорте МВД России по Южному федеральному округу)

Татьяна Сейтмететовна Сейтмететова

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия
tania9391@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы информационной открытости деятельности полиции. В соответствии с современными тенденциями информатизации и цифровизации государственного управления информационная открытость является одним из важнейших условий функционирования органов государственной власти. Автором обосновано значение использования сети «Интернет» для повышения уровня информационной открытости территориальных органов МВД России, определена нормативная правовая база для размещения информации о деятельности данных органов на интернет-сайтах. На основе использования сравнительно-сопоставительного метода проведено авторское исследование информационной открытости деятельности Управления на транспорте МВД России по Южному федеральному округу по материалам сети «Интернет».

Предложено введение специального показателя «индекс информационной открытости» для оценки информационной открытости деятельности территориальных органов МВД России на основе данных с их официальных сайтов. Раскрывается методика расчета данного показателя, а также оценки полученных результатов. В заключительной части статьи сформулированы предложения по повышению информационной открытости деятельности полиции.

Ключевые слова: информационное общество, принципы деятельности полиции, доверие и поддержка граждан, информационная открытость, органы внутренних дел на транспорте, эффективность, интернет-сайт

Для цитирования: Сейтмететова Т. С. Проблемы информационной открытости деятельности полиции (на примере управления на транспорте МВД России по Южному федеральному округу) // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 32–40.

Original article

PROBLEMS OF INFORMATION TRANSPARENCY OF POLICE ACTIVITY (On the Example of the Transport Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Southern Federal District)

Tatyana S. Seytmemetova

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Krasnodar, Russia, tania9391@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of information transparency of the police. In accordance with the current trends of informatization and digitalization of public administration, information transparency is one of the most important conditions for the functioning of public authorities. The author substantiates the importance of using the Internet to increase the level of information transparency of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

defines the regulatory legal framework for posting information about the activities of these bodies on Internet sites. Based on the use of a comparative method, the author conducted a study of the information transparency of the activities of the Transport Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Southern Federal District based on the materials of the Internet.

It is proposed to introduce a special indicator “information openness index” to assess the information transparency of the activities of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the basis of data from their official websites. The method of calculating this indicator, as well as evaluating the results obtained, is disclosed. The final part of the article contains suggestions for improving the information transparency of the police.

Keywords: information society, principles of police activity, trust and support of citizens, information transparency, internal affairs bodies in transport, efficiency, Internet site

For citation: Seytmemetova T.S. Problems of Information Transparency of Police Activity (on the Example of the Transport Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia In the Southern Federal District). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):32-40. (In Russ.)

Введение

Полиция является государственным институтом, основное назначение которого состоит в защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействии преступности, обеспечении общественного порядка и безопасности. По верному замечанию И. А. Горшеневой, уникальность деятельности полиции заключается в том, что, являясь частью государственного механизма реализации государственных интересов и государственной политики, она выступает наиболее емким по объему выполняемых правоохранительных функций институтом обеспечения гарантий, прав и свобод граждан [4, с. 9].

Эффективность деятельности полиции определяется соблюдением основополагающих принципов, установленных Федеральным законом от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — Закон «О полиции»). В текущем году был отмечен десятилетний юбилей с момента принятия данного Закона; за это время работа полиции претерпела существенные изменения, будучи основанной на новых принципах: общественного доверия и поддержки граждан, открытости и публичности, взаимодействия и сотрудничества¹ и др.

В современных условиях построения информационного общества для реализации принципов деятельности полиции активно используются информационно-телекоммуникационные технологии, в том числе сеть «Интернет». Информационное общество и цифровизация находятся среди приоритетов национального развития нашей страны. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» «цифровая

¹ О полиции : Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

трансформация» является одной из национальных целей развития Российской Федерации².

Цифровая трансформация включает: достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления; увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 % и др. Данные задачи перекликаются с содержанием Государственной программы РФ «Информационное общество», целью которой является «повышение качества жизни и работы граждан, улучшение условий деятельности организаций, развитие экономического потенциала страны на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий»³.

Один из первоочередных ожидаемых результатов реализации программы состоит в осуществлении взаимодействия государства, граждан и бизнеса преимущественно на основе применения информационно-телекоммуникационных технологий. Представляется, что реализация принципа открытости и публичности деятельности полиции в условиях информационного общества также должна основываться на применении современных технологий.

Описание исследования

В современной мировой практике существует две модели реализации функций полиции. «Кризисная модель» деятельности реализуется с помощью репрессивных мер. Модель

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 / Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«социального партнерства» основывается на сотрудничестве и взаимопонимании. Создатели Закона «О полиции» планировали найти новый ресурс повышения эффективности работы полиции в социальном партнерстве полиции и общества. Как показывает опыт развитых стран, подобная форма взаимодействия с населением значительно повышает возможности полиции по поддержанию правопорядка за счет включения в этот процесс общественных объединений и сознательных граждан. Высокий уровень доверия граждан к правоохранительным органам обеспечивает их лояльность, помощь в раскрытии преступлений. Кроме того, основная цель работы полиции должна заключаться в предупреждении преступлений и административных правонарушений, а не только в борьбе с их последствиями, что невозможно без тесного сотрудничества с населением [7, с. 47].

Для построения конструктивного диалога граждан и сотрудников органов внутренних дел особую важность приобретает открытость работы полиции, которая в ст. 8 Закона «О полиции» закреплена в качестве принципа деятельности данного органа.

По мнению С. В. Калашниковой, информационная открытость в области государственного управления может трактоваться как полноразмерное использование интернет-ресурсов в работе и деятельности муниципальных и государственных структур, что является основой развития демократии в обществе, увеличивает вовлеченность граждан в управление государством, представляет собой одну из форм контроля деятельности данных органов власти, привлечения квалифицированных специалистов на муниципальную, государственную службу [6, с. 117] и т. д. Очевидно, что в условиях отсутствия должного уровня прозрачности и транспарентности (открытости) власти невозможно существование и развитие правового демократического государства.

В свою очередь, открытость и публичность как принцип деятельности полиции получает свое выражение в достоверном информировании общества, средств массовой информации о событиях, которые имели место в деятельности полиции, плановых мероприятиях, в объеме возложенных на этот орган функций, выражающихся в размещении и предоставлении по запросу граждан, организаций, заинтересованных лиц информации, которая затрагивает их права [2]. Вместе с тем, как полагают ученые-административисты, прозрачность и открытость — больше цель, чем принцип, и эту цель власти в демократическом и либеральном обществе необходимо достичь [3].

В повышении информационной открытости полиции огромную роль играет сеть «Интернет», являющаяся наиболее доступным и эффективным каналом коммуникации. Создание официальных сайтов в сети «Интернет» и размещение на них актуальной информации обязательно для всех государственных органов и органов местного самоуправления, имеющих такую возможность¹. Общий перечень необходимых данных о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, размещаемых в сети «Интернет», содержится в ст. 13 Федерального закона от 09 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Однако Указом Президента РФ от 10 августа 2011 г. № 1060 утвержден более специализированный Перечень информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее — Перечень информации о деятельности МВД).

Информация в данном Перечне классифицирована на восемь основных групп: I. Общая информация о МВД России; II. Информация о нормотворческой деятельности МВД России; III. Информация о текущей деятельности МВД России; IV. Статистическая информация о деятельности МВД России; V. Информация о координационных и совещательных органах, образованных МВД России и его территориальными органами; VI. Информация о кадровом обеспечении МВД России; VII. Информация о работе МВД России с обращениями граждан (физических лиц), организаций (юридических лиц), общественных объединений, государственных органов, органов местного самоуправления; VIII. Иная информация о МВД России.

МВД России должно обеспечить, во-первых, размещение в сети «Интернет» вышеуказанных сведений (за исключением информации ограниченного доступа), во-вторых, соблюдение сроков размещения информации о своей деятельности и, в-третьих, достоверность и своевременное обновление данной информации.

Для реализации данного Указа Президента РФ был издан Приказ МВД России от 26 февраля 2018 г. № 109 «О порядке подготовки и размещения информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее — приказ № 109), в котором определены особенности размещения

¹ Согласно ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 09 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

информации и ответственные за это лица и подразделения¹. Приказ № 109 устанавливает, что основная информация размещается на сайтах, входящих в единую структуру аппаратно-программного комплекса «Официальный интернет-сайт МВД России», однако подразделениями органов внутренних дел могут использоваться и иные интернет-ресурсы, в том числе страницы в социальных сетях. Подготовка и размещение информации осуществляются подразделениями центрального аппарата МВД России, территориальными органами МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях, организациями системы МВД России в рамках их компетенции.

Исследование информационной открытости деятельности Управления на транспорте МВД России по Южному федеральному округу

Как справедливо отмечает П. А. Андреев, «декларация самого принципа информационной открытости в законодательстве и его реализация в деятельности органов внутренних дел — разные вещи» [1, с. 120]. Особенно часто пробелы в размещении требуемой информации возникают у территориальных органов МВД России, в связи с чем представляется необходимым проанализировать уровень информационной открытости деятельности полиции по официальным источникам в сети «Интернет» на примере конкретного органа — Управления на транспорте МВД России по Южному федеральному округу (далее — УТ по ЮФО).

Органы внутренних дел на транспорте (далее — ОВДТ) представляют собой самостоятельную структурную подсистему МВД России, обладающую относительно обособленным статусом в составе данного министерства. Специфика деятельности ОВДТ заключается в ее ограниченности территориями оперативного обслуживания, привязанными к объектам железнодорожного, водного, воздушного транспорта, на которых в пределах своей компетенции ОВДТ реализуют общеполлицейские функции по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности [8, с. 26].

УТ по ЮФО имеет свой официальный сайт в сети «Интернет», входящий в АПК «Официальный интернет-сайт МВД России»: «юфот.мвд.рф» (далее — сайт). Используя эмпирические данные с указанного сайта, для

¹ О порядке подготовки и размещения информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: приказ МВД России от 26 февраля 2018 г. № 109 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

достижения поставленной цели исследования проведем анализ наличия необходимых сведений о деятельности УТ по ЮФО согласно разделам Перечня информации о деятельности МВД.

1. В разделе общей информации для территориальных органов (в пределах компетенции) обязательно размещение сведений об их структуре, полномочиях, нормативной правовой основе деятельности, подведомственных органах, руководителях, участковых уполномоченных полиции с указанием их контактных данных. Также необходимыми являются сведения о средствах массовой информации, учрежденных МВД России, и их финансировании.

Анализ содержания сайта УТ по ЮФО показывает, что общая информация на нем освещена достаточно полно: структура, контактные данные, сведения о руководстве представлены в соответствующих разделах. Вместе с тем, согласно приказу № 109, при размещении сведений о полномочиях МВД России, задачах и функциях его подразделений также требуется указание нормативных правовых актов, определяющих эти полномочия, задачи и функции². Перечни таких нормативных правовых актов, как правило, включают в раздел «документы», имеющийся как на официальном сайте МВД России, так и на сайтах иных ОВДТ³. Однако на интернет-ресурсе УТ по ЮФО регулирующие деятельность данного органа нормативные правовые акты не указаны, что является существенным пробелом. На наш взгляд, особо востребованным является размещение на сайте положения об УТ по ЮФО как основного документа, закрепляющего административно-правовой статус рассматриваемого ОВДТ.

В разделе «Пресс-служба» содержатся достаточно полные данные, как о ведомственных СМИ МВД России, так и об аккредитованных УТ по ЮФО, а также адреса последнего в мессенджерах и социальных сетях.

2. В рамках информирования о нормотворческой деятельности территориальные органы внутренних дел обязаны размещать: установленные формы обращений, заявлений и других документов, принимаемых территориальными органами МВД России к рассмотрению; информацию о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД России заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях.

² Там же.

³ См., например, Управление на транспорте МВД России по Северо-Западному федеральному округу: официальный сайт. URL: https://сзфот.мвд.рф/UT_MVD/документы (дата обращения: 05.06.2021).

Работа с обращениями граждан на сайте освещена весьма подробно: функционал включает пять ссылок (обзоры обращений граждан, список подразделений для приема обращений, благодарственные письма, порядок приема обращений, образец заявления¹), по которым можно найти необходимую информацию. Также присутствует возможность проверить статус обращения с помощью специального кода.

3. Информация о текущей деятельности является наиболее крупным блоком сведений, которые обязательны к размещению территориальными органами МВД России. В нем можно выделить такие подтемы, как новостные, информационно-аналитические материалы, сведения об использовании контрактной системы закупок товаров и услуг, о взаимодействии с иными органами власти и организациями и др.

На сайте УТ по ЮФО представлена новостная информация различной направленности; отдельный раздел «тексты выступлений» содержит доклады начальников структурных подразделений УТ по ЮФО об их деятельности². Новостная информация наиболее полно освещает текущую деятельность транспортной полиции, однако зачастую является мало структурированной, что существенно затрудняет работу с ней. Поэтому на сайте рассматриваемого ОВДТ необходимо предусмотреть более широкий круг новостных разделов для поиска (например, на сайте Управления на транспорте МВД России по Уральскому федеральному округу их более 30³).

Сведения о взаимодействии с органами власти и организациями являются достаточно фрагментарными и касаются лишь взаимодействия с постоянно действующим координационным совещанием по обеспечению правопорядка в Краснодарском крае и Кубанским войсковым казачьим обществом. Подобная ситуация характерна для многих ОВДТ в силу того, что какие-либо четкие требования к заполнению данных разделов отсутствуют, предоставляя сотрудникам территориальных подразделений возможность действовать по своему усмотрению.

¹ Управление на транспорте МВД России по Южному федеральному округу : официальный сайт. URL: https://юфот.мвд.рф/informaciya/Rabota_s_obrashhenijami (дата обращения: 05.06.2021).

² URL: https://юфот.мвд.рф/Dejatelnost/Teksti_oficialnih_vistuplenij (дата обращения: 05.06.2021).

³ Управление на транспорте МВД России по Уральскому федеральному округу : [официальный сайт]. URL: <https://утурфо.мвд.рф/novosti/rubric/1072/> (дата обращения: 05.06.2021).

Во вкладке «Деятельность» имеется раздел «планы-графики размещения заказов», в котором должна быть отражена информация об использовании контрактной системы закупок товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд, однако в нем содержится лишь ссылка на несуществующую страницу, что позволяет сделать вывод об отсутствии на сайте требуемой информации.

Незаполненной остается информация и контрольно-надзорной деятельности, однако это обусловлено объективными причинами: в сферу оперативно-служебной деятельности ОВДТ входят объекты транспортной инфраструктуры, поэтому функции государственного контроля (надзора) транспортной полицией не осуществляются.

Информационно-аналитические материалы на сайте представлены ежеквартальными результатами оперативно-служебной деятельности и обзорами по учетно-регистрационной дисциплине.

Раздел, содержащий сведения об оказываемых государственных услугах (исполняемых функциях), включает общую информацию об электронной форме оказания госуслуг и описание механизма предоставления единственной услуги, находящейся в компетенции УТ по ЮФО — «выдача архивных справок»⁴.

4. Размещение статистической информации, в соответствии с приказом № 109, не входит в обязанности территориальных органов МВД России, поэтому на сайте она отсутствует.

5. Информация о координационных и совещательных органах составляет важную часть необходимых сведений о работе территориального ОВДТ и, как правило, предоставляется в достаточно подробном виде. На сайте УТ по ЮФО указаны сведения о деятельности созданного при данном органе общественного совета, коллегии и аттестационной комиссии УТ МВД России по ЮФО. Особо следует отметить полноту информации о деятельности общественного совета при УТ по ЮФО — соответствующий раздел сайта содержит более десяти ссылок, раскрывающих различные аспекты работы указанного совета⁵.

6. В разделе, касающемся кадрового обеспечения, представлена общая информация о службе в органах внутренних дел и о вакансиях УТ по ЮФО и его структурных подразделений, однако вызывает сомнения ее актуальность: так, для государственных гражданских служащих в большинстве случаев указано,

⁴ URL: https://юфот.мвд.рф/onlajn_servisi/Gosudarstvennie_uslugi (дата обращения: 06.06.2021).

⁵ URL: https://юфот.мвд.рф/struktura/Obshhestvennij_sovet (дата обращения: 06.06.2021).

что «по состоянию на 10 ноября 2019 года вакансий нет»¹. Вместе с тем приказом № 109 установлено, что информация о вакантных должностях должна размещаться в течение трех рабочих дней со дня объявления должности вакантной и поддерживаться в актуальном состоянии. Отчасти данная ситуация обусловлена тем, что во многих ОВДТ наличие должностей государственной гражданской службы не предусмотрено в принципе или их количество незначительно², однако указание данных по состоянию на 2019 г. вызывает сомнения в актуальности и иных сведений о вакансиях.

Вопросы противодействия коррупции на всех сайтах МВД России раскрыты достаточно подробно, но в них зачастую не учитывается специфика территориального органа — вместо этого происходит дублирование информации с федерального сайта министерства. То же характерно и для сайта УТ по ЮФО. Полагаем, что для обеспечения информационной открытости деятельности по направлению противодействия коррупции необходимо ежегодное освещение проводимой территориальным органом антикоррупционной работы в виде отчетных документов.

В рамках данного пункта также установлено требование о размещении информации об образовательных организациях системы МВД России и их контактных данных. На сайте УТ по ЮФО перечень образовательных организаций содержит ссылку на федеральный сайт МВД России, вместе с тем представляется, что территориальные подразделения по федеральным округам также должны указывать сведения об организациях, которые находятся на территории их округа (такой подход реализуют многие ОВДТ³).

7. Информация о работе с обращениями граждан отражает релевантность обратной связи с населением, позволяет повысить уровень доверия граждан полиции. Сайт УТ по ЮФО характеризуется полнотой размещения информации о работе с принимаемыми обращениями, ежеквартально публикуются

обзоры обращений граждан, на основе которых можно составить представление об основных проблемных вопросах, с которыми сталкиваются жители того или иного региона. При этом следует отметить, что обзоры обращений граждан на сайте УТ по ЮФО обладают общим для сайтов органов внутренних дел недостатком аналитической составляющей [5, с. 25].

Информация, касающаяся приема граждан, на сайте отсутствует в связи с тем, что личный прием граждан подразделениями МВД России с 27 марта 2020 года был временно приостановлен, и сведений о его возобновлении пока не имеется.

8. В последнем пункте Перечня информации о деятельности МВД России содержится «иная информация», к которой относятся любые сведения о деятельности рассматриваемого ведомства, обязательность размещения которых в сети «Интернет» установлена нормативными правовыми актами. Например, для подразделений Госавтоинспекции МВД России таковой является статистическая информация о совершаемых дорожно-транспортных происшествиях.

Согласно приказу № 109 к иной информации относятся также «сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, федеральных государственных служащих МВД России и членов их семей»⁴. На сайте УТ по ЮФО в рамках этой тематики представлены общие сведения с федерального сайта, однако, по нашему мнению, данный раздел должен прежде всего включать сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера сотрудников аппарата УТ по ЮФО, как, например, на сайте Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу⁵.

Подводя итоги анализа информационной открытости сайта УТ по ЮФО, следует констатировать его общее соответствие положениям приказа № 109, минимальное количество не освещенных блоков информации. Принадлежность сайтов территориальных органов внутренних дел к АПК «Сайт МВД России» обеспечивает унификацию

¹ URL: https://юфот.мвд.рф/informaciya/Sluzhbi.Vakansii_FGGS/vakancii (дата обращения: 06.06.2021).

² См. Об утверждении штатной численности отдельных территориальных органов МВД России : приказ МВД России от 22 июня 2016 г. № 563 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Управление на транспорте МВД России по Уральскому федеральному округу : официальный сайт. URL: <https://утурфо.мвд.рф/kontakti/организации-и-учреждения/учебные-заведения-сичтемы-мвд-россии> ; Управление на транспорте МВД России по Северо-Западному федеральному округу : официальный сайт. URL: https://сзфот.мвд.рф/Organizacii_i_uchrezhdenija/образовательные-организации-сзфо (дата обращения: 06.07.2021).

⁴ О порядке подготовки и размещения информации о деятельности Министерства внутренних дел РФ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» : приказ МВД России от 26 февраля 2018 г. № 109.

⁵ Сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера // Управление на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу : официальный сайт. URL: https://дфот.мвд.рф/utmvdfo/anti_corruption/dohod/svedeniya-za-2020-god (дата обращения: 09.06.2021).

их функционала и достаточно высокую техническую оснащенность.

При этом проведенное исследование позволило выявить и ряд недостатков, которые являются общими для многих сайтов территориальных ОВД и ОВДТ. Основным недостатком состоит в дублировании информации федерального сайта МВД России, который также не обладает высоким уровнем информационной открытости. Так, на данном сайте отсутствуют ежегодные планы противодействия коррупции и отчеты об их выполнении, что приводит к аналогичной ситуации и на интернет-ресурсах территориальных органов. Между тем подобные планы и отчеты по ним размещаются многими органами государственной власти, например, Министерством финансов РФ¹.

Следующий недочет находится в прямой связи с предыдущим и заключается в недостаточном раскрытии специфики деятельности территориальных органов внутренних дел. Копируя информацию с федерального сайта МВД России, территориальные органы министерства не считают необходимым раскрывать подробности собственной деятельности за исключением новостных и типовых отчетных материалов.

Полагаем, что для устранения данного недостатка на сайтах территориальных органов должны быть отражены результаты деятельности по реализации функций и полномочий, достижению задач, поставленных в положениях конкретного территориального ОВД или ОВДТ. Для транспортной полиции одной из таких специфических функций является выдача заключений о возможности/невозможности допуска лиц к выполнению работ, непосредственно связанных с обеспечением транспортной безопасности на объектах транспорта, находящихся в оперативном обслуживании ОВДТ². Однако лишь отдельные сайты территориальных ОВДТ размещают информацию о порядке получения таких заключений³, и практически отсутствуют сведения о количестве выданных заключений.

¹ Доклады, отчеты, обзоры, статистическая информация // Минфин России : официальный сайт. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/om/anticorMK/korr-stat-inf/> (дата обращения: 09.06.2021).

² О порядке выдачи органами внутренних дел Российской Федерации заключения о возможности (заключения о невозможности) допуска лиц к выполнению работ, непосредственно связанных с обеспечением транспортной безопасности : приказ МВД России от 21 декабря 2015 г. № 1203 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См. Управление на транспорте МВД России по Уральскому федеральному округу : официальный сайт. URL: <https://утурфо.мвд.рф/Dejatelnost/транспортная-безопасность> (дата обращения: 09.06.2021).

Информационная открытость как критерий оценки эффективности деятельности полиции

Формирование информационного общества обуславливает потребность в дальнейшем повышении информационной открытости деятельности государственных органов, поэтому информационную открытость следует рассматривать как один из критериев оценки эффективности деятельности полиции.

В настоящее время оценка деятельности территориальных органов внутренних дел производится на основании Приказа МВД от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России», в котором установлены показатели ведомственной и вневедомственной оценки⁴. Степень информационной открытости может быть изучена как в рамках социологических исследований, являющихся источниками информации для вневедомственной оценки, так и при вневедомственной (экспертной) оценке. Кроме того, информационная открытость деятельности полиции является индикатором внедрения государственных программ в области информатизации и цифровизации государственного управления в работу МВД России.

В этой связи нами предлагается использовать такой специальный показатель, как «индекс информационной открытости» деятельности территориальных органов МВД России. Его расчет следует проводить в три этапа:

1) оценка полноты информации по семи группам, представленным в Перечне информации о деятельности МВД (всего в указанном Перечне восемь групп, однако предоставление статистической информации от территориальных органов не требуется), с присвоением следующих значений:

- 0 — отсутствие информации/недостоверная информация;
- 0,5 — фрагментарная и/или частично не актуализированная (например, наличие данных за 2016-2019 гг. и отсутствие за 2020 г.) информация;
- 1 — полная информация;

2) сложение полученных значений по всем семи группам и вычисление итогового значения индекса;

3) ранжирование полученных результатов для оценки индекса информационной открытости:

- 5,5–7 — высокий;
- 3–5 — средний;
- ниже 3 — низкий.

⁴ Вопросы оценки деятельности территориальных органов МВД России : приказ МВД от 31 декабря 2013 г. № 1040 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

За последнее десятилетие МВД России значительно усилило свое присутствие в сети «Интернет», поэтому большинство сайтов территориальных органов данного ведомства с большой вероятностью будут отражать средний индекс информационной открытости их деятельности. Однако для полноценной реализации принципа открытости и публичности деятельности полиции, безусловно, необходимо достижение высокого индекса информационной открытости, минимальное значение для которого нами определено в 5,5. Подобное значение было выбрано из наличия «проблемных» разделов, по которым большинством сайтов территориальных органов МВД России предоставляются фрагментарные сведения, поэтому при наличии исчерпывающей информации по четырем группам данных и частичной по трем группам уровень информационной открытости деятельности территориального органа будет являться достаточно высоким.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд предложений по повышению информационной открытости деятельности полиции.

Во-первых, необходимо актуализировать Указ Президента, утверждающий Перечень информации о деятельности МВД, в соответствии с современными тенденциями развития государственного управления. Так, реформа контрольно-надзорной деятельности предусматривает обязательное размещение на сайтах органов контроля и надзора широкого круга сведений о проводимых проверках, мероприятиях по профилактике обязательных требований и др.¹ Однако Перечень информации

¹ См. Об утверждении общих требований к организации и осуществлению органами государственного контроля (надзора), органами муниципального контроля мероприятий по профилактике нарушений обязательных требований, требований, установленных муниципальными правовыми актами : постановление Правительства РФ от 26 декабря 2018 г. № 1680 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

о деятельности МВД обязывает лишь к размещению информации о планах и результатах проверок.

Во-вторых, приказ № 109 следует дополнить положением, уточняющим, что территориальные органы внутренних дел в соответствующих разделах интернет-сайтов должны размещать информацию о своей деятельности, а не общей деятельности МВД России. При всей очевидности данного суждения оно нередко игнорируется администраторами сайтов территориальных органов, предпочитающих копировать информацию с федерального сайта.

В-третьих, необходима разработка на ведомственном уровне документов МВД России (рекомендаций, руководств, наставлений) по реализации политики информационной открытости в органах внутренних дел. Также следует развивать практику принятия на региональном уровне нормативных правовых актов, конкретизирующих положения приказа № 109², в которых были бы более точно сформулированы требующие освещения на сайтах территориальных органов МВД России вопросы, а также ответственные за их размещение лица.

В-четвертых, в рамках проведения политики информационной открытости необходимо не только исполнение нормативных требований к предоставлению информации, но и изучение мнения и потребностей граждан по доступу к представляющим интерес, подробным и полезным для них сведениям о работе полиции. В этом может помочь размещение на всех интернет-сайтах МВД России и его территориальных органов формы обратной связи по вопросам информационной открытости, используя которую, граждане могут оценить наличие и доступность нужной им информации, а также высказать предложения по развитию сайта.

² См. О порядке подготовки и размещения информации о деятельности МВД по Удмуртской Республике в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» : приказ МВД по Удмуртской Республике от 11 марта 2015 г. № 129 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430682623> (дата обращения: 09.06.2021).

Список источников

1. Андреев П. А. Механизм реализации информационной открытости в деятельности органов внутренних дел // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 220–222.
2. Антонов А. П. Принцип открытости и публичности деятельности российской полиции // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. ст. по матер. XXIV междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 22 июля 2019 г.). Новосибирск : СибАК, 2019. С. 75–84.
3. Галлиган Д., Полянский В. В., Стариков Ю. Н. Административное право: История развития и основные современные концепции. Москва : Юрист, 2002. 410 с.

4. Горшенева И. А. Полиция в механизме современного государства: теоретико-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002. 28 с.

5. Григорьев А. В., Андреева А. В. Работа с обращениями граждан в МВД России по регионам Приволжского федерального округа в контексте оптимизации деятельности полиции (на примере Республики Татарстан и Ульяновской области) // Наука. Мысль : электронный периодический журнал. 2017. № 3-1. С. 21–25.

6. Калашникова С. В., Хамирзова С. К. Влияние уровня информационной открытости региона на формирование его имиджа (на материалах Республики Адыгея) // Новые технологии. 2010. № 2. С. 117–119.

7. Майоров В. И. Повышение эффективности деятельности полиции с помощью реализации политики информационной открытости // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 1, вып. 3. С. 46–51.

8. Сейтмететова Т. С. О правовом статусе органов внутренних дел на транспорте // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. № 1. С. 25–29.

References

1. Andreev P.A. Mechanism of realization of informational openness in the activities of internal affairs bodies. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in the Russian legislation]. 2012;(1):220-222. (In Russ.)

2. Antonov A.P. Principle of openness and publicity of activity of Russian police. In: *Aktual'nye problemy yurisprudencii* [Actual problems of jurisprudence]. Proceedings of the XXIV international scientific and practical conference; 2019 Jul 22; Novosibirsk. Novosibirsk: Siberian Academic Book; 2019. p. 75-84. (In Russ.)

3. Galligan D., Polyansky V.V., Starilov Yu.N. *Administrative law: History of Development and Main Modern Concepts*. Moscow: Jurist; 2002. (In Russ.)

4. Gorsheneva I.A. *Police in the modern state mechanism: theoretical and legal aspects* [dissertation abstract]. Moscow; 2002. (In Russ.)

5. Grigoryev A.V., Andreeva A.V. Work with appeals of citizens in the Ministry of Internal Affairs of Russia in the regions of the Volga Federal District in the context of optimization of police activity (on the example of the Republic of Tatarstan and the Ulyanovsk region). *Nauka. Mysl': elektronnyj periodicheskij zhurnal* [Science. Thought: electronic periodic journal]. 2017;(3-1):21-25. (In Russ.)

6. Kalashnikova S.V., Khamirzova S.K. Influence of the level of information openness of the region on the formation of its image (on the materials of the Republic of Adygea). *Novye tekhnologii* [New Technologies]. 2010;(2):117-119. (In Russ.)

7. Mayorov V.I. Increasing the effectiveness of the police through the implementation of a policy of information openness. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law]. 2016;1(3):46-51. (In Russ.)

8. Seytmetetova T.S. On the legal status of internal affairs bodies on transport. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava* [Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law]. 2021(1):25-29. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 10.06.2021.

СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ И ПРОБЛЕМЫ В ПРИМЕНЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ И ЧАСТНЫМИ ОХРАННИКАМИ (часть 1)

Сергей Александрович Шаронов

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Москва, Россия, Sharonov345@mail.ru*

Аннотация. В статье обосновывается вывод о том, что применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции и частными охранниками квалифицируется как мера их возможного поведения, направленного на исполнение требований закона по пресечению общественно-опасных деяний, угрожающих жизни и здоровью людей, различным видам собственности.

Аргументируется положение о возможности применения огнестрельного оружия в процессе осуществления правоохранительной и частной охранной деятельности в контексте решения приоритетных государственных задач на современном этапе общественного развития.

Вместе с тем несмотря на то, что пресечение общественно-опасных деяний является единой целью применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции и частными охранниками, механизм его применения имеет сходства, различия и проблемы.

Разрабатывается многоуровневая классификация критериев соотношения применения огнестрельного оружия указанными лицами в которой основаниями первого уровня выступают: характер метода правового регулирования изучаемых действий, элементы правоотношения, складывающегося в процессе совершения рассматриваемых действий, виды применяемого оружия, характер средств правового регулирования отношений, складывающихся в изучаемой сфере, запреты в области применения оружия.

Дается краткая характеристика первым двум основаниям классификации посредством их детализации с целью выявления сходств и различий.

Ключевые слова: сходства, различия, сотрудники полиции, частные охранники, применение огнестрельного оружия, правоохранительная деятельность, частная охранная деятельность.

Для цитирования: Шаронов С. А. Сходства, различия и проблемы в применении огнестрельного оружия сотрудниками полиции и частными охранниками (часть 1) // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 41–48.

SIMILARITIES, DIFFERENCES AND PROBLEMS IN THE USE OF FIREARMS BY POLICE OFFICERS AND PRIVATE SECURITY GUARDS (part 1)

Sergey A. Sharonov

*Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russia, Sharonov345@mail.ru*

Abstract. The article substantiates the conclusion that the use of firearms by police officers and private security guards is qualified as a measure of their possible behavior aimed at fulfilling the requirements of the law on the suppression of socially dangerous acts that threaten the life and health of people, various types of property.

The article argues for the possibility of using firearms in the process of law enforcement and private security activities in the context of solving priority state tasks at the present stage of social development.

At the same time, despite the fact that the suppression of socially dangerous acts is the common goal of the use of firearms by police officers and private security guards, the mechanism of its use has similarities, differences and problems.

A multi-level classification of criteria for the ratio of the use of firearms by these persons is being developed, in which the first level bases are: the nature of the method of legal regulation of the actions being studied, the elements of the legal relationship that develops in the process of committing the actions under consideration, the types of weapons used, the nature of the means of legal regulation of relations that develop in the field of study, prohibitions in the field of the use of weapons.

A brief description of the first two bases of classification is given by detailing them in order to identify the studied similarities and differences.

Keywords: similarities, differences, police officers, private security guards, the use of firearms, law enforcement, private security activities.

For citation: Sharonov S.A. Similarities, differences and problems in the use of firearms by police officers and private security guards (part 1). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):41-48. (In Russ.)

Введение

Актуальность темы связана с тем, что современный этап общественного развития России характеризуется возросшим количеством природных, социальных, экономических, эпидемиологических и иных вызовов, влияющих на жизнедеятельность государства в целом и его граждан в частности. Именно поэтому Президент РФ акцентирует внимание на рассмотрении «наших внутренних вопросов», решение которых становится возможным как в результате деятельности «личного состава правоохранительных органов», так и «российского бизнеса» [1], составной частью которого является частная охранная деятельность.

Актуальность темы обусловлена и тем, что численность сотрудников органов внутренних дел (большинство из которых являются сотрудниками полиции — прим. авт.)

и численность частных охранников является примерно одинаковой — 746 859¹ и 661 100 человек соответственно [2, с. 239]. Казалось бы, такая многочисленная «армия» лиц, имеющих право на применение огнестрельного оружия способна оказать эффективное влияние на защиту жизни и здоровья людей, их имущества, обеспечение порядка. Вместе с тем, условия и основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции и частными охранниками во многих случаях являются еще в недостаточной степени урегулированными посредством нормативных правовых актов и несмотря на наличие определенных сходств имеют множество различий и проблем.

¹ О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента РФ от 05.05.2014 № 300 (ред. от 01.10.2018) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Сложившееся положение снижает эффективность осуществления правоохранительной функции государства в сфере деятельности полиции и ограничивает процесс осуществления предпринимательской деятельности в области частной охраны, что в конечном счете сказывается на осуществлении и защите гражданских и иных прав.

Таким образом, целью публикации является выявления соотношения между применением огнестрельного оружия сотрудниками полиции и частными охранниками. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: 1) разработать классификацию критериев, положенных в основу определения исследуемого соотношения; 2) дать краткую характеристику каждому критерию; 3) на основе анализа установленных критериев выявить проблемы в изучаемой области.

Материалы и методы

Базовыми правовыми источниками для проведения настоящего исследования являются Закон о полиции¹ и Закон о частной охране², а также иные законы и нормативные правовые акты, ссылки на которые даются в процессе изложения материала. Наряду с указанными источниками в качестве материалов используются научная литература и акты судебных органов, а также научный и практический опыт автора в рассматриваемой сфере.

Методологической основой исследования являются: диалектический метод, метод сравнительно-правового анализа, статистический метод, а также использование приема «соотношение», сущность которого заключается в выявлении сходств и различий между применением огнестрельного оружия сотрудниками полиции и частными охранниками.

Еще одним методологическим приемом является введение сокращений отдельных терминов в частности: сотрудники полиции — сотрудники (полицейские), частные охранники — охранники, огнестрельное оружие — оружие, частные охранные организации — ЧОО.

Под термином «применение огнестрельного оружия» будет пониматься реализация правовых (законодательных) предписаний по предотвращению (пресечению) общественно-опасных деяний [3, с. 140].

Следует указать и на тот факт, что настоящая публикация имеет научный характер,

¹ О полиции : Федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 8, 10 февр. (№ 25, 28).

² О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 // Ведомости Съезда нар. депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 17. Ст. 888.

не подменяет собой соответствующие требования российского законодательства и по этой причине не может быть использована в качестве условий и оснований применения оружия в изучаемых областях деятельности.

В силу большого объема материала и ограничения объема одной публикации, представленная тема будет раскрыта в двух статьях (частях).

Результаты и обсуждения

Результаты и обсуждения проводимого исследования основаны на последовательном решении поставленных в публикации задач.

В качестве решения **первой задачи** автором предлагается *многоуровневая классификация критериев*, положенных в основу выявления сходств и различий в применении оружия сотрудниками и охранниками.

Первым уровнем этой классификации выступают следующие *основания*: 1) характер метода правового регулирования действий сотрудников и охранников; 2) элементы правоотношения, складывающегося в процессе рассматриваемых действий сотрудников и охранников; 3) виды оружия, применяемого сотрудниками и охранниками; 4) характер средств правового регулирования отношений, складывающихся в изучаемой сфере; 5) запреты в области применения оружия.

Решение **второй задачи** публикации будет основано на детализации классификационных критериев с целью выявления сходств и различий.

Характер метода правового регулирования действий сотрудников и охранников имеет два аспекта: *императивный и диспозитивный*. Именно эти аспекты положены в основу различий соотносимых действий сотрудников и охранников в процессе применения оружия.

Императивный аспект деятельности сотрудников базируется на ч. 2 ст. 1 Закона о полиции, согласно которой полиция «незамедлительно приходит на помощь каждому» лицу, нуждающемуся в адекватной защите от различного рода противоправных посягательств. Специалисты в области огневой подготовки отмечают тот факт, что сложность применения оружия сотрудниками заключается не только в противодействии «преступникам», но и в «защите обычных граждан», когда любой «патрон может спасти или унести чью-то жизнь» [4, с. 40–41]. Именно поэтому каждый сотрудник в обязательном порядке проходит подготовку и проверку на предмет действий, связанных с применением оружия (ч. 4 ст. 18 Закона о полиции). Подчеркивает императивный аспект и тот факт, что в случае, если сотрудник не прошел названную проверку,

то он подлежит аттестации на предмет замещения своей должности и до вынесения решения отстраняется от исполнения обязанностей, связанных с использованием оружия (ч. 7 ст. 18 Закона о полиции).

Действия охранника, обусловленные его подготовкой к применению оружия носят *диспозитивный характер*, то есть осуществляются на его выбор. Например, он может получить квалификацию как «охранник 4 разряда» (не имеющего права на применения оружия), так и «охранник 6 разряда», деятельность которого, напротив, связана с применением соответствующих видов оружия. Кроме того, и сам процесс оказания охранных услуг обладает диспозитивным аспектом, поскольку в зависимости от договорного задания заказчика они могут быть оказаны как с использованием оружия, так и без него.

Элементы правоотношения, складывающегося в процессе рассматриваемых действий сотрудников и охранников. Основанием для этого критерия является мнение ученых о том, что «право на применение оружия» представляет собой меру возможного поведения «управомоченного субъекта» по использованию им соответствующих правовых норм «для производства выстрела в рамках правоотношений...» [5, с. 102–103].

В контексте проводимого исследования таким правоотношением будет выступать то общественное отношение, объектом которого становятся действия сотрудников и (или) охранников по применению ими оружия. В качестве структуры правоотношения будут использоваться следующие элементы: 1) правовое положение (статус) субъектов; 2) объект правоотношения; 3) содержание правоотношения.

Рассмотрим последовательно сущность указанных элементов, обратив при этом внимание на их сходства и различия.

Правовое положение сотрудников и охранников (за исключением наличия гражданства России) в основном имеет различия.

Так *полицейский* является сотрудником органов внутренних дел, а его правовой статус определяется Законом о службе в органах внутренних дел¹ и другими законами, которые регламентируют прохождение этой службы. Согласно ч. 1 ст. 10 названного акта правовое положение сотрудника определяется: 1) наличием гражданства России; 2) взятием обязательств по прохождению соответствующего вида федеральной государственной службы

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.

на определенной должности; 3) наличием специального звания.

Правовой статус *охранника* определяется ст. 11.1 Закона о частной охране. Составными элементами этого статуса являются: 1) наличие гражданства России; 2) прохождение профессионального обучения для работы в качестве охранника; 3) наличие документа о сдаче квалификационного экзамена и удостоверения частного охранника; 4) заключение трудового договора с ЧОО; 5) соблюдение иных требований, предусмотренных законом (см. подробнее докторскую диссертацию С. А. Шаронова).

В контексте рассматриваемого основания следует отметить *публично-правовой статус* сотрудника и *комплексный (публично- и частноправовой) статус* охранника. Например, правовое положение охранника как работника организации характеризуется частноправовым аспектом, а соблюдение им административных требований, установленных законодательством РФ (прохождение дактилоскопической экспертизы, наличие права на применение оружия и др.) придают этому положению публично-правовой аспект. Следует отметить, что именно закон является тем водоразделом, который отделяет публично- и частноправовые элементы правового статуса этого субъекта. Авторские выводы подтверждаются и материалами судебной практики. Так согласно п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ совершение охранником при исполнении своих обязанностей действий, являющихся составным элементом правового статуса должностного лица правоохранительных органов и согласно закону, относящихся исключительно к компетенции этого лица, является одним из оснований для привлечения охранника к уголовной ответственности².

Объект правоотношения. Сходство рассматриваемого основания заключается в наличие единого комплексного объекта правоотношения, представляющего собой действия по применению оружия.

Различия проявляются в том, что сотрудник действует в публично-правовом интересе, а его поведение представляет собой элемент правоохранительной службы. Охранник, напротив, действует в частноправовом интересе на основании своей трудовой функции и договора оказания охранных услуг, а сами действия являются составным элементом

² О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 21 // Российская газета. 2021. 16 июля (№ 159).

процесса оказания услуг. Вместе с тем, согласно ч. 1 ст. 10 Закона о полиции и ст. 3 Закона о частной охране допускается взаимодействие этих лиц в процессе осуществления ими соответствующих видов деятельности.

Содержанием правоотношения выступают *права и обязанности* рассматриваемых субъектов. Права сотрудников и охранников как меру их возможного поведения можно классифицировать по *двум видам*: 1) права, обусловленные подготовкой к применению оружия; 2) права, обусловленные непосредственным применением оружия.

Среди *первого вида* правомочий *сходство* поведения сотрудников и охранников заключается в их праве не делать предупреждения о намерении в применении оружия в том случае, если возможное промедление в совершении этих действий повлечет за собой непосредственную угрозу жизни и здоровью указанных лиц или иные тяжкие последствия.

Различие в реализации этого права заключается в том, в отношении применения оружия сотрудников перечисленные угрозы могут распространяться не только на его собственные жизнь и здоровье, но и на жизнь и здоровье других граждан.

Права, обусловленные непосредственным применением оружия. Проведенный анализ ст. 23 Закона о полиции позволят разработать *многоуровневую классификацию*, в которой основаниями первого уровня являются *общие и специальные* случаи применения оружия сотрудниками.

Общие случаи обусловлены общими требованиями применения оружия, действующими не только в отношении сотрудников (п. 3 ст. 18 Закона о полиции), но и в отношении других граждан, имеющих огнестрельное оружие на законных основаниях (ст. 24 Закона об оружии¹). Таким образом в качестве оснований второго уровня выступают следующие случаи применения оружия: 1) необходимая оборона; 2) крайняя необходимость; 3) задержание лица, совершившего преступление. При наличии названных оснований сотрудники, с учетом требований ст. 23 Закона о полиции имеют право также применять оружие, которое не состоит на вооружении полиции. Следует отметить, что данное обстоятельство является одним из принципиальных отличий от оснований применения оружия охранниками.

Правовой базой для *второго уровня специальных случаев* является ст. 23 Закона о полиции. В этом контексте применение

¹ Об оружии : Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

оружие классифицируется в зависимости от: 1) количества лиц, применяющих оружие; 2) направленности действий сотрудников. Дадим краткую характеристику указанным основаниям, тем самым детализируя *третий уровень* классификации.

В зависимости от *количества лиц, применяющих оружие* можно выделить основания, согласно которым оружие применяется группой лиц (подразделением) или в индивидуальном порядке. При этом организация применения оружия осуществляется руководителем группы (подразделения). Отсутствие у охранников права на групповое применение оружия является одним из *различий* в изучаемой области, которое при оказании отдельных видов услуг может повлечь за собой возникновение определенных проблем.

Действия сотрудников (*третий уровень специальных случаев*) можно детализировать как действия, направленные на: 1) защиту лиц; 2) пресечение определенного поведения; 3) освобождение заложников; 4) задержание отдельных лиц; 5) отражение нападений; 7) остановку транспорта; 8) обезвреживание животных; 9) разрушение вещей; 10) производство выстрела без поражения цели.

Проведем краткий анализ этих действий.

«Защитные» действия полицейского направлены на обеспечение безопасности иных лиц или самого сотрудника, в случае если в отношении них совершается насильственное посягательство, представляющее опасность для жизни и здоровья.

«Пресекающие» действия сотрудника обусловлены тремя обстоятельствами: во-первых, пресечением попытки завладения оружием либо транспортом (иной техникой), находящейся на обеспечении полиции; во-вторых, пресечением побега отдельных лиц из мест содержания под стражей или из-под конвоя, а также для пресечения освобождения этих лиц насильственным способом; в-третьих, пресечением нахождения беспилотных летательных аппаратов, находящихся в воздухе в установленных законом случаях (п. 40 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции).

«Освободительные» действия сотрудников обусловлены необходимостью освобождения лиц, ставшими заложниками.

Совершение *«задержательных»* действий продиктовано необходимостью задержания: 1) лиц, застигнутых при совершении деяний, направленных против жизни и здоровья, собственности в том случае, если они содержат признаки тяжкого (особо тяжкого) преступления, а сами лица пытаются скрыться таким образом, что задержать их кроме как

посредством применения оружия становится невозможным; 2) лиц, которые оказывают вооруженное сопротивление либо не выполняют законные требования полиции о сдаче, имеющихся у них оружия, боеприпасов и иных опасных веществ, указанных в п. 5 ч. 1 ст. 23 Закона о полиции.

«Отражательная» направленность действий обусловлена необходимостью отражения группового или вооруженного нападения на отдельные объекты (здания, строения, сооружения и др.), принадлежащие органам государственной или муниципальной власти, а также физическим и (или) юридическим лицам.

Характер «остановочных» действий продиктован необходимостью остановки транспорта в том случае если управляющее им лицо: 1) не выполняет многократные требования сотрудника об остановке; 2) предпринимает попытку скрыться, создавая при этом угрозу жизни и здоровью людей.

Несмотря на продолжающуюся дискуссию о признании животных источниками повышенной опасности, законодатель (пусть и косвенно) все же признает животных таковыми. Это подтверждается полномочиями сотрудников в применении оружия с целью обезвреживания этих источников в том случае если они создают угрозу жизни и здоровью людей или полицейского.

«Разрушительные» действия вызваны необходимостью разрушения различного рода устройств (других предметов), которые создают препятствия для проникновения сотрудников в жилые и иные помещения в установленных законом случаях (ст. 15 Закона о полиции).

Завершает классификацию основание, связанное с совершением сотрудниками действий по *производству предупредительного выстрела* с целью подачи сигнала тревоги и (или) вызова помощи. Это основание по многим параметрам сходно с основанием применения оружия охранниками. Однако охранник может произвести выстрел только в воздух, в то время как полицейский может выстрелить и в ином безопасном направлении.

Детализация полномочий охранников в области применения оружия, несмотря на осуществление ими действий, укрепляющих основу конституционного строя о защите частной собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ), существенно отличается от вышеуказанной классификации. Это обусловлено тем, что количество оснований применения оружия охранниками в *четыре* раза меньше, чем у сотрудников. Например, в ст. 18 Закона о частной охране предусмотрено всего *три* таких случая,

два из которых напрямую не связаны с оказанием охранных услуг. В одном из них охранник может применить оружие для защиты своей собственной жизни, когда в результате нападения она подвергается непосредственной опасности. В другом случае использует оружие как средство подачи сигнала тревоги или вызова помощи, производя при этом выстрел в воздух. И только в одном случае — отражения вооруженного и (или) группового нападения на имущество, подлежащее защите — охранник может применить оружие на поражение с целью защиты прав иных лиц.

Другим структурным элементом содержания исследуемого правоотношения являются *обязанности сотрудников и охранников*, классификация которых будет представлена следующими основаниями: 1) обязанности, связанные с подготовкой к применению оружия; 2) обязанности, связанные с действиями, вызванными непосредственным применением оружия; 3) обязанности, связанные с последствиями применения оружия.

Обязанности, связанные с подготовкой к применению оружия. В отличие от применения оружия, квалифицируемого как «субъективное право» (мера возможного поведения) сотрудника и охранника, действия, связанные с подготовкой к его применению, представляют собой меру их необходимого поведения и определяется как «субъективные обязанности».

Сходство такого поведения заключается в том сотрудники и охранники обязаны: 1) проходить специальную подготовку и периодическую проверку на пригодность к соответствующим действиям; 2) предупредить (сообщать) о намерении в использовании оружия, предоставляя при этом время и возможность для выполнения своих требований.

Различия выполнения обязанностей рассматриваемой группы являются незначительными, поскольку не влияют на сущность их исполнения. Например, сотрудник полиции обязан сообщить о том, что является таковым (для охранника такой обязанности не предусмотрено), а в случае группового применения оружия предупреждение о его применении должен сделать один сотрудник из состава этой группы (подразделения). Кроме того, обязанности по предупреждению применения оружия не возлагаются на сотрудников в том случае, если промедление в его применении влечет за собой непосредственную угрозу жизни и здоровью сотрудника или гражданина, а также влечет за собой другие тяжкие последствия. Что касается подобных действий охранника, но он не обязан предупреждать

о применении оружия только в случае непосредственной угрозы его (не других лиц) жизни и здоровья, либо потенциальной возможности появления иных тяжких последствий.

Различными являются процесс подготовки сотрудников и охранников на предмет действий в условиях применения оружия, а также механизм проверки соответствующих знаний, навыков и умений.

Обязанности, связанные с действиями, вызванными непосредственным применением оружия. *Сходство* рассматриваемых обязанностей заключается в их направленности на минимизацию последствий, вызванных применением оружия. Так и сотрудники, и охранники обязаны учитывать характер и степень опасности со стороны правонарушителей, а также силу оказываемого сопротивления. Кроме того, сотрудники, наряду с перечисленными аспектами, должны действовать и с учетом создавшейся обстановки, а также учитывать характер соответствующего сопротивления.

Обязанности, связанные с последствиями применения оружия. *Сходство* обязанностей рассматриваемой группы заключается в их направленности на оказание первой помощи лицам, получившим телесные повреждения (ранения) в возможно короткий срок и в своевременном информировании соответствующих должностных лиц.

Различия проявляются в детализации и сроках исполнения обязанностей, в перечне должностных и иных лиц, которым необходимо сообщить об отдельных последствиях применения оружия, а также в оформлении соответствующих документов. Например, время уведомления сотрудниками прокурора ограничено 24 часами, а основаниями такого уведомления являются причинение лицу смерти или ранения в процессе применения оружия. В свою очередь охранник обязан сделать прокурорское уведомление о смерти (телесных повреждениях) пострадавшего лица незамедлительно. Отличием является и обязанность полиции по информированию близких родственников (лиц) гражданина, получившего телесные повреждения в течение 24 часов. Кроме того, сотрудники обязаны не только оказать первую помощь лицу, получившему телесные повреждения, но и в возможно короткий срок совершить действия, направленные

на предоставление ему медицинской помощи. В свою очередь охранник обязан в возможно короткий срок информировать органы здравоохранения, внутренних дел и Росгвардии (по месту применения оружия) о причинении гражданину телесных повреждений.

Различия проявляются и в обязанности сотрудников (при наличии возможности) по сохранению неизменным места совершения правонарушения (происшествия), в том случае если в этом месте лицу было нанесено ранение или наступила его смерть.

Отличительной обязанностью являются действия сотрудников о сообщении своему непосредственному начальнику (руководителю ближайшего территориального органа) о случае применения оружия посредством предоставления соответствующего рапорта в течение 24 часов.

Заключение

Резюмируя сказанное в публикации, можно сделать следующие выводы.

1. Право на применение оружия сотрудниками и охранниками представляет собой меру их возможного поведения по реализации законодательных требований, направленных на пресечение общественно-опасных деяний в сфере защиты всех форм собственности, прав и свобод физических и юридических лиц. На современном этапе общественного развития эти правомочия остаются востребованными как при реализации правоохранительной функции государства, так и при осуществлении предпринимательской (частной охранной) деятельности, представляющей собой процесс осуществления гражданских прав.

2. Несмотря на единую направленность применения оружия (пресечение общественно-опасных деяний) исследуемый процесс имеет свои сходства и различия, обусловленные целым комплексом критериев.

3. Разработанная классификация критериев соотношения применения оружия сотрудниками и охранниками дает возможность участникам гражданского оборота сделать выбор удобного для них механизма защиты материальных и нематериальных благ посредством обращения в полицию и (или) посредством заключения договора оказания охранных услуг с ЧОО.

Список источников

1. Путин В. В. Послание Президента Российской Федерации от 21.04.2021 г. // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/46794> (дата обращения: 30.07.21).
2. Кононов А. М. Об участии субъектов частного права в реализации функций публичной власти в сфере внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 235–240.

3. Степанюк В. И. Понятие и сущность права применения огнестрельного оружия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2017. № 3. С. 138–141.
4. Гурьев В. И., Зубрилкин С. Д., Якимов С. С. Применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции // Эпоха науки. 2020. № 23. С. 40–42.
5. Щербак С. И. О праве представителей власти на применение огнестрельного оружия // Военное право. 2018. № 3. С. 101–110.

References

1. President of Russia. *Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 21.04.2021 g.* [Message of the President of the Russian Federation of 21.04.2021]; [cited 2021 Jul 30]. Available from: <http://kremlin.ru/acts/bank/46794>. (In Russ.)
2. Kononov A.M. On the participation of subjects of private law in the implementation of the functions of public authority in the field of internal affairs. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2020;(7):235-240. (In Russ.)
3. Stepanyuk V.I. The concept and essence of the right to use firearms. *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Lukyanova* [Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov]. 2017;(3):138-141. (In Russ.)
4. Gurylev V.I., Zubrilkin S.D., Yakimov S.S. The use of firearms by police officers. *Epokha nauki* [The era of science]. 2020;(23):40-42. (In Russ.)
5. Shcherbak S.I. On the right of government representatives to use firearms. *Voennoe pravo* [Military law]. 2018;(3):101-110. (In Russ.)

(Окончание следует).

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.08.2021

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

Павел Валерьевич Агапов¹, Николай Вячеславович Сальников²,
Сергей Викторович Кондратюк³

^{1,2}Университет прокуратуры РФ, НИИ, Москва, Россия

³Тольяттинский государственный университет
Самарская область, Тольятти, Россия

¹kafedrap212@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1836-1536

²n.v.salnikov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5856-3848

³kontratjuk.serzh@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7272-5359

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии. Несмотря на определенную активизацию применения уголовно-правовой нормы об ответственности за приобретение статусного лидерства в иерархии преступного мира, подчеркивается необходимость конкретизации ряда дефиниций данной нормы в целях исключения проблем правоприменения.

Отмечена специфика преступной иерархии, представляющей собой систему отношений, сложившихся в преступном мире и определяющих порядок подчиненности низших звеньев криминального сообщества высшим. Рассмотрена структура преступной иерархии и обозначены особенности получения в ней статусного лидерства посредством действий, направленных на приобретение в процессе инициации иными статусными лицами криминальной среды статуса, подразумевающего осуществление деятельности по поддержанию норм криминального образа жизни и обеспечению устойчивости преступной среды, а также на удержание указанного положения посредством пребывания лица в соответствующем статусе и осуществления обусловленных им полномочий.

Проанализировав особенности конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, и практику применения уголовно-правовой нормы, авторы приходят к выводу о необходимости ее корректировки и уточнении ряда оценочных категорий с учетом специфики противоправных деяний.

Ключевые слова: преступная иерархия, занятие высшего положения в преступной иерархии, криминальный лидер, уголовная ответственность

Для цитирования: Агапов П. В., Сальников Н. В., Кондратюк С. В. Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 49–55.

TOPICAL ISSUES OF THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR OCCUPYING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY

Pavel V. Agapov¹, Nikolay V. Salnikov², Sergey V. Kondratyuk³

^{1,2}Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia

³Togliatti State University, Samara region, Togliatti, Russia

¹kafedrap212@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1836-1536

²n.v.salnikov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5856-3848

³kondratyuk.serzh@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7272-5359

Abstract. The article deals with the implementation of criminal responsibility for the occupation of the highest position in the criminal hierarchy. Despite a certain intensification of the application of the criminal law norm on responsibility for the acquisition of status leadership in the hierarchy of the criminal world, the need to specify the abstract nature of the definitions of this norm, which gives rise to problems of its application, is emphasized.

The specifics of the criminal hierarchy, which is a system of relations that have developed in the criminal world and determine the order of subordination of the lower levels of the criminal community to the higher ones, are noted. The article considers the structure of the criminal hierarchy and identifies the features of acquiring status leadership in it through actions aimed at acquiring the status of a person in the process of initiation by other status persons of the criminal environment, which implies the implementation of activities to maintain the norms of the criminal lifestyle and ensure the stability of the criminal environment, as well as to maintain this position by staying in the appropriate status and exercising the powers stipulated by it.

Having analyzed the features of the construction of the corpus delicti provided for in Article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation and the practice of applying the criminal law norm, the authors come to the conclusion that it is necessary to adjust it and clarify a number of evaluation categories, taking into account the specifics of illegal acts.

Keywords: criminal hierarchy, occupation of the highest position in the criminal hierarchy, criminal leader, criminal responsibility

For citation: Agapov P.V., Salnikov N.V., Kondratyuk S.V. Topical Issues of the Implementation of Criminal Responsibility for Occupying the Highest Position in the Criminal Hierarchy. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):49-55. (In Russ.)

Введение

Статья 210¹ УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, была включена Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ.

Несмотря на то, что норма об ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии в уголовном законе появилась относительно недавно, следует отметить определенную активность ее применения и тенденцию к формированию правоприменительной практики.

Так, исходя из данных государственного единого статистического учета в 2020 г. зарегистрировано 44 преступления, предусмотренных

ст. 210¹ УК РФ (в 2019 г. — 36, +22 %). В суд направлено 24 уголовных дела (в 2019 г. — 0)¹.

Непосредственным объектом данного преступления выступают основы общественной безопасности как состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Общественная опасность лиц, обладающих статусом лидеров в преступной иерархии, заключается в оказании ими значительного криминального влияния как

¹ Сводные отчеты федерального статистического наблюдения по форме № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности» по России за 2019 и 2020 годы // Единая межведомственная информационно-статистическая система : [сайт]. URL: <https://www.fedstat.ru/form/10256> (дата обращения: 28.05.2021).

в пределах отдельного преступного сообщества, так и во всей преступной среде. Благодаря непререкаемому авторитету в преступном мире криминальные лидеры продуцируют, регулируют и направляют организованную преступную деятельность, осуществляют контроль и распределение незаконных доходов, обеспечивают устойчивость преступных традиций и обычаев криминальной среды, чем оказывают существенное негативное влияние на общественные институты.

Феномен преступного мира криминологами определяется посредством присущих ему правил и традиций, криминальной (воровской) идеологии, регулирующей поведение его приспешников. Ученые отмечают относительную устойчивость преступных традиций и обычаев криминальной среды [5, с. 45–48].

Деятельность, направленную на сохранение воровской среды, включающую в себя поддержание асоциальных ценностей, формирование идеологии преступного мира, обязанность своим авторитетом закреплять и воспроизводить его принципы и обычаи, усиление влияния уголовной среды на социальные институты государства, осуществляют статусные лидеры преступного мира. Их действия носят преимущественно антиобщественный характер [9, с. 43–48].

Таковыми лидерами следует считать лиц, обладающих организационно-управленческими функциями и безоговорочным авторитетом у носителей криминальной (воровской) идеологии, соблюдающих правила подчиненности низших участников преступной среды высшим [11, с. 110–123]. Поэтому вполне естественно, что принадлежность к кругу указанных лиц приобрела уголовно-правовое регулирование.

Описание исследования

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, заключается в занятии лицом высшего положения в преступной иерархии. При этом конструкция исследуемой нормы, устанавливающей ответственность за приобретение статусного лидерства в иерархии преступного мира, имеет определенные структурные особенности, которые не в полной мере позволяют правоприменителю однозначно толковать её признаки.

В первую очередь, при толковании содержания обязательных признаков рассматриваемого преступления, конкретизации требует абстрактная природа дефиниций данной нормы.

Конструктивные признаки объективной стороны состава преступления имеют оценочный характер. К таковым можно отнести, в частности, понятие «преступная иерархия».

С точки зрения теории уголовного права, семантика термина «иерархия» применительно к криминальной среде представлена совокупностью принципов управления лицами, отождествляющими себя в качестве представителей профессионального уголовного сообщества, строго придерживающихся принятых в преступном мире правил и традиций [8, с. 53–58].

Указанные принципы управления криминальных структур, представляющие собой систему отношений, сложившихся в преступном мире, определяют порядок подчиненности низших звеньев криминального сообщества высшим, а также порядок взаимоотношений лиц, придерживающихся правил и традиций криминальной среды.

Преступную иерархию зачастую сопоставляют с тюремной иерархией. Действительно, и та, и другая имеют общие криминологические признаки. И преступная, и тюремная иерархия построены на тюремной субкультуре — совокупности псевдодуховных и квазиморальных ценностей, регламентирующих неофициальную жизнь осужденных в местах отбывания наказания. Но, по содержанию, преступная иерархия шире тюремной, поскольку регулирует поведение членов преступного сообщества и вне мест лишения свободы. В этой связи, преступную иерархию целесообразно рассматривать вне тюремного контингента, как определенную часть всего криминализованного социума [7, с. 28–31].

Наивысшую ступень в преступной иерархии занимают криминальные авторитеты, обладающие статусом «вор в законе», осуществляющие организационно-управленческую деятельность по поддержанию норм криминального образа жизни и обеспечению устойчивости преступного сообщества.

Нижестоящим руководящим звеном в преступной иерархии следует рассматривать криминальных авторитетов, контролирующих организацию преступного сообщества и выполняющих функции преступного лидера на определенной территории или объекте и действующих от имени лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Они обладают такими криминальными статусами, как «положенец», «смотрящий». Криминологи отмечают пожизненный характер статусного лидерства в преступном мире — вор в законе, в то время как «положенец» и «смотрящий» назначаются преступным сообществом и/или статусным лидером только на определенный период и на отдельной территории, и могут смещаться в ходе внутриклановой борьбы за власть и присвоение доходов [1, с. 33–39; 3, с. 91–94].

Основную часть в структуре преступной иерархии составляют рядовые представители преступного сообщества, выполняющие различные функции, определенные лицами, занимающими вышестоящее положение в преступной иерархии («шпана», «пацаны», «бродяги» и др.).

В апелляционном определении коллегии Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с которым подтверждена законность обвинительного приговора в отношении М. А. Чадау по ч. 4 ст. 210 УК РФ отмечено, что судом тщательно исследовался вопрос о значении криминальных понятий преступной иерархии, в частности значении понятия „вора в законе“ как лица, занимающего высшее положение в криминальной иерархии, а также понятий, определяющих низшие ее звенья, в числе которых „положенец“, „смотрящий“, „преступный люд“»¹.

Лица уголовно-криминальной направленности, имеющие более низкие криминальные статусы, обязаны подчиняться указаниям и распоряжениям лидера криминальной среды. Данное лицо пользуется безоговорочным авторитетом, его мнение неоспоримо для лиц криминальной направленности, находящихся как в местах заключения, так и на свободе, придерживающихся «воровских» законов и не соблюдающих сложившиеся в обществе нормы права и морали.

Основополагающей характеристикой лиц, находящихся на вершине иерархической системы межличностных взаимоотношений в рамках преступного сообщества, является то обстоятельство, что именно они определяют социально-ролевые позиции лиц, занимающих нижестоящее положение.

Так, в приговоре от 14.05.2009 по обвинению нескольких лиц в совершении ряда тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе организации преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней), Хабаровский краевой суд указал, что «в организации „Общак“ ими (руководителями) поддерживались строгие правила подчиненности между ее членами, имелось разделение на ее руководителей, руководителей структурных подразделений и членов организации... организация состояла из отдельных самостоятельных групп лиц, объединенных в рамках организации „Общак“ общим коллегиальным руководством и едиными противоправными целями деятельности этой организации... в организации

существовали единые нормы и правила поведения, в соответствии с которыми рядовые участники организации должны были, в том числе... безоговорочно подчиняться распоряжениям руководителей организации и ее структурных подразделений...»².

Конструкция рассматриваемого состава преступления в силу терминологического содержания формулировки «занятие положения», трактуемого, с одной стороны, как результат выполнения определенных действий (приобретение статуса высшего положения в преступной иерархии), с другой — как достигнутое лицом состояние (обладание указанным статусом) и процесс пребывания в обладаемом статусе, способствует неопределенности уголовно-правового запрета, что препятствует единообразию правоприменительной практики.

Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии следует рассматривать в совершении действий, направленных на приобретение лицом в процессе инициации иными статусными лицами криминальной среды высшего положения в преступном мире и получение в связи с этим статуса, подразумевающего осуществление деятельности по поддержанию норм криминального образа жизни и обеспечению устойчивости преступной среды, а также удержание указанного положения посредством пребывания лица в соответствующем статусе и осуществления обусловленных им полномочий.

Основными из таких полномочий следует считать: распространение и поддержание в криминальной среде «воровской» идеологии и традиций преступного мира, определение иных «звеньев» преступной иерархии, их координацию, издание обязательных указаний относительно функционирования системы криминальных взаимоотношений, выполнение роли арбитра в ходе урегулирования споров и конфликтов субъектов преступной иерархии, поддержание связей с лидерами иных криминальных сообществ.

Следует обратить внимание на то существенное обстоятельство, что для выполнения перечисленных функций необходимо финансово-материальное обеспечение. Соответственно, иерарх преступного мира должен обладать определенной финансовой базой. Поэтому специфическим условием деятельности вора

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 51-АПУ18-4 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.05.2021).

² Архив Хабаровского краевого суда за 2009 г. Дело № 2-5/09 // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/court/resheniya-khabarovskii-kraevoi-sud-khabarovskii-krai/> (дата обращения: 18.05.2021).

в законе становятся полномочия по формированию финансовой составляющей деятельности преступного сообщества, под предлогом финансирования и внесения денежных средств в так называемый общак [10, с. 57–61].

Это своеобразная «воровская касса», представляющая собой коллективную собственность воровского сообщества, сформированную за счет отчислений от прибыли, полученной в результате преступной деятельности (незаконный оборот наркотиков, проституция, продажа оружия, рэкет, вымогательство, мошенничество и др.).

Так, в упомянутом приговоре Хабаровского краевого суда было указано на то, что «...данная организация имела общую финансовую основу существования за счет совершения противоправных деяний и изъятия чужих денежных средств и чужого имущества, а также имела общую денежную кассу, распоряжаться которой имели право лишь руководители сообщества; в организации существовали единые нормы и правила поведения, в соответствии с которыми рядовые участники организации должны были, в том числе... отчислять в общую кассу организации часть прибыли от противоправной деятельности...».

В целом указанные финансовые средства предназначены для воспроизводства преступной среды, распространения воровской идеологии в криминальном сообществе, поддержания традиций преступного мира. В последнее время отмечается значительный объем финансирования высокого имиджевого показателя вора в законе.

Признание лица статусным лидером преступного сообщества вправе осуществлять действующие статусные лидеры, авторитетные представители преступных сообществ. Статус вора в законе признается на так называемой воровской сходке — неформальном собрании авторитетных членов высшей иерархии воровского мира, в результате ритуальной процедуры (крещение/коронация), необходимым атрибутом которой является присутствие нескольких статусных лидеров, ранее прошедших подобную инициацию [2, с. 11–16]. В процессе инициации реализуется акт признания за отдельным лицом лидерского статуса остальными членами (статусными лидерами) преступного сообщества, и тогда лицо приобретает статус принадлежности к высшей ступени преступной иерархии.

Процедура инициации носит обрядовый характер и осуществляется лицами, обладающими возможностью, в соответствии с устоявшимися традициями преступных сообществ, определять положение иных лиц в иерархии

преступного мира. В результате подобной инициации устанавливается положение лица в преступном сообществе и признается его высокое воровское положение (звание — вор в законе). Причем о проведенном акте инициации в обязательном порядке оповещается широкий круг представителей преступного сообщества, придерживающихся криминальной (воровской) идеологии [4, с. 33–35].

Определенный интерес относительно признания и круга функций лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, вызывает зарубежный опыт правоприменения. Так, в приговоре от 26.01.2016 Специализированный межрайонный суд по уголовным делам Южно-Казахстанской области указал, что «...С. был „коронован“, то есть возведен в преступный статус „вор в законе“. Это происходило на теплоходе в Средиземном море (г. Анталья) Турецкой Республики и было организовано представителями так называемого «грузинского крыла» транснационального преступного сообщества во главе с его лидером, а также в присутствии около 100 лидеров и авторитетов транснационального преступного сообщества. После «коронации» лидеры указанного транснационального преступного сообщества определили С. так называемым „смотрящим за Казахстаном“. Таким образом, он также стал одним из руководителей транснационального преступного сообщества. В этом качестве ему было поручено распространение и поддержание воровской идеологии, взятие под свой полный контроль криминальной среды Казахстана, а также контролирование „общаковых“ денег, т. е. „воровской казны“, и решение всех криминальных вопросов, как на воле, так и в местах лишения свободы на территории Казахстана, повышение своего авторитета как „вора в законе“, т. е. координация преступной деятельности лиц, занимающих лидирующее положение среди руководителей организованных групп уголовно-преступной среды Республики Казахстан. В этой связи на С. возложены преступные функции по назначению „положенцев“, то есть авторитетов уголовно-преступной среды Казахстана, контролирующих организованную преступность и производящих передачу так называемой „воровской казны“, денежные средства, которые используются для финансирования международной организованной преступности. С., занимая лидирующее положение в транснациональном преступном сообществе, был наделен полномочиями по координации действий лидеров уголовно-преступной среды Казахстана» [6, с. 807–827].

Проблемы применения нормы об ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии также могут возникнуть в связи с определением момента окончания обозначенного преступления. Представляется, что юридически преступление должно считаться оконченным с момента занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Преступление относится к категории длящихся и характеризуется непрерывным пребыванием лица в статусе занявшего высшее положение в преступной иерархии. Фактически оконченным преступление становится после утраты лицом соответствующего криминального статуса.

Уголовная ответственность наступает непосредственно за факт занятия высшего положения в преступной иерархии вне зависимости от совершения иных преступлений в рамках обладания указанным положением.

Так, в приговоре от 07.10.2020 по обвинению О. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210¹; ч. 2 ст. 111; п. «з» ч. 1 ст. 222 УК РФ, Московский городской суд указал, что

«диспозиция ст. 210¹ УК РФ не предусматривает реализации своего статуса виновным лицом, совершения им каких-либо действий с использованием статуса, и в изложенном понимании занятие высшего положения в преступной иерархии не предполагает дополнительных действий такого лица, необходимых для состава такого преступления. Иное, расширительное толкование диспозиции ст. 210¹ УК РФ противоречит требованию уголовного закона и является недопустимым»¹.

Заключение

Таким образом, реализация уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии и стабилизация практики применения уголовно-правовой нормы требуют уточнения ряда оценочных категорий, использованных при ее конструировании.

¹ Архив Московского городского суда за 2020 г. Дело № 2-16/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/court/resheniya-moskovskii-gorodskoi-sud-gorod-moskva/> (дата обращения: 18.05.2021).

Список источников

1. Агапов П. В., Сухаренко А. Н. Актуальные проблемы борьбы с лидерами преступной среды России // Безопасность бизнеса. 2017. № 5. С. 33–39.
2. Борков В. Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии: начало, содержание и конец преступления // Уголовное право. 2019. № 4. С. 11–16.
3. Гришко А. Я. Усиление ответственности лидеров преступного мира: межотраслевой аспект // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 3 (21). С. 91–94.
4. Ишигеев В. С., Лапша В. Л. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ): вопросы квалификации // Российский судья. 2020. № 6. С. 33–35.
5. Ишигеев В. С., Смолькова И. В., Пузикова А. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии как объект криминалистического исследования // Российский следователь. 2020. № 11. С. 45–48.
6. Комиссаров В. С., Енсебаева Г. Б. Уголовно-правовое и криминологическое исследование организованных форм соучастия в республике Казахстан // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 807–827.
7. Куракин А. В., Сухаренко А. Н. Законодательное обеспечение борьбы с организованной преступностью, в том числе транснациональной // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 28–31.
8. Мондохонов А. Н. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия организованной преступности: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2019. № 3. С. 53–58.
9. Пережогина Г. В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 43–48.
10. Степанов-Егиянц В. Г. К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Российский следователь. 2019. № 5. С. 57–61.
11. Шеслер А. В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 110–123.

References

1. Agapov P.V., Suharenko A.N. Current problems of combating criminal leaders in Russia. *Bezopasnost' biznesa* [Business Security]. 2017;(5):33-39. (In Russ.)
2. Borkov V.N. The occupation of the highest position in the criminal hierarchy: the beginning, the content and the end of the crime. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 2019;(4):11-16. (In Russ.)

3. Grishko A.Ya. Strengthening the Responsibility of the Leaders of the Criminal World: An Interdisciplinary Aspect. *Penitenciarное право: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika* [Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice.]. 2019;(3):91-94. (In Russ.)
4. Ishigeev V.S., Lapsha V.L. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy (Art. 210¹ of the Criminal Code of the RF): issues of qualification. *Rossiiskij sud'ya* [Russian Judge]. 2020;(6):33-35. (In Russ.)
5. Ishigeev V.S., Smol'kova I.V., Puzikova A.V. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy as an object of criminalistic research. *Rossiiskij sledovatel'* [Russian Investigator]. 2020;(11):45-48. (In Russ.)
6. Komissarov V.S., Ensebaeva G.B. Criminal and criminological study of organized forms of complicity in the Republic of Kazakhstan. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Russian Journal of Criminology]. 2015;9(4):807-827. (In Russ.)
7. Kurakin A.V., Suharenko A.N. Legislative Support for Combating Organized Crime, including Transnational Crime. *Rossiiskaya yusticiya* [Russian Justice]. 2019;(5):28-31. (In Russ.)
8. Mondohonov A.N. Novelties of criminal legislation in the field of combating organized crime: commentary and problems of application. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 2019;(3):53-58. (In Russ.)
9. Perezhogina G.V. Issues of Criminal Liability for Occupying a Higher Position in the Criminal Hierarchy. *Yuridicheskaya nauka i pravohranitel'naya praktika* [Jurisprudence and Law Enforcement Practice]. 2019;(4):43-48. (In Russ.)
10. Stepanov-Egiyanc V.G. On the criminalization of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy. *Rossiiskij sledovatel'* [Russian Investigator]. 2019;(5):57-61.
11. Shesler A.V. "Thief in Law": criminal status or basis of criminal responsibility. *Vestnik Kuzbasskogo institute* [Bulletin of the Kuzbass Institute]. 2020;(1):110-123. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 30.05.2021.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ФИКТИВНОГО МИГРАЦИОННОГО УЧЕТА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ИЛИ ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Денис Юрьевич Гончаров¹, Гончарова Светлана Германовна²

¹Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

²Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия

¹denis667777@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3347-2533

²goncharova_sg@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2099-8520

Аннотация. В связи с межотраслевой конкуренцией норм, предусмотренных статьями 322.2 и 322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 19.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, квалификация фиктивного миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации остается проблемным вопросом. Как критерий разграничения сходных составов преступлений и административных правонарушений предлагается оценить характер и степень общественной опасности фиктивной постановки на миграционный учет по месту пребывания и регистрации и предоставления ложных сведений при осуществлении миграционного учета. Характер общественной опасности фиктивного миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства оценивается с позиций охраняемых уголовным и административным законом общественных отношений, а степень — путем анализа соотношения понятий «фиктивная постановка на миграционный учет» и «незаконная миграция», правового смысла криминализации указанных деяний при наличии предусмотренной уголовным законом поощрительной нормы, с учетом особенностей урегулирования правового положения мигрантов в Российской Федерации в период действия временных мер, связанных с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: общественная опасность, характер и степень общественной опасности, фиктивная постановка на миграционный учет, незаконная миграция, системность

Для цитирования: Гончаров Д. Ю., Гончарова С. Г. Общественная опасность фиктивного миграционного учета иностранных граждан или лиц без гражданства // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 56–59.

Original article

PUBLIC DANGER FICTITIOUS MIGRATION REGISTRATION FOREIGN CITIZENS OR STATELESS PERSONS

Denis Yu. Goncharov¹, Svetlana G. Goncharova²

¹Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

²Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

¹denis667777@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3347-2533

²goncharova_sg@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2099-8520

Abstract. In connection with the intersect oral competition of the norms provided for in Articles 322.2 and 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 19.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the qualification of fictitious migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation, it remains a problematic issue.

As a criterion for distinguishing similar elements of crimes and administrative offenses, it is proposed to assess the nature and degree of public danger of fictitious migration registration at the place of stay and registration at the place of residence of foreign citizens and persons without citizenship in the Russian Federation and providing false information when carrying out migration registration. The nature of the public danger of fictitious migration registration of foreign citizens and stateless persons is assessed from the standpoint of public relations protected by criminal and administrative law, and the degree of — by analyzing the correlation between the concepts of «fictitious migration registration» and «illegal migration», the legal meaning of criminalizing these acts in the presence of an incentive norm provided for by criminal law, taking into account the peculiarities of regulating the legal situation of migrants in the Russian Federation during the period of temporary measures related to the threat of further spread of a new coronavirus infection.

Keywords: public danger, the nature and degree of public danger, fictitious migration registration, illegal migration, consistency

For citation: Goncharov D.Yu., Goncharova S.G. Public Danger of Fictitious Migration Registration of Foreign Citizens or Stateless Persons. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):56-59. (In Russ.)

Введение

Уголовный закон активно использует понятие «общественная опасность», однако сущность его не раскрывает. Многочисленные научные определения сходятся в одном: общественная опасность — это способность деяния причинять вред охраняемым законом общественным отношениям [7, с. 100].

Разграничить фиктивную постановку на миграционный учет по месту пребывания или регистрацию по месту жительства иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации и предоставление ложных сведений при осуществлении миграционного учета по объекту посягательства не представляется возможным, так как объект один — общественные отношения в сфере порядка управления: порядок миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации.

Логично предположить, что разница в характере и степени¹ общественной опасности деяний. Вот только исследователи отмечают, что любое оценочное определение будет отчасти субъективным [5, с. 209], зависящим как от мнения законодателя в определенный период времени, т. е. от уголовно-правовой политики государства, так и от правоприменителя при квалификации деяния и «выборе оптимальной формы реализации ответственности субъекта» [3, с. 25].

Материал и методы

В статье использованы нормативные правовые акты в сфере миграции, уголовного и административного права. Проведен анализ

¹ О практике назначения судами РФ уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.07.2021).

письменных источников с использованием общенаучных и специальных методов познания: логический метод, системный, метод анализа, формально-логический метод, метод правовой герменевтики.

Результаты и обсуждение

Какой же вред причиняется охраняемым законом общественным отношениям при фиктивной постановке на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации и при предоставлении ложных сведений при осуществлении миграционного учета?

Согласно пояснительной записке к законопроекту криминализация деяний, предусмотренных статьями 322.2 и 322.3 УК РФ, направлена на борьбу с так называемыми «резиновыми домами»².

Однако ряд исследователей, ссылаясь на Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, считает, что общественная опасность фиктивной постановки на миграционный учет в создании угроз безопасности страны, отмечая при этом, что последствиями

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в целях устранения предпосылок для фиктивной регистрации в Российской Федерации лиц в жилых помещениях и об установлении административной ответственности за нарушение правил регистрации граждан России по месту пребывания или по месту жительства и за их проживание в жилых помещениях в Российской Федерации без регистрации, а также об установлении уголовной ответственности за фиктивную регистрацию в Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства граждан России и за фиктивную постановку на миграционный учет в жилых помещениях в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства) : паспорт проекта Федерального закона № 200753-6 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.07.2021).

данного деяния являются незаконная миграция, миграционная преступность, обострение криминогенной ситуации в Российской Федерации, в т. ч. связанное с ухудшением межэтнических отношений и ростом международных и межконфессиональных конфликтов [см., напр., 2, с. 107; 4, с. 183; 6, с. 88].

Несомненно, обеспечение государственной и общественной безопасности связано, в том числе, и с противодействием незаконной миграции¹. Но как соотносятся фиктивная постановка на миграционный учет и незаконная миграция?

Исходя из положений статьи 25.10 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» «незаконно находящимися на территории Российской Федерации» являются иностранные граждане и лица без гражданства «въехавшие на территорию Российской Федерации с нарушением установленных правил, либо не имеющие документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, либо утратившие такие документы и не обратившиеся с соответствующим заявлением в территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, либо уклоняющиеся от выезда из Российской Федерации по истечении срока пребывания (проживания) в Российской Федерации, а равно нарушившие правила транзитного проезда через территорию Российской Федерации»².

Получается, что действующее законодательство не позволяет соотносить фиктивную постановку на миграционный учет с незаконной миграцией, так как, с формальной точки зрения, фиктивно поставленные на учет мигранты не являются незаконно находящимися на территории Российской Федерации.

Возможно, фиктивная постановка на миграционный учет и способствует незаконной миграции со всеми вытекающими последствиями, но вспомним, что состав статей 322.2, 322.3 УК РФ формальный, а гипотеза о причинно-следственных связях между количеством «резинковых квартир» и незаконно находящимся на территории РФ мигрантов в соотношении с динамикой миграционной преступности требует научно обоснованных доказательств.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.07.2021).

² О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.07.2021).

Представляется, что общественная опасность фиктивной постановки на миграционный учет не в угрозе государственной и общественной безопасности, а именно в нарушении порядка управления путем предоставления в орган миграционного учета заведомо ложных сведений о месте пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства, что приводит к снижению эффективности федерального государственного контроля (надзора) и искажению данных государственного статистического наблюдения в сфере миграции.

Но разве заведомо ложные сведения о месте пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства предоставляются в орган миграционного учета не с той же целью, что и при фиктивной постановке на миграционный учет? У принимающей стороны цели в основном корыстные, у мигрантов цель — фиктивно легализоваться на территории РФ.

Таким образом, характер общественной опасности уголовно- и административно-наказуемого деяний схож, они направлены на один и тот же объект, которому при единичных деликтах причиняется аналогичный вред.

В пользу того, что для законодателя фиктивная постановка на миграционный учет имеет невысокую степень общественной опасности, говорит то, что статьи 322.2 и 322.3 УК РФ содержат поощрительную норму, предусматривающую освобождение виновного лица от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию этого преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Также показательно, что в период распространения новой коронавирусной инфекции с целью урегулирования правового положения иностранных граждан в России приняты временные меры, предусматривающие приостановление сроков временного пребывания, временного или постоянного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства в России, их постановки на миграционный учет³. То есть социальная ценность порядка управления в сфере миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период пандемии отошла на второй план, уступив место гуманитарным принципам.

³ О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : Указ Президента РФ от 18.04.2020 № 274 (ред. от 02.01.2021) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.07.2021).

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что характер общественной опасности фиктивной постановки на учет по месту пребывания или регистрации по месту жительства иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации и предоставления ложных сведений при осуществлении миграционного учета не является критерием отграничения преступления от административного правонарушения, что приводит к значительным затруднениям при квалификации указанных деяний.

А вот степень их общественной опасности значительно возрастает при прецедентности, при организации массовой фиктивной постановки иностранных граждан и лиц без гражданства на миграционный учет, особенно

совершаемой группой лиц по предварительному сговору или организованной группой или с использованием принимающей стороной своего служебного положения.

Учитывая, что уголовная политика последнего десятилетия «демонстрирует устойчивую тенденцию к интеграции уголовного и административного законодательства» [1, с. 436], а рассматриваемое деяние имеет смешанную противоправность, представляется, что именно системность предоставления ложных сведений при осуществлении миграционного учета с целью фиктивной постановки мигрантов на миграционный учет имеет повышенную степень общественной опасности, а значит, и должна стать критерием квалификации деяния в качестве уголовно-наказуемого.

Список источников

1. Казакова В. А. Общественная опасность деяния как критерий классификации правонарушений // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 4. С. 435–441.
2. Моргунов С. В. Алгоритм разграничения составов противоправных деяний против порядка осуществления миграционного учета (статья 19.27 КоАП РФ и статья 322.3 УК РФ) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С. 106–116.
3. Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении : (избранные лекции). Москва : Юрлитинформ, 2008. 224 с.
4. Рогова Е. В., Лайкова Е. А. Общественная опасность преступлений, предусмотренных статьями 322.2 и 322.3 УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 2 (36). С. 179–184.
5. Умнова Ю. В. Общественная опасность в процессе уголовного правотворчества и правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 2. С. 208–214.
6. Урда М. Н. Фиктивная постановка на миграционный и регистрационный учеты в контексте межотраслевого взаимодействия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 2 (48). С. 85–91.
7. Чемеринский К. В. Общественная опасность как категория уголовного права // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2014. № 1 (80). С. 99–104.

References

1. Kazakova V.A. Public danger of a deed as a criterion of classification of offences. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: crime and punishment]. 2019;27(4):435-441. (In Russ.)
2. Morgunov S.V. Algorithm of differentiation of corpus delicti of unlawful acts against the procedure of migration registration (Article 19.27 of the CAO RF and Article 322.3 of the Criminal Code). *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice]. 2016;(1):106-116. (In Russ.)
3. Pudovochkin Yu.Ye. *Doctrine of a crime: selected lectures*. Moscow: YurLitinform; 2008. (In Russ.)
4. Rogova Ye.V., Laykova Ye.A. Public danger of crimes stipulated by articles 322.2 and 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs]. 2019;(2):179-184. (In Russ.)
5. Umnova Yu.V. Public danger in the process of criminal lawmaking and law enforcement. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2011;(2):208-214. (In Russ.)
6. Urda M.N. Fictitious registration and migration registration in the context of inter-branch interaction. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice]. 2019;(2):85-91. (In Russ.)
7. Chemerinsky K.V. Public danger as a category of criminal law. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva* [Bulletin of Volga University named after V.N. Tatishchev]. 2014;(1):99-104. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 19.07.2021.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПНЫЕ БАНКРОТСТВА

Светлана Владимировна Дерягина

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия, sveberd.@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема несогласованности Закона о банкротстве и уголовного законодательства. Смешивание понятий «признаки банкротства» с «неплатежеспособностью», «недостаточностью имущества», «неспособностью удовлетворить требования кредиторов» приводит к возникновению проблем с квалификацией преступлений, предусмотренных статьями 195, 196 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Несоответствия в терминологии затрудняют и понимание «признаков банкротства», образующих обстановку преступного деяния по ст. 195 УК РФ, в связи с чем, отсутствие в специальном законодательстве указанных бланкетных признаков, используемых при описании нормы об ответственности за преступное банкротство, исключает в ряде случаев и ее применение. Проведенное исследование позволило автору сделать вывод о необходимости закрепления «признаков банкротства» для физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей.

Ключевые слова: признаки банкротства, неплатежеспособность, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, закон о банкротстве

Для цитирования: Дерягина С. В. Пути повышения эффективности норм об ответственности за преступные банкротства // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 60–66.

Original article

MECHANISMS OF INCREASING THE RULES' EFFECTIVENESS ON A LIABILITY FOR CRIMINAL BANKRUPTCY

Svetlana V. Deryagina

Perm State National Research University, Perm, Russia
sveberd.@yandex.ru

Abstract. The paper examines the issue of inconsistency between the Bankruptcy Law and criminal legislation. Mixing the definitions and concepts of “signs of bankruptcy” with “insolvency”, “insufficiency of property”, “inability of creditors’ claims satisfaction” leads to difficulties with the qualification of crimes according with the Article 195 and the Article 196 of the Criminal Code of the Russian Federation. Such an inconsistency in terminology makes it of particular difficult for understanding the term “signs of bankruptcy” forming the criminal act under the Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation. Therefore, the absence in special legislation of the describing signs, used in describing the rule on liability for criminal bankruptcy, excludes its application in a certain number of cases.

Keywords: signs of bankruptcy, insolvency, improper actions in bankruptcy, deliberate bankruptcy, bankruptcy law

For citation: Deryagina S.V. Mechanisms of Increasing the Rules' Effectiveness on a Liability for Criminal Bankruptcy. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):60-66. (In Russ.)

Введение

Изменение содержания гражданско-правовых терминов, применяемых при описании признаков неправомерных действий при банкротстве, вызвало неоднозначное толкование уголовно-правового запрета. При этом отсутствует и легальное определение понятий, используемых законодателем в диспозициях статей, а многочисленные позиции, выработанные в науке уголовного права, очень противоречивы. Применение норм об ответственности за преступные банкротства усложняет и отсутствие четкой судебной практики по рассматриваемым преступлениям. Обозначенная ситуация не только порождает сложность в отграничении гражданских правонарушений в сфере банкротства от преступлений, но и способствует необоснованному освобождению от уголовной ответственности виновных лиц. Для устранения сложившихся коллизий предлагается четкое закрепление «признаков банкротства» для юридических и физических лиц (в том числе индивидуальных предпринимателей), что позволит вовремя начать уголовное преследование, значительно улучшив сроки и качество расследования уголовных дел данной категории.

Описание исследования

Ответственность за преступные банкротства предопределена существующим позитивным законодательством. В связи с чем необходимо выделить два уровня регулирования общественных отношений в сфере несостоятельности. Первый включает в себя Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 20.04.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о несостоятельности) и иные специальные нормативно-правовые акты в данной сфере, основная цель которых направлена на сбалансирование интересов должника и кредитора, второй уровень — уголовное законодательство, нормы которого применяются при совершении общественно опасных деяний в данной сфере. При этом, изменения специального законодательства напрямую влияют и на уголовно-правовые нормы. Однако такие изменения не всегда носят системный характер, образуя пробелы правового регулирования, что отрицательным образом влияет и на возможность применения норм об ответственности за преступные банкротства. По большей части такие противоречия на сегодняшний день вызваны введением положений о банкротстве граждан, неоднозначная оценка которым определенным образом уже дана и в научной литературе [5; 7]. В связи с чем, необходимо привести в соответствие

нормы специального законодательства в целях исключения различного рода коллизий, которые, по справедливому мнению ученых, являются объективной причиной недобросовестного поведения участников в сфере отношений банкротства [4, с. 11].

Происходящие в настоящее время события, обусловленные пандемией коронавируса, внесли свои коррективы в общую динамику числа банкротств: уменьшение деловой активности, повлекшее снижение банкротств юридических лиц, при значительном сокращении работающего персонала и общем падении доходов населения, что повлияло на рост числа банкротств физических лиц. В июне 2020 года число банкротств физических лиц выросло до 11,5 тыс., что в два раза выше показателя аналогичного периода 2019 года, при этом количество банкротств юридических лиц снизилось на 26 %¹. Прежде всего данные показатели связаны с введением моратория на подачу заявлений о банкротстве организаций, оказавшихся в тяжелой ситуации из-за пандемии. Всего за период существования процедуры потребительского банкротства, с октября 2015 года по конец 2020 года несостоятельными стали уже 282 284 гражданина. При этом только в 30 % случаев завершение процедур банкротства завершаются погашением задолженности перед кредиторами и бюджетом РФ. На фоне данной статистики сведения о количестве регистрируемых преступных банкротств (ст. 195–197 УК РФ) выглядят совершенно незначительными. Так, в 2016 г. зарегистрировано 274 преступления, в 2017 г. — 281, в 2018 г. — 271, в 2019 г. — 284, в 2020 г. — 275². Полагаем, что такая ситуация больше свидетельствует об увеличении латентности данных преступлений, а не о реальном их снижении, особенно с учетом кризисной ситуации, складывающейся в настоящее время.

В научной литературе предлагается систематизировать виды преступных банкротств в зависимости от различных критериев: целей, на которые направлены данные действия, механизма преступного деяния, состояния платежеспособности. Научно обоснованной и логичной представляется позиция А. А. Коренной, разделяющей виды преступных банкротств

¹ Статистические данные по количеству банкротств физических и юридических лиц // Федресурс : [сайт]. URL: <https://fedresurs.ru/news/e61f7aa4-23e6-4321-b011-bebd72550e4f> (дата обращения: 04.06.2021).

² Статистические данные по преступлениям (ст. 195–197 УК РФ) за 2004–2021 гг. согласно отчетам 1-ЕГС (код 491) // ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» : [сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 06.06.2021).

в зависимости от совершающего субъекта, результата деяния, стадии развития несостоятельности, в которых одним из важнейших критериев является наличие «признаков банкротства» [2, с. 25–27]. Учитывая, что в настоящее время данные признаки для физических лиц не закреплены в Законе о несостоятельности, возникают сложности и с юридической оценкой совершенных деяний. Данная проблема уже озвучивалась в научных кругах [6]. Решение ее видится в следующем.

Согласно ст. 3 Закона о несостоятельности признаки банкротства теперь как таковые определяются только в отношении юридического лица. О признаках банкротства граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, законодатель напрямую ничего не говорит. И только лишь системный анализ норм позволяет выделить некие обобщенные признаки, которые лишь условно мы можем называть признаками банкротства граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей.

Согласно ч. 2 ст. 213 Закона о несостоятельности, заявление о признании гражданина банкротом принимается арбитражным судом, если сумма неисполненных им требований составляет не менее пятьсот тысяч рублей и не исполнены они в течение трех месяцев. При этом в соответствии с ч. 3 ст. 213.6 Закона о несостоятельности устанавливается, что под неплатежеспособностью гражданина понимается его неспособность удовлетворить в полном объеме требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Хотя в ст. 2 Закона о несостоятельности уже дано общее понятие «неплатежеспособности», как прекращения исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей.

Основанием для признания индивидуального предпринимателя банкротом согласно ст. 214 Закона о несостоятельности является его неспособность удовлетворить имеющиеся требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, при этом сумма требований и срок их неисполнения не оговаривается. По ч. 3 ст. 213.1 Закона о несостоятельности положения, связанные с банкротством граждан, применяются и в отношении индивидуальных предпринимателей. Это позволяет сделать вывод, что сумма требований к индивидуальному предпринимателю должна составлять также не менее пятисот тысяч рублей и срок их невыполнения охватываться тремя месяцами.

Таким образом, в отношении гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, речь идет о некотором обобщенном понятии, включающем в себя как признаки банкротства, так и признаки неплатежеспособности. Отсутствие четкого определения признаков банкротства для граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, при наличии ряда противоречивых понятий специального законодательства, приводит и к невозможности привлечения к уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), поскольку обязательным признаком объективной стороны этого преступления является обстановка преступного деяния — «при наличии признаков банкротства».

Обращаясь к нормам об административной ответственности за преступные банкротства мы видим следующую дефиницию, закрепленную в ст. 14.12 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее — КоАП РФ): «сокрытие имущества, имущественных прав... при наличии признаков банкротства юридического лица либо признаков неплатежеспособности индивидуального предпринимателя или гражданина...». То есть при формулировке норм законодатель использует разные термины: в уголовном законодательстве — это признаки банкротства, в административном — и признаки банкротства и признаки неплатежеспособности. Таким образом, противоречия мы наблюдаем на всех уровнях: в специальном, уголовном и административном законодательстве, что, безусловно, требует скорейшего устранения и поиска единообразного толкования, понимания и применению признаков банкротства к различным субъектам. На наш взгляд, возможны два пути решения.

Первый — изложить дефиницию ч. 1, ч. 2 ст. 195 УК РФ так же, как это сделано в КоАП РФ, то есть определить, что обстановкой преступного деяния являются признаки банкротства для юридического лица и признаки неплатежеспособности для гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя. При этом необходимо учитывать, что понятие «неплатежеспособности гражданина» закреплено в ч. 3 ст. 213.6 Закона о банкротстве (и не противоречит ст. 214) в части основания для признания индивидуального предпринимателя банкротом.

Второй — дополнить ст. 3 Закона о несостоятельности частью первой и закрепить в ней признаки банкротства для граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей. Под ними следует понимать неспособность

удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанности по уплате обязательных платежей, если требования на сумму не менее пяти сот тысяч рублей не исполнены ими в течение трех месяцев. Этот пункт считаем наиболее оптимальным, поскольку он исключает возможность двойного толкования и позволяет в рамках одной нормы судить о признаках банкротства всех субъектов, что создает возможность единообразного толкования для определения уголовно-правовых признаков по ч. 1, ч. 2 ст. 195 УК РФ.

В настоящее время нормы специального законодательства имеют превентивное значение, поэтому представляется необходимым проанализировать те изменения, которые наиболее существенным образом влияют на возможность предупреждения банкротства мерами гражданско-правового характера¹.

Во-первых, Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс РФ об административных правонарушениях», введена глава III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве» в Закон о банкротстве. Тем самым законодатель попытался упорядочить отношения между должником и лицами, которые могут оказывать влияние на его хозяйственную деятельность, закрепив положения о субсидиарной ответственности.

Законодатель определил лиц, которые при негативном влиянии на предпринимательскую деятельность юридического лица, могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности, определив их как контролирующих должника лиц. Стоит отметить, что введение субсидиарной ответственности для данных лиц положительно оценивается практичными сотрудниками, как норма, имеющая предупредительное значение и позволяющая восстановить платёжеспособность должника². И хотя судебная практика применения данного

¹ О внесении изменений в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»: Федеральный закон от 30 декабря 2008 № 296 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 4; О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием порядка обращения взыскания на заложенное имущество: Федеральный закон от 30 декабря 2008 № 306 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 14

² По материалам опроса практических работников, проведённого в 2018 году. В проведённом нами анкетировании приняли участие судьи районных судов, сотрудники органов внутренних дел, в чью компетенцию входит раскрытие и расследование преступлений экономической направленности г. Перми. Общее число опрошенных лиц составляет 217 человек.

института ещё не сложилась, он положительно оценивается и в правовой литературе как эффективный механизм доказывания вины контролирующих лиц [1]. Анализ правового статуса данных субъектов позволил сделать вывод, что контролирующих должника лиц необходимо признавать субъектами преступления, предусмотренного ст. 195 УК РФ. Этот факт необходимо учитывать при квалификации преступных банкротств, в том числе в соучастии и определении роли каждого из субъектов.

Во-вторых, важным решением законодателя является введение положений по оспариванию сделок должника³. Определённую оценку данные нормы уже получили в научных трудах [3; 8]. Однако необходимо остановиться на наиболее значимых аспектах.

Согласно ст. 61.1 главы III Закона о несостоятельности, оспариваемыми либо недействительными могут быть признаны подозрительные сделки, сделки при неравноценном встречном исполнении, сделки, в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, сделки, влекущие за собой оказание предпочтения отдельным кредиторам.

Анализ данных норм позволяет сделать вывод, что подозрительные сделки представляют собой, в том числе и сделки, посредством которых осуществляются сокрытие и отчуждение имущества, образующие способы неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства. При этом за определённое время до подачи заявления о признании себя банкротом (1–3 года) должник ухудшает своё финансовое положение.

Как показала практика, самым частым способом совершения преступлений, предусмотренных ст. 195, 196 УК РФ, является совершение сделок на невыгодных условиях, при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной. Именно на данный факт обращает своё внимание законодатель при определении подозрительных сделок в Законе о несостоятельности. Согласно п. 1 ст. 61.2 указанного Закона, неравноценным признаётся такое исполнение обязательств, когда цена сделки и иные условия существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены или условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки либо значительно различие между рыночной ценой

³ О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным ФЗ «О несостоятельности»: постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 30 апреля 2009 № 32 // Вестник ВАС РФ. № 7. 2009.

и ценой, по которой произошло отчуждение имущества¹.

Законодателем также предусмотрены и случаи признания сделки недействительной (п. 2 ст. 61.2 Закона), если она совершена с целью причинения вреда кредиторам. При этом данная цель предполагается, если лицо является по сделке заинтересованным. Необходимо проанализировать эту норму, сопоставляя её с ч. 2 ст. 195 УК РФ.

Действия, указанные в качестве способа совершения неправомерных действий ч. 2 ст. 195 УК РФ, также представляют собой сделки по отчуждению имущества, при этом оно неправомерно переходит одним кредиторам, нарушая права требования других кредиторов, причиняя им имущественный вред. Согласно п. 2 ст. 61.2 Закона, законодатель, уточняя, в чём именно состоит цель причинения вреда кредиторам, приводит наиболее часто встречающиеся способы: совершение сделки при наличии признаков неплатёжеспособности или недостаточности имущества, безвозмездные сделки, сделки, направленные на выплату доли в имуществе должника.

Таким образом, сделки, указанные п. 2 ст. 61.2 Закона, образуют одновременно и способы совершения действий, указанных в ч. 1, ч. 2 ст. 195 УК РФ и ст. 196 УК РФ. Кроме этого, цель причинения вреда по п. 2 ст. 61.2 Закона предполагается, если стоимость переданного имущества составляет значительную балансовую стоимость активов должника; если субъект уничтожил или искажил правоустанавливающие документы, документы бухгалтерской отчетности или иные учетные документы; если после совершения сделки по передаче имущества должник продолжал осуществлять пользование и (или) владение данным имуществом, либо давал указания его собственнику об определении судьбы данного имущества.

В результате совершения указанных сделок согласно 61.6 Закона о несостоятельности применяются последствия недействительности сделок. Возможно два варианта: 1) всё имущество, переданное по сделке, возвращается в конкурсную массу; 2) кредиторы, чьи права были нарушены, приобретают право требования в порядке реституции.

Таким образом, законодатель определяет правила, на основании которых подозрительные сделки, образующие, в том числе и способы преступных банкротств, можно признать недействительными. При этом решение данного вопроса находится вновь в плоскости

¹ О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

гражданско-правовых отношений. Устанавливая основания недействительности сделок (п. 2 ст. 61.2 Закона), законодатель не предусматривает конкретной суммы ущерба (как в ст. 195–197 УК РФ), что позволяет кредиторам более эффективно и на более ранних этапах обратиться с иском о возмещении причинённого вреда.

Институт оспаривания сделок должника положительно оценивают и судьи арбитражных судов. Так, более 75 % таких респондентов указали на данную норму как объективно необходимую, позволяющую восстановить платёжеспособность должника и увеличить конкурсную массу. Вместе с тем, полагаем, что при значительном причинении вреда публичным интересам необходимо применение мер уголовно-правового характера, которое должно быть достаточно взвешенным.

Восстановление платёжеспособности предприятий выгодно не только должнику и кредиторам, определённая заинтересованность в этом плане имеется и у государства. Экономически целесообразнее использовать все возможные средства для возврата долга и тем самым предоставить возможность предприятию продолжить свою хозяйственную деятельность.

Это доказывается и решением законодателя предусмотреть меры по предупреждению банкротства (гл. II Закона о несостоятельности), согласно которым при возникновении признаков банкротства руководитель должника должен внести такие сведения в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц, а также предпринять все зависящие от него разумные необходимые меры, направленные на предупреждение банкротства. Кроме того, руководитель должника, учредители, контролирующие лица обязаны не допускать действия (бездействие), которые могут заведомо ухудшить финансовое положение должника.

С момента криминализации преступных банкротств в ст. 195–197 УК РФ неоднократно вносились изменения, которые касались объективных и субъективных признаков данных деяний. Сегодня законодатель вновь обращает свое внимание на составы преступных банкротств. Как указано в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 195 и 196 УК РФ²», он направлен, с одной стороны, на усиление ответственности за неправомерные действия при банкротстве

² О внесении изменений в статьи 195 и 196 УК РФ и статью 31 УПК РФ : законопроект № 1099900-7 // СОЗД ГАС «Законотворчество» : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1099900-7> (дата обращения: 26.06.2021).

и преднамеренное банкротство, в том случае если они совершаются с использованием служебного положения, группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой, арбитражным управляющим, контролирующим должника лицом. С другой стороны — на введение положений об освобождении от уголовной ответственности, когда лицо активно способствовало раскрытию преступления, обеспечив реальное возмещение ущерба.

Совершенствование позитивного и специального законодательства является одним из важнейших направлений не только по противодействию преступным банкротствам в целом, но и по повышению эффективности норм об ответственности за такие преступления. Общая тенденция при этом состоит в создании в рамках специального законодательства таких норм, которые позволили бы регулировать интересы должника и кредитора в сфере несостоятельности, предупреждая их противоправные действия мерами гражданско-правового характера. При этом прослеживается системный характер данных новелл. Они реализуются как на уровне организационном, что находит своё отражение в ослаблении степени вмешательства государства в отношения должника и кредиторов, так и на уровне реализации процедур, применяемых в деле о банкротстве.

Об этом же можем судить в связи с введением положений о гуманизации законодательства в части, затрагивающей интересы предпринимателей. Федеральным законом от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены обширные изменения, цель которых определена как «противодействие злоупотреблениям <...> при расследовании преступлений экономической направленности». Теперь установлены новые правила прекращения уголовного преследования подозреваемых и обвиняемых в совершении ряда экономических преступлений. В соответствии со ст. 76.1 УК РФ и ст. 28.1 УПК РФ лица, впервые совершившие преступления, предусмотренные ст. 195–197 УК РФ, в случае, если возмещён ущерб гражданину, организации или государству с перечислением в федеральный бюджет, суммы, в два раза превышающую причинённый ущерб, подлежат освобождению от уголовной ответственности.

Данная норма носит, прежде всего, экономический характер. Возмещение вреда позволит восполнить бюджет, обязательные

платежи в который в виде налогов, не всегда в полном объёме поступают из-за совершения преступных посягательств экономической направленности.

Кроме того, введение дополнительных оснований освобождения от уголовной ответственности свидетельствует о гуманизации современного уголовного закона. Вполне справедливо, что такие изменения касаются именно предпринимательской сферы, где меры гражданско-правового характера должны иметь первостепенное значение при защите нарушенных прав кредиторов и иных хозяйствующих субъектов.

Заключение

Полагаем, что обстановка преступления по ч. 1 и ч. 2 ст. 195 УК РФ обусловлена наличием признаков банкротства, которые необходимо определять отдельно для юридических и для физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей. Для юридических лиц, банкротство которых осуществляется в общем порядке, эти признаки обусловлены неспособностью удовлетворить требования кредиторов и исполнить имеющиеся обязательства в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть исполнены. Признаками банкротства граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, является неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанности по уплате обязательных платежей, если эти требования на сумму не менее пятисот тысяч рублей не исполнены ими в течение трех месяцев. Законодательное закрепление в Законе о несостоятельности указанных признаков позволит устранить пробелы специального и уголовного законодательства.

На современном этапе всё более очевидным становится тот факт, что ликвидация хозяйствующего субъекта должна применяться как крайняя мера, когда восстановить платёжеспособность уже не представляется возможным. Предупредительное принятие мер по восстановлению платёжеспособности субъекта должно осуществляться в любой период финансово-хозяйственной деятельности организации. Это должно стать обязанностью каждого добросовестного предпринимателя. Введение такой системы позволит не только справедливо удовлетворять требования кредиторов, но и создать более эффективный механизм обеспечения стабильности и устойчивости рыночных отношений.

Список источников

1. Багреева Е. Г., Петухов С. В. К вопросу об уголовной и субсидиарной ответственности контролирующих лиц // Российский следователь. 2020. № 6. С. 58–62.
2. Коренная, А. А. Система преступлений, связанных с несостоятельностью (банкротством), в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Барнаул, 2013. 223 с.
3. Лямкина А. С. Оспаривание безрезультативных сделок: столкновение интереса должника и интересов кредиторов // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 2. С. 47–51.
4. Османова Д. О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве) : монография / под ред. О. А. Беляевой. Москва : Юстицинформ, 2020. 184 с.
5. Степанян А. С. Банкротство граждан: актуальные проблемы правоприменения // Право и бизнес. 2021. № 1. С. 48–54.
6. Субачев А. К. Проблемы установления обстановки совершения правонарушений при банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1. С. 120–127.
7. Смирнова Ю. С. Уголовная ответственность физических лиц за преступления, связанные с преднамеренным банкротством // Безопасность бизнеса. 2017. № 1. С. 60–64.
8. Травина О. В. Оспаривание сделок. Недействительность сделок при банкротстве // Вестник арбитражной практики. 2020. № 2. С. 57–61.

References

1. Bagreeva E.G., Petukhov S.V. On the issue of criminal and subsidiary responsibility of controlling persons. *Rossiiskij sledova-tel'* [Russian investigator]. 2020;(6):58-62. (In Russ.)
2. Korenaya, A.A. *System of Crimes Related to Insolvency (Bankruptcy) in Russian Criminal Law* [dissertation]. Barnaul; 2013. (In Russ.)
3. Lyamkina A.S. Challenging of futile transactions: clash of interest of debtor and interests of creditors. *Predprinima-tel'skoe pravo. Prilozhenie «Pravo i Biznes»* [Entrepreneurial Law. Appendix "Law and Business"]. 2020;(2):47-51. (In Russ.)
4. Osmanova D.O., Belyaeva O.A. (ed.) *Abuse in insolvency (bankruptcy)*. Moscow: Justitsinform; 2020. (In Russ.)
5. Stepanyan A.S. Bankruptcy of Citizens: Current Problems of Enforcement. *Pravo i biznes* [Law and Business]. 2021;(1):48-54. (In Russ.)
6. Subachev A.K. Problems of establishing the situation of committing illegal actions in bankruptcy. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2021;(1):120-127. (In Russ.)
7. Smirnova Yu.S. Criminal liability of individuals for crimes related to deliberate bankruptcy. *Bezopasnost' biznesa* [Business Security]. 2017;(1):60-64. (In Russ.)
8. Travina O.V. Challenging of transactions. Invalidity of transactions in bankruptcy. *Vestnik arbitrazhnoj praktiki* [Bulletin of arbitration practice]. 2020;(2):57-61. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 02.07.2021.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОНТРАБАНДУ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Татьяна Михайловна Петрова

*Университет Генеральной прокуратуры Российской Федерации
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Санкт-Петербург, Россия, tatyasalniko@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы уголовной ответственности за контрабанду в отношении особо охраняемых видов диких животных и растений; анализируются вопросы квалификации преступлений в данной сфере и их законодательной регламентации.

Отсутствие системности и дифференциации ответственности по таким преступлениям на законодательном уровне влечет за собой разногласия в теории и проблемы квалификации в практической деятельности. Отмечается, что в целях правильной квалификации деяний необходимо ввести специальную уголовно-правовую норму об ответственности за контрабанду в отношении особо охраняемых видов животного и растительного мира.

Автором проанализированы вопросы криминализации преступных посягательств в отношении рассматриваемых видов животных и растений, отдельные спорные моменты при квалификации таких деяний. Рассмотрены основные моменты квалификации преступлений в отношении особо ценных диких животных и животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, по статьям 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

По итогам изложенного материала автором получены новые аргументированные выводы по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: особо охраняемые дикие животные и растения, Красная книга, контрабанда, браконьерство, предмет преступления, квалификация преступных посягательств

Для цитирования: Петрова Т. М. Уголовная ответственность за контрабанду особо охраняемых диких животных и растений: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 67–72.

Original article

CRIMINAL LIABILITY FOR SMUGGLING OF SPECIALLY PROTECTED WILD ANIMALS AND PLANTS: QUALIFICATION AND LEGISLATIVE REGULATION

Tatyana M. Petrova

*St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
St. Petersburg, Russia, tatyasalniko@yandex.ru*

Abstract. The article examines some of the problems of criminal liability for smuggling in relation to specially protected species of wild animals and plants; analyzes the issues of qualification of crimes in this area and their legislative regulation.

The lack of consistency and differentiation of responsibility for such crimes at the legislative level entails disagreements in theory and problems of qualification in practice. It is noted that in order

to properly qualify acts, it is necessary to introduce a special criminal law norm on liability for smuggling in relation to specially protected species of animal and plant life.

The author analyzes the issues of criminalization of criminal encroachments in relation to the considered species of animals and plants, some controversial points in the qualification of such acts. The main points of qualification of crimes in relation to especially valuable wild animals and animals included in the Red Book of the Russian Federation, according to Articles 226.1 and 258.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered.

Based on the results of the material presented, the author obtained new reasoned conclusions on the improvement of criminal legislation and law enforcement practice.

Keywords: specially protected wild animals and plants, Red Book, smuggling, poaching, subject of crime, qualification of criminal encroachments

For citation: Sharonov S.A. Similarities, differences and problems in the use of firearms by police officers and private security guards (part 1). *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):67-72. (In Russ.)

Введение

В Российской Федерации браконьерская добыча диких животных и незаконная заготовка дикорастущих растений с целью контрабандного вывоза заготовленной продукции является чрезвычайно распространенным явлением. Несмотря на ужесточение административного и уголовного законодательства, стремление к получению дополнительных заработков толкает людей на нелегальный промысел. Браконьерство и незаконная торговля выступают основными причинами исчезновения редких видов диких животных и растений.

На сегодняшний день противостоять огромным масштабам незаконного оборота и контрабанды биоресурсов, находящихся на грани исчезновения, путем возможности привлечения к уголовной ответственности, возможно только в отношении узкого перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, который утверждается постановлением Правительства РФ¹. Незаконные контрабанда и оборот иных особо охраняемых видов диких животных и растений, не включенных в данный Перечень, остаются за рамками регулирования уголовно-правовых норм, что позволяет виновным лицам избежать наказания.

Описание исследования

Таможенными органами при попытках незаконного вывоза из России задерживаются

объекты фауны и флоры, относящиеся в настоящее время к стратегически важному сырью, такие как трепанг дальневосточный, части и дериваты наземных животных, в том числе части амурского тигра, гималайского и бурого медведей, изюбра и пятнистого оленя, дальневосточной мягкотелой черепахи и дальневосточных земноводных, краснокнижные виды рыб амурского бассейна, а также шкуры многих видов ценных пушных животных [4, с. 21].

Нелегальный промысел дикими животными по доходности соперничает с незаконной торговлей оружием, и уступает только незаконному обороту наркотиков. Наиболее уязвимой при этом является дикая флора и фауна Дальнего Востока России. Максимальное число выявленных преступлений в отношении контрабандного вывоза животных и растений, занесенных в Красную книгу РФ, приходится на российско-китайское и российско-корейское направления. Повышенный спрос на природное сырье, используемое в медицине и кулинарии Китая и республики Корея, является мощным стимулом для местных перекупщиков и браконьеров. На восточном участке российско-китайской границы таможенные органы все чаще изымают незаконно вывозимые дериваты (производные) редких животных. Это желчь медведя, струя кабарги, кости амурского тигра, которые используются в Китае для изготовления препаратов восточной медицины [2, с. 75–77].

Незаконное перемещение через таможенную границу объектов дикой флоры и фауны, как правило, осуществляется путем недекларирования либо недостоверного декларирования частей и дериватов диких животных и дикорастущих растений. Выявляются случаи сокрытия от таможенного контроля этих товаров в конструктивных полостях и специально оборудованных тайниках транспортных средств. Также предпринимаются попытки

¹ Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2013 № 978 // СПС «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153941/ (дата обращения: 25.01.2021).

незаконного перемещения объектов фауны и флоры с обманным использованием документов, предназначенных для таможенных целей (недействительные либо поддельные разрешительные документы).

Так, в октябре 2020 года в Приморье пограничники пресекли попытку вывоза в Китай более двух кг женьшеня. 137 корней реликтового растения были спрятаны в ящике с инструментами. В ходе досмотра грузовой машины, следовавшей на выезд из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику через пункт пропуска «Полтавка», в инструментальном ящике было обнаружено несколько свертков с краснокнижными дикоросами. В общей сложности сотрудники Пограничного управления насчитали 137 корней общим весом свыше 2 кг 300 гр.

Дикорастущий женьшень очень ценится в традиционной восточной медицине, поэтому спрос на него в сопредельном государстве остается высоким. Данный представитель редкой флоры занесен в Красную книгу Российской Федерации, включен в перечень видов животных и растений, подпадающих под действие Конвенции о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения, а также являющимися стратегически важным ресурсом. Экспертиза, проведенная специалистами АНО «Центр Амурский тигр» подтвердила, что данное растение действительно является женьшенем. Ущерб природным ресурсам Российской Федерации оценивается почти в два млн рублей¹.

В августе 2020 года сотрудниками пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю пресекли попытку незаконного перемещения через государственную границу особо ценных дериватов диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, а также ценных водных биологических ресурсов. Ориентировочная стоимость изъятого превышает 24 млн рублей. Дорогостоящий груз планировался для переправки на территорию сопредельного государства на участке Службы в поселке городского типа Посьет. Задержанная партия контрабанды состояла из 225 рогов сайгака, 20 когтей и трех клыков амурского тигра, струи кабарги и более 2 кг желчи медведя².

¹ Более 1000 корней женьшеня пытался вывезти в Китай дальнбойщик // UssurMedia : [сайт]. URL: <https://ussurmedia.ru/news/1009335/> (дата обращения: 07.01.2021).

² Банда контрабандистов прячала трепанг на автостоянке в Уссурийске, пока ее не рассекретили // UssurMedia : [сайт]. URL: <https://ussurmedia.ru/news/988594/> (дата обращения: 07.01.2021).

Уголовное законодательство Российской Федерации в части установления ответственности за контрабанду за последнее десятилетие претерпело значительные изменения. В 2011 году была декриминализована статья 188 УК РФ «Контрабанда», находящаяся в 22 главе УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» раздела VIII «Преступления в сфере экономики»³. Одновременно в Уголовный кодекс РФ в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» главы 24 «Преступления против общественной безопасности» внесена статья 226.1 УК РФ — «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей».

Кроме того, законодатель поместил в главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» статью 229.1 «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ».

Федеральным законом от 02.07.2013 № 150-ФЗ статья 226.1 УК РФ дополнена указанием на контрабанду особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, как предметов преступного посягательства. Таким образом, впервые на законодательном уровне отдельно выделены в качестве предмета преступного посягательства виды диких животных и водных биоресурсов, относящихся к категории особо ценных. Перечень их закреплен в вышеупомянутом постановлении

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ : текст с изм. и доп. на 3 июля 2016 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.01.2021).

Правительства РФ «Об утверждении Перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 31 октября 2013 года № 978¹.

Следует отметить, что в отличие от других стратегически важных товаров, уголовная ответственность за посягательства на особо ценные виды диких животных и водных биоресурсов наступает независимо от их стоимости (для других товаров стоимость партии должна составлять 1 млн рублей и более). Однако незаконные перемещения через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу РФ с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (далее — граница) иных видов животного мира остаются за пределами регулирования уголовно-правовых норм. Привлечение лица к уголовной ответственности по ст. 226.1 УК РФ за совершение контрабанды редких и исчезающих растений также не охватываются вниманием российского законодателя. Это возможно лишь при условии включения редких видов дикоросов в Перечень стратегически важных ресурсов флоры и фауны либо наличия сведений об их официальной стоимости, превышающей 1 млн рублей, что порой является проблематичным.

Автору представляется необоснованной и нелогичной попытка законодателя охватить в статье 226.1 УК РФ чрезмерно большой перечень предметов контрабанды, характер и степень общественной опасности которых значительно отличаются. Сам подход к установлению уголовной ответственности за контрабанду, в том числе, в отношении объектов дикой флоры и фауны, также является очень спорным. В рамках настоящей статьи мы не ставим цели проанализировать общий состав контрабанды как таковой, а затронем лишь наиболее дискуссионные вопросы.

Одним из таких вопросов в теории уголовного права является проблема определения объекта преступления. Большинство исследователей — теоретиков придерживается

позиции, согласно которой при определении родового объекта преступления традиционно учитывается факт нахождения исследуемой нормы в соответствующем разделе Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Вопрос определения объекта контрабанды также представляется сложным и неоднозначным. До 2011 года статья об ответственности за контрабанду располагалась в главе 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности», которая являлась составной частью восьмого раздела УК РФ «Преступления в сфере экономики». Родовым объектом таких преступлений признавались общественные отношения по поводу осуществления экономической деятельности.

Однако наряду с вредом, причиняемым таким отношениям, при контрабанде под удар попадает и целый ряд иных общественных отношений в зависимости от предмета преступления — отношения в сфере охраны общественного порядка, охраны здоровья населения и т. д., что является особенностью состава преступления «Контрабанда». Еще до внесения изменений в уголовное законодательство в 2011 году, учеными-теоретиками высказывалась идея разделения ответственности за контрабанду в зависимости от непосредственного объекта и характера перемещаемых предметов [6, с. 16].

Преступление, предусмотренное сейчас статьей 226.1 УК РФ, в качестве родового объекта предполагает совокупность общественных отношений в сфере нарушения общественной безопасности и общественного порядка. Видовой же объект контрабанды в отношении особо ценных диких биоресурсов возможно определить как совокупность общественных отношений по обеспечению экологической безопасности, защиты экологических интересов государства и личности. При совершении контрабанды особо ценных видов диких животных и водных биологических ресурсов, под удар ставится именно экологическая безопасность в сфере охраны животного и растительного мира. Общественная опасность заключается в причинении вреда отношениям в сфере экологии, а также экологической безопасности. Таким образом, предмет общественного отношения определяет содержание самого общественного отношения в зависимости от своей социальной природы. Это позволяет утверждать, что совершение преступления с использованием исследуемых предметов, в том числе и при их незаконном перемещении через границу, является посягательством на экологическую безопасность.

Позиция о дополнении законодательства отдельной уголовно-правовой нормы об ответственности за контрабанду редких и (или)

¹ Об утверждении Перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 31.10.2013 № 978 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 45. Ст. 5814.

находящихся на грани исчезновения животных и растений находит поддержку в научном сообществе [5, с. 19]. К выводу о включении в главу 26 УК РФ «Экологические преступления» статьи об ответственности за контрабанду редких животных и растений и (или) находящихся на грани исчезновения, приходят отдельные исследователи [7, с. 7; 15]. Также высказывается мнение о замене в статье 226.1 УК РФ слов «особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их частей и дериватов (производных)» на «либо животных, растений или грибов, их частей или дериватов, отнесенных Красной книгой Российской Федерации к вероятно исчезнувшим, находящимся под угрозой уничтожения, сокращающимся в численности, редким либо редких и находящихся под угрозой исчезновения животных, растений или грибов, их частей или дериватов, охраняемых международными договорами, ратифицированными Российской Федерацией» [1, с. 26].

А. В. Скачко резюмировала: «контрабанда птиц, животных, редких растений, взятых большинством государств мира под особую охрану, наносит необратимый вред экологической безопасности России. Предмет преступления в таких случаях явно не соответствует видовому и непосредственному объектам преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ» [8, с. 31]. Исследователь также обосновывает целесообразность выделения из статьи 226.1 УК РФ особо ценных экземпляров птиц, животных и водных биологических ресурсов, в отношении которых действуют специальные международные и национальные ограничения в обращении и дополнения УК РФ статьей 259.1 в предложенной редакции [8, с. 21–22, 30–31].

М. В. Талан полагает целесообразным внести в ст. 258.1 УК РФ изменения, при которых указанной нормой устанавливалась бы ответственность за незаконное перемещение (ввоз, вывоз) особо ценных видов диких животных, их частей и (или) дериватов через границу [9, с. 252].

С такими выводами соглашается в своем исследовании и Д. М. Гусаренко [3, с. 101–102], подвергая справедливой, на наш взгляд,

критике слишком большой объем предметов контрабанды и несоответствие предмета преступления видовому и непосредственному объектам преступления, предусмотренного статьей 226.1 УК РФ.

Выводы

Мы полагаем необходимым исключить категорию особо ценных видов диких животных из статьи 226.1 УК РФ и закрепить их наряду с иными особо охраняемыми видами в составе отдельного экологического преступления, разместив ее в главе 26 УК РФ, разделяя тем самым вышеприведенные позиции исследователей, а не дополнять предмет преступления рассматриваемой статьи видами животных, подлежащих особой охране. Такой шаг законодателя, по нашему мнению, будет соответствовать основам формирования особенной части уголовного законодательства, способствовать использованию единого понятийного аппарата, основанного на нормах экологического законодательства, что в свою очередь является обоснованным и логичным.

Также следует наряду с контрабандой самих животных и растений, предусмотреть ответственность за незаконный ввоз и вывоз через таможенную границу их частей и производных (дериватов). В каждом случае контрабанды ценных экземпляров флоры и фауны применять индивидуальный подход, учитывая состояние популяций, их количественную характеристику, распространенность на территории страны.

Заключение

Резюмируя изложенное, отметим, что дополнение Уголовного кодекса самостоятельной статьей, предусматривающей уголовную ответственность за контрабанду как особо ценных, так и особо охраняемых видов животного и растительного мира, представляется правильным и своевременным решением, отвечающим современным потребностям в части обеспечения эффективной охраны биоресурсов, находящихся на грани исчезновения. Расположение уголовно-правовой нормы в главе 26 УК РФ соответствует структуре Особенной части УК РФ и является очередным шагом по совершенствованию действующего законодательства.

Список источников

1. Артамонова М. С. Соотношение экологических преступлений и административных правонарушений в области охраны окружающей среды : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 29 с.
2. Бондаренко К. В. Ответственность за контрабанду // Закон и право. 2004. № 3. С. 75–78.

3. Гусаренко Д. М. Криминализация посягательств на особо ценные виды диких животных : дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2020. 225 с.
4. Ляпустин С. Н., Фоменко П. В. Незаконный оборот и борьба с браконьерством и контрабандой редких видов животных и растений на Дальнем Востоке России (2009–2014 гг.) : монография. Владивосток : Апельсин, 2015. 90 с.
5. Прохоров Л. А., Максимов А. М. Криминализация контрабанды птиц и животных, в отношении которых действуют специальные международные и национальные ограничения в обращении // Российский следователь. 2012. № 4. С. 19–21.
6. Рогатых Л. Ф. Уголовно наказуемая контрабанда. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2005. 140 с.
7. Розумань И. В. Уголовная ответственность за контрабанду : По материалам Сибирского федерального округа : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Омск, 2005. 23 с.
8. Скачко А. В. Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей : стратегические направления уголовно-правовой политики противодействия им в современной России : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017. 43 с.
9. Талан М. В. Виды контрабанды // Учёные записки Казанского университета. 2015. Т. 157, №. 6. С. 250–255.

References

1. Artamonova M.S. *Correlation of environmental crimes and administrative offenses in the field of environmental protection* [dissertation]. Krasnodar; 2013. (In Russ.)
2. Bondarenko K.V. Responsibility for smuggling. *Zakon i pravo* [Law and Right]. 2004;(3):75-78. (In Russ.)
3. Gusarenko D.M. *Criminalization of encroachments on especially valuable species of wild animals* [dissertation]. Khabarovsk; 2020. (In Russ.)
4. Lyapustin S.N., Fomenko P.V. *Illicit trafficking and combating poaching and smuggling of rare animal and plant species in the Russian Far East (2009-2014)*. Vladivostok: Apelsin; 2015. (In Russ.)
5. Prokhorov L.A., Maksimov A.M. Criminalization of smuggling of birds and animals subject to special international and national restrictions in circulation. *Rossiiskij sledovatel'* [Russian Investigator]. 2012;(4):19-21. (In Russ.)
6. Rogatykh L.F. *Criminalized smuggling*. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation Publ.; 2005. (In Russ.)
7. Rozuman I.V. *Criminal responsibility for smuggling. On the materials of the Siberian Federal District* [dissertation abstract]. Omsk; 2005. 23 s. (In Russ.)
8. Skachko A.V. *Smuggling and evasion of customs payments: strategic directions of criminal-legal policy to counter them in modern Russia* [dissertation abstract]. Krasnodar; 2017. (In Russ.)
9. Talan M.V. Types of smuggling. *Uchënye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University]. 2015;157(6):250-255. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 13.07.2021.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Татьяна Юрьевна Строганова

*Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия
tsty@yandex.ru, SPIN-код: 3424-0531, Author ID: 960055*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы о необходимости применения условия, находящегося в специальном правиле назначения наказания, предусмотренном ч. 2 ст. 62 Уголовного кодекса РФ, которое указывает на отсутствие отягчающих обстоятельств при определении размера наказания. Автором проанализирована российская судебная практика и изложены подходы, используемые судами при назначении наказания в случае наличия заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве, выполнения его условий и обязательств лицом, совершившим преступление, и отягчающих обстоятельств в уголовном деле. Обращается внимание на имеющееся противоречие уголовного и уголовно-процессуального законодательства в вопросе об исследовании отягчающих обстоятельств при назначении наказания. Обосновывается важность применения требований общих начал назначения наказания при использовании специальных правил, предусмотренных ч. 2 ст. 62 Уголовного кодекса РФ. В статье приведены точки зрения ученых, которые проводили анализ спорных вопросов, возникающих при применении судами специального правила назначения наказания в случае выполнения условий и обязательств заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве. Проведенное исследование позволило автору сделать вывод о целесообразности исключения положения, указывающего на отсутствие отягчающих обстоятельств, из ч. 2 ст. 62 Уголовного кодекса РФ, что в дальнейшем обеспечит большую эффективность в достижении целей введения данного института в действие.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, отягчающие обстоятельства, общественная опасность, назначение наказания, общие начала назначения наказания

Для цитирования: Строганова Т. Ю. Уголовно-правовое значение отягчающих обстоятельств при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 73–78.

Original article

CRIMINAL-LEGAL SIGNIFICANCE OF AGGRAVATING CIRCUMSTANCES IN THE CONCLUSION OF A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Tatyana Yu. Stroganova

*Urals State Law University, Yekaterinburg, Russia,
tsty@yandex.ru, SPIN-код: 3424-0531, Author ID: 960055*

Abstract. The article considers the issues of the need to apply the condition contained in the special rule of sentencing provided for in Part 2 of Article 62 of the Criminal Code of the Russian Federation, which indicates the absence of aggravating circumstances when determining the amount of punishment. The author analyzes the Russian judicial practice and describes the approaches used by courts when imposing punishment in the case of a concluded pre-trial cooperation agreement, the fulfillment of its conditions and obligations by the person who committed the crime, and aggravating circumstances in a criminal case. Attention is drawn to the existing contradiction of the criminal and criminal procedure

legislation in the issue of the study of aggravating circumstances in the imposition of punishment. The importance of applying the requirements of the general principles of sentencing when using special rules provided for in Part 2 of Article 62 of the Criminal Code of the Russian Federation is justified. The article presents the points of view of scientists who analyzed controversial issues that arise when courts apply a special rule for assigning penalties in case of fulfillment of the conditions and obligations of the concluded pre-trial cooperation agreement. The conducted research allowed the author to conclude that it is advisable to exclude the provision indicating the absence of aggravating circumstances from Part 2 of Article 62 of the Criminal Code of the Russian Federation, which will further ensure greater efficiency in achieving the goals of introducing this institution into effect.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, aggravating circumstances, social danger, sentencing, general principles of sentencing

For citation: Stroganova T.Yu. Criminal-Legal Significance of Aggravating Circumstances in the Conclusion of a Pre-Trial Cooperation Agreement. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):73-78. (In Russ.)

Введение

При определении размера наказания, назначаемого осужденному, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, существенное значение имеют обстоятельства, которые блокируют применение правила, предусмотренного ч. 2 ст. 62 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Такие обстоятельства можно назвать отрицательно влияющими на применение специальных правил назначения наказания. На основании ч. 2 ст. 62 УК РФ к одним из таких отрицательно влияющих на применение специальных правил назначения наказания обстоятельств, на наш взгляд, следует отнести отягчающие обстоятельства.

Описание исследования

Отягчающие обстоятельства предусмотрены в ст. 63 УК РФ. Указанный в данной норме перечень обстоятельств является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Учитывая изложенное, обстоятельства, отягчающие наказание, в приговоре должны быть указаны таким образом, как они предусмотрены в уголовном законе¹. Являясь средством индивидуализации наказания, отягчающие обстоятельства оказывают суду помощь в уточнении объема ответственности виновного. Как правило, наличие таких обстоятельств свидетельствует о большей степени общественной опасности преступления и (или) личности самого виновного. По мнению законодателя, при положительном постпреступном поведении виновного, которое заключается в выполнении

обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве, наличие отягчающих обстоятельств будет нарушать принципы законности и справедливости при назначении наказания за совершенное преступление. Поэтому в качестве обязательного обстоятельства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве выступает отсутствие отягчающих обстоятельств. Выполнение данного условия осложнено тем, что говорить о наличии либо отсутствии отягчающих обстоятельств можно лишь тогда, когда известны все предусмотренные законом признаки состава преступления, установлено наличие основания уголовной ответственности, дана полная и правильная квалификация совершенного деяния. В результате лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, рискует тем, что в судебном заседании могут быть выявлены отягчающие обстоятельства, которые не были установлены на досудебной стадии расследования преступления. В подобном случае уголовное дело необходимо рассматривать в общем порядке без учета правил ч. 2 ст. 62 УК РФ.

Одним из наиболее проблемных вопросов при реализации ч. 2 ст. 62 УК РФ является то, что применение данной нормы возможно в случаях, когда отягчающие обстоятельства являются обязательными или квалифицирующими признаками отдельных составов преступлений, например, совершение преступления в составе организованной группы. Ситуация меняется, когда в составе преступления отсутствует такой квалифицирующий признак, и применение указанной нормы оказывается невозможным. В данном случае остается неясным, чем руководствовался законодатель, когда в ч. 2 ст. 62 УК РФ указал такое обязательное основание, как «отсутствие отягчающих обстоятельств» и одновременно установил такие основные цели, которые необходимо достигнуть, реализуя нормы

¹ Абз. 3 п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8470/> (дата обращения: 20.03.2021).

института досудебного соглашения о сотрудничестве, как «борьба с организованной преступностью, эффективность в раскрытии и расследовании наиболее опасных преступлений, совершенных участниками преступных сообществ, организованных бандформирований»¹.

Статистика показывает, что достаточно большое количество преступлений в России совершается в соучастии. В настоящее время заметен рост преступлений, совершенных организованной группой. Так, в 2016 г. 85 216 преступлений совершено группой лиц по предварительному сговору, 12 581 — организованной группой или преступным сообществом. В 2017 г. 80 335 преступлений совершено группой лиц по предварительному сговору, 13 232 — организованной группой или преступным сообществом. В 2018 г. 79 109 преступлений совершено группой лиц по предварительному сговору, 15 628 — организованной группой или преступным сообществом. В 2019 г. 75 527 преступлений совершено группой лиц по предварительному сговору, 16 290 — организованной группой или преступным сообществом. В 2020 г. 71 460 преступлений совершено группой лиц по предварительному сговору, 17 724 — организованной группой или преступным сообществом². В основном зарегистрированные преступления — это тяжкие и особо тяжкие преступления, где такой признак, как «группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа», является квалифицирующим. Однако не исключены случаи, когда статья Особенной части УК РФ не содержит квалифицирующий признак, по которому инкриминируется преступное деяние лица. В таком случае данный признак в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ признается отягчающим обстоятельством и тогда применение ч. 2 ст. 62 УК РФ исключено.

Волеизъявление законодателя о включении требования об отсутствии обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, в правило ч. 2 ст. 62 УК РФ в юридической литературе подверглось основательной критике. Так, А. Стопова, В. Тюнин предположили, что «судебная практика пойдет по пути игнорирования этого обстоятельства, исходя из потребностей

¹ Стенограмма 246-го заседания Сов. Федерации РФ. Федеральное Собрание РФ. Исх. Ст-246 от 29 апреля 2009 г.; Стенограмма 249-го заседания Сов. Федерации РФ. Федеральное Собрание РФ. Исх. Ст-249 от 17 июня 2009 г.

² Состояние преступности в России январь — декабрь 2010–2020 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 20.03.2021).

раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в соучастии» [8, с. 123]. В судебной практике до настоящего времени не сложилось единообразного подхода в толковании порядка назначения наказания по правилам ч. 2 ст. 62 УК РФ в случае наличия отягчающих обстоятельств в уголовном деле. Проведенное нами исследование позволило выделить три подхода, применяемых судами при назначении наказания при наличии отягчающих обстоятельств и исполнении обвиняемым досудебного соглашения.

Первый подход заключается в том, что наказание назначается по правилам ч. 2 ст. 62 УК РФ, и одновременным учетом имеющихся в уголовном деле отягчающих обстоятельств. Так, суды Красноярского края, удостоверившись в соблюдении условий и выполнении обязательств заключенных досудебных соглашений о сотрудничестве, назначали наказание по ч. 2, ч. 4 ст. 62 УК. Ими учитывались следующие отягчающие обстоятельства: рецидив преступлений, совершение преступления в группе лиц по предварительному сговору, особо опасный рецидив³. Некоторые суды Московской области, в частности, Домодедовский городской суд, установив рецидив преступлений, тем не менее, при назначении наказания необоснованно сослался на положения ст. 62 УК РФ⁴. Данный подход, с нашей точки зрения является неприемлемым и противоречащим уголовному закону, поскольку применение ч. 2 ст. 62 УК РФ возможно в случаях, когда не установлено отягчающих обстоятельств.

Второй подход состоит в том, что суд учитывает заключенное досудебное соглашение о сотрудничестве и отягчающие обстоятельства, имеющиеся в уголовном деле, при этом исключает назначение наказания согласно ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ, ч. 2 ст. 62 УК РФ, и назначает его с учетом ст. 64 УК РФ либо ст. 73 УК РФ. Например, по уголовному делу, рассмотренному Свердловским областным судом, З. осужден по ч. 2 ст. 210, п. «а» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ

³ Справка по результатам обобщения практики применения судами Красноярского края норм главы 40.1 УПК РФ об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в 2010 г. и первом полугодии 2011 г. // Красноярский краевой суд : [сайт]. URL: http://kraevoy.krk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=151 (дата обращения: 20.03.2021).

⁴ Обобщение по результатам изучения практики применения судами Московской области норм главы 40.1 УПК РФ об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве за 2010 г. и первое полугодие 2011 г. // Московский областной суд : [сайт]. URL: <https://www.mosoblsud.ru/> (дата обращения: 21.06.2021).

к 7 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима. Суд признал в его действиях наличие особо опасного рецидива преступлений, что исключает назначение наказания в соответствии с ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ, ч. 2 ст. 62 УК РФ. З. заключил досудебное соглашение. Уголовное дело было выделено в отдельное производство и судебное заседание проходило в особом порядке. Суд учел факт заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и назначил З., ранее судимому за разбой, наказание с учетом ч. 3 ст. 68 УК РФ и ст. 64 УК РФ¹. Такая позиция представляется достаточно спорной, поскольку суд, применяя ст. 64 УК РФ, должен установить исключительные обстоятельства и аргументировать их учет в качестве таковых, чего судом сделано не было.

Третий подход выражается в том, что суд, учитывая наличие отягчающих обстоятельств и выполнение условий досудебного соглашения о сотрудничестве, проводит судебное заседание по уголовному делу в общем порядке, назначая наказание с учетом смягчающих обстоятельств в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ. Например, по уголовному делу, в отношении С., обвиняемого в совершении 13 преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и 11 преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, суд установил, что подсудимым С. были выполнены в полном объеме все требования заключенного с ним досудебного соглашения. Сотрудничество с С. имело важное значение для раскрытия и расследования целого ряда преступлений, формирования совокупности относимых, допустимых и достоверных доказательств, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступлений. При назначении наказания суд учел все обстоятельства, предусмотренные п. «и» ч. 2 ст. 61 УК РФ, кроме розыска имущества, добытого преступным путем, а также наличие у осужденного малолетних детей. Отягчающим наказанием обстоятельством суд признал рецидив преступлений и не применил ч. 1 и 2 ст. 62, 64 и 73 УК РФ. В итоге суд рассмотрел дело в общем порядке, назначив С. наказание с учетом смягчающих обстоятельств в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ². Обобщая сказанное,

¹ Приговор Свердловского областного суда от 21 декабря 2010 по уголовному делу № 2-118/2010 // Архив Свердловского областного суда : [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-sverdlovskii-oblastnoi-sud-sverdlovskaja-oblast/> (дата обращения: 20.06.2021).

² Приговор Городецкого городского суда Нижегородской области от 19 ноября 2015 г. по уголовному делу № 1-265/2015 // Росправосудие : [сайт]. URL:

думается, что такая позиция судебных органов логична и не противоречит правилам назначения наказания, предусмотренным УК РФ.

Вместе с тем стоит отметить некоторое противоречие между уголовными и уголовно-процессуальными нормами по вопросу о значении отягчающих обстоятельств для назначения, назначенного при выполнении условий и обязательств досудебного соглашения. Исходя из п. 5 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ при проведении судебного заседания в особом порядке включено условие об обязательном исследовании отягчающих обстоятельств по уголовному делу, что, как нам представляется, означает применение ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ при их наличии. Причем в этой же норме имеется ссылка на использование правила, указанного в ч. 2 ст. 62 УК РФ, в котором законодатель в качестве обязательного условия предусмотрел отсутствие отягчающих обстоятельств. Для решения указанной проблемы А. В. Смирнов предлагает «внести изменение в ч. 2 ст. 62 УК РФ по аналогии с ч. 4 ст. 65 УК РФ. Тогда в случае вынесения приговора с учетом исполненного обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве отягчающие наказание обстоятельства судом учитываться не будут» [7, с. 9].

Данная позиция представляется достаточно спорной, поскольку такое условие противоречит требованиям общих начал назначения наказания. Так, согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания суд обязательно должен учитывать имеющиеся смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства. Необходимость учета общих начал для определения справедливого наказания подчеркивается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». В частности, суд утверждает, что при назначении наказания судам наряду с характером и степенью общественной опасности преступления, данными о личности виновного, обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание, также надлежит учитывать влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи, при этом могут быть приняты во внимание и фактические семейные отношения³. Здесь нужно отметить, что

<https://rospravosudie.com/court-gorodeckij-gorodskoj-sud-nizhegorodskaya-oblast-s/act-500149227/> (дата обращения: 01.04.2021).

³ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8470/> (дата обращения: 20.03.2021).

часть 2, ч. 4 ст. 62 УК РФ, как и ч. 4 ст. 65 УК РФ, являются специальными правилами и входят в единую систему назначения наказания вместе с общими началами назначения наказания. По мнению З. М. Салихова, общие начала выступают в качестве базовых законодательных предписаний, имеющих универсальное значение, и в то же время они выполняют функцию своего рода технических правил, т. е. определяют «технику» наложения общенормативных положений на каждый конкретный случай назначения наказания. «Общие начала не определяют сами по себе основания назначения наказания и его индивидуализации, они лишь указывают суду, какие обстоятельства должны быть приняты во внимание при этом» [6, с. 185]. Г. К. Буранов и Л. Р. Валеева полагают, что «общие начала назначения наказания первичны по отношению к его специальным правилам. Изменение первых с неизбежностью повлечет перестройку всей структуры последних. Изменение последних строго ограничено пределами ст. 60 УК РФ. Если конкретное правило противоречит общим началам назначения наказания, оно должно быть исключено» [1, с. 262]. Таким образом, специальные правила назначения наказания не должны противоречить общим, они должны конкретизировать положения общих правил назначения наказания, а не исключать их. Поэтому считаем верным мнение Д. С. Дядькина о том, что «ч. 4 ст. 65 УК РФ нарушает общее начало назначения наказания путем отказа от учета обстоятельств, отягчающих наказание, которые объективно имеют место и влияют на общественную опасность преступного поведения» [3, с. 332].

А. Стовпова, В. Тюнин считают необходимым «предусмотреть перечень обстоятельств, которые будут препятствовать заключению досудебного соглашения о сотрудничестве» [8, с. 123]. С. А. Медведко говорит о целесообразности не учитывать такое отягчающее обстоятельство как рецидив, поскольку в большинстве случаев досудебное соглашение заключают лица, приближенные к главарям преступных группировок, причем, неоднократно судимые за тяжкие и особо тяжкие преступления. Указанные лица, несомненно, являются носителями ценной информации для следствия, имеющей огромное значение для обеспечения полного раскрытия совершенных организованной группой преступлений [5, с. 32].

Представляется более правильной позиция большинства исследователей, в частности Д. П. Великого [2, с. 86], В. Н. Курченко [4, с. 18–19], М. А. Хлыбова [9, с. 85–86], предлагающих «исключить из ч. 2 ст. 62 УК РФ такое

условие, как «отсутствие отягчающих обстоятельств», поскольку оно препятствует применению гл. 40.1 УПК РФ». Данное решение более всего соответствует целям введения института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы, предусмотренные законодателем, поскольку наличие отягчающих обстоятельств суд в любом случае должен учитывать согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ.

Обратим внимание, что правила, указанные в ч. 2 ст. 62 УК РФ, могут применяться только тогда, когда пожизненное лишение свободы или смертная казнь отсутствуют в санкции статьи Особенной части УК РФ. Напротив, если указанные виды наказания перечислены в статье Особенной части УК РФ, то применяется положение ч. 4 ст. 62 УК РФ, в котором законодательно не закреплено такое условие, как «отсутствие отягчающих обстоятельств». В настоящее время Верховным Судом РФ по этому вопросу даны четкие разъяснения. Правила назначения наказания, установленные ч. 4 ст. 62 УК РФ, применяются и при наличии обстоятельств, отягчающих наказание¹. По нашему убеждению, указанное утверждение Верховного Суда РФ можно объяснить необходимостью соблюдения целевой направленности, указанной законодателем при создании данного института. Кроме того, в гл. 40.1 УПК РФ об условии «отсутствие отягчающих обстоятельств» не упоминается, более того, п. 4 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ предусматривает проведение судебного заседания, в процессе которого суд обязан исследовать обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Отсюда следует, что наличие или отсутствие отягчающих обстоятельств не создает преграду для определения наказания судом по правилам ч. 4 ст. 62 УК РФ. В свете сказанного считаем целесообразным внести изменения в ч. 2 ст. 62 УК РФ, исключив из нее словосочетание «отсутствие отягчающих обстоятельств».

Заключение

Таким образом, полагаем, что наличие противоречий между целями создания института досудебного соглашения о сотрудничестве и нормами уголовного закона, между нормами уголовного закона и уголовно-процессуального закона, а также отсутствие рекомендаций

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8470/> (дата обращения: 20.03.2021).

Верховного Суда РФ по устранению данных противоречий проводят к тому, что в правоприменительной практике уголовно-правовые обстоятельства заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, влияющие на применение специальных правил назначения наказания судами нередко игнорируются. Устранение данных правовых пробелов и противоречий обеспечит единообразное и правильное применение уголовных и уголовно-процессуальных норм, относящихся к исследуемому нами институту.

Список источников

1. Буранов Г. К., Валеева Л. Р. Функционирование специальных правил назначения наказания // Наука и современность. 2011. Вып. № 12-3. С. 259–266.
2. Великий Д. П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 84–90.
3. Дядькин Д. С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. 508 с.
4. Курченко В. Н. Ошибки при рассмотрении уголовных дел в случае наличия досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2012. № 3. С. 10–19.
5. Медведко С. А. Проблемы применения норм, регулирующих досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков // Наркоконтроль. 2011. № 4. С. 30–33.
6. Салихов З. М. Индивидуализация наказания при его назначении судом по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. 212 с.
7. Смирнов А. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 5–14.
8. Стопова А., Тюнин В. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве на предварительном следствии // Уголовное право. 2012. № 1. С. 118–123.
9. Хлыбов М. А. Юридическая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве // Проблемы применения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам : материалы межрегион. науч.-практ. семинара (4 февраля 2010 г.) ; отв. ред. З. З. Зинатуллин. Ижевск, 2010. С. 85–86.

References

1. Buranov G.K., Valeeva L.R. Functioning of special rules of assignment of punishment. *Nauka i sovremennost* [Science and Modernity]. 2011;(12-3):259-266. (In Russ.)
2. Velikiy D.P. Pre-trial agreement on cooperation in the Russian criminal process. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2010;(2):84-90. (In Russ.)
3. Dyadkin D.S. *Theoretical bases of assignment of criminal punishment: algorithmic approach*. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentri Press; 2006. (In Russ.)
4. Kurchenko V.N. Mistakes in the consideration of criminal cases in the case of a pre-trial agreement on cooperation. *Ugolovnyj process* [Criminal Procedure]. 2012;(3):10-19. (In Russ.)
5. Medvedko S.A. Problems of application of norms governing the pre-trial agreement on cooperation in criminal cases of illicit drug trafficking. *Narkokontrol* [Narcocontrol]. 2011;(4):30-33. (In Russ.)
6. Salikhov Z.M. *Individualization of punishment at its assignment by the court under the Russian criminal law* [dissertation]. Kazan: Kazan State University; 2002. (In Russ.)
7. Smirnov A.V. Special order of making a judicial decision at the conclusion of a pre-trial agreement on cooperation. *Ugolovnyj process* [Criminal process]. 2009;(10):5-14. (In Russ.)
8. Stovpova A., Tyunin V. Criminal Law and Criminal Procedural Aspects of Pre-trial Cooperation Agreement at the Pre-trial Investigation. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. 2012;(1):118-123. (In Russ.)
9. Hlybov M.A. The legal nature of the institute of pre-trial cooperation agreement. In: Zinatullin Z.Z. editor. *Problems of pre-trial cooperation agreement in criminal cases*. Proceedings of the Interregional Scientific and Practical Seminar; 2010 Feb 4. Izhevsk; 2010:85-86. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 24.06.2021.

ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОЯВЛЕНИЯ НАЦИЗМА

Ксения Владимировна Шевелева¹, Виолетта Вячеславовна Проценко²

^{1,2}Институт комплексной безопасности и специального приборостроения
МИРЭА — Российский технологический университет, Москва, Россия

¹sheveleva@mirea.ru, SPIN-код: 1050-7790, Author ID: 1092415

²protsenkoviioletta@mail.ru

Аннотация. В современном мире проблема проявлений нацизма в обществе становится актуальной, так как после распада Советского Союза участились случаи посягательств на итоги Второй мировой войны, выражающиеся в умалении подвига советских солдат в победе над фашистской армией, случаи публичного оправдания нацистских преступников в целях реабилитации идеологий нацизма и фашизма. И так как деяния, направленные на оправдание и пропаганду нацизма, совершаются все чаще в условиях глобализации, законодатель включает в Уголовный кодекс РФ статью 354¹ «Реабилитация нацизма» 05 мая 2014. В научной статье, авторами проведен комплексный анализ уголовно-правовой нормы, связанной с реабилитацией нацизма. Авторами рассматриваются основные проблемы регламентации статьи 354¹ в уголовном законодательстве, такие как: использование некорректных формулировок, отсутствие в тексте нормы цели совершения деяний, направленных на реабилитацию нацизма, несоответствие объекта преступления, а также обусловленность включения ч. 3 в исследуемую статью. Сделан вывод о том, что, в настоящее время, существуют определенные пробелы в уголовном законодательстве относительно нормы о реабилитации нацизма, что в свою очередь порождает правовые коллизии и затрудняет применение статьи 354¹ на практике.

Ключевые слова: реабилитация, нацизм, сохранение исторической памяти и недопущение фальсификации истории, связанной с Второй мировой войной, пробелы законодательства

Для цитирования: Шевелева К. В., Проценко В. В. Проблемы регламентация уголовной ответственности за проявления нацизма // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 79–83.

Original article

PROBLEMS OF REGULATING CRIMINAL LIABILITY FOR THE MANIFESTATION OF NAZISM

Kseniya V. Sheveleva¹, Violetta V. Protsenko²

^{1,2}Institute of Complex Security and Special Instrumentation
MIREA — Russian University of Technology, Moscow, Russia

¹sheveleva@mirea.ru, SPIN-код: 1050-7790, Author ID: 1092415

²protsenkoviioletta@mail.ru

Abstract. After the collapse of the Soviet Union, cases of infringement upon the results of World War II became more frequent and the problem of manifestations of Nazism in society in the modern world becomes relevant, which is expressed in diminishing the feat of Soviet soldiers in defeating the fascist army, as well as in cases of public justification of Nazi criminals in order to rehabilitate the ideologies of Nazism and Fascism. And since in the context of globalization, acts aimed at justifying and propagating Nazism are being increasingly committed, on May 5, 2014, the legislator included article 354¹ on “Rehabilitation of Nazism” in the Criminal Code of the Russian Federation. In a scientific article, the authors conducted a comprehensive analysis of the criminal law norm related to the rehabilitation of Nazism. The authors consider the main problems of regulating article 354¹

in criminal law, such as the use of incorrect wording, the absence in the text of the norm of the purpose of committing acts aimed at rehabilitating Nazism, the inconsistency of the object of the crime, as well as the conditionality of including part 3 in the article under study. It was concluded that there were currently some gaps in criminal legislation regarding the rule of rehabilitation of Nazism, which in turn created legal conflicts and made it difficult to apply article 354¹ in practice.

Keywords: rehabilitation, Nazism, preservation of historical memory and prevention of falsification of history related to the Second World War, gaps in legislation

For citation: Sheveleva K.V., Protsenko V.V. Problems of Regulating Criminal Liability for the Manifestation of Nazism. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):79-83. (In Russ.)

Введение

К самому масштабному событию XX века, бесспорно, относится Вторая мировая война, которая охватила 61 государство с населением 1,7 миллиарда человек. По различным оценкам ученых — количество смертей составило около 80 миллионов человек. Наибольшие потери среди населения понес Советский Союз, но так как угроза порабощения и истребления сплотила советский народ, именно ей удалось дать отпор гитлеровской армии. Однако цена победы СССР неочевидна, поскольку «на полях сражений, в концлагерях, на оккупированных территориях, в блокадном Ленинграде, в тылу погибло около 30 млн советских людей. Была уничтожена треть национального богатства страны; разрушено 1710 городов, более 70 тыс. деревень и сел, уничтожено огромное количество заводов, фабрик, шахт, многие километры железнодорожных путей; сократилась доля мужского населения страны» [1]. В данном контексте одной из ключевых задач государства является противостояние пересмотру итогов Второй мировой войны и роли Советского Союза в победе над Третьим Рейхом. Она выражается, в том числе, и в издании нормативно-правовых актов, направленных на охрану мира и безопасности человечества, в том числе и уголовно-правовую.

Методы исследования

Для достижения цели исследования использовались современные методы познания явлений и процессов, такие как: общенаучные (диалектический, системно-структурный, сравнительно-правовой), частные (формально-юридический, описательно-аналитический).

Использование перечисленных методов позволило выявить закономерности становления и развития уголовно-правовой нормы, регламентирующей ответственность за проявления нацизма, сформулировать умозаключения относительно ее необходимости и эффективности, а также обозначить направления дальнейшего совершенствования изученной законодательной нормы.

Описание и результаты исследования

Проявления нацизма, в современном мире, совершаются все чаще в условиях глобализации, что оправдывает включение в Уголовный кодекс РФ статьи 354¹ «Реабилитация нацизма» Федеральным законом от 05 мая 2014 г. № 128-ФЗ. Отметим тот факт, что внесение такого рода нормы ранее не наблюдалось ни в одном из кодифицированных актов СССР и РСФСР.

Нарушение закона, запрещающего героизировать нацизм, распространять недостоверные сведения о деятельности СССР в военное и послевоенное время, а также ряд деяний, совершенных с целью выразить явное неуважение к общественной памяти нашло свое выражение в объективной стороне рассматриваемого преступления, которая, в настоящее время, отражается следующим образом:

1. Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, совершенное публично;
2. Одобрение преступлений, установленных указанным приговором;
3. Распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенное публично;
4. Распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества;
5. Публичное унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны;
6. Осквернение символов воинской славы России¹.

Исследуемые деяния неоднократно подвергались изменениям со стороны законодателя, что говорит о недоработке окончательной редакции статьи. С момента ее введения в УК РФ расширены квалифицирующие признаки,

¹ Уголовный кодекс РФ : от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

а также условия привлечения к уголовной ответственности по данной статье. Отдельно отметим, что значительно ужесточена мера наказания за совершение преступлений, связанных с реабилитацией нацизма.

Как видится, вопрос регламентации данной нормы не исчерпал себя. Е. В. Червонных в своем исследовании указывает на то, что «в связи с тем, что реабилитация нацизма как самостоятельный состав преступления возник не так давно, имеются проблемы с теоретическим толкованием понятий, используемых в правовой норме, а равно и с ее применением в практической деятельности правоохранительных органов, по причине отсутствия обширной судебной практики» [6, с. 22]. В свою очередь, малозначительная складывающаяся судебная практика не всегда верно отражает юридический смысл нормы о реабилитации нацизма.

Анализ судебной практики по преступлениям, предусмотренным статьей 354¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, демонстрирует, что деяния в рамках данной нормы осуществляются лицами с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть «Интернет», и заключаются в опубликовании, как правило, в социальных сетях текстов, фотографий, и информации о деятельности нацистских преступников. Преступной такая информация становится, если смыслом опубликованного материала становится именно оправдание и героизация самих нацистов и их действий. Вопрос о том, какой характер носит информация, размещаемая обвиняемыми, решается с помощью проведения судебных экспертиз (исторической, историко-психолого-лингвистической, психолого-лингвистической). Как показывает судебная практика по ст. 354¹ УК РФ именно процесс доказывания характера и цели опубликованных материалов становится для государства трудновыполнимой задачей.

Столь малозначительная практика вынесения обвинительных приговоров относительно общего количества совершенных деяний, выявленных в рамках доследственной проверки, или, непосредственно предварительного расследования, связана и с не до конца проработанными формулировками статьи. Начнем с названия статьи: УК РФ Статья 354¹ Реабилитация нацизма. На наш взгляд, использование термина «реабилитация» в контексте данной нормы не соответствует его сущности. В уголовно-процессуальном законодательстве под правом на реабилитацию понимается право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда

и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах, о чем сказано в ч. 1 ст. 133 УПК РФ¹. Законодатель определяет реабилитацию, как действие с положительной окраской, выделяя восстановление в правах, как основное действие, определяющее сущность данного понятия. В дополнении к этому Уголовно-процессуальный кодекс РФ, в статье 134 указывает: «право на реабилитацию признаётся судом при вынесении приговора, определения, постановления, а также следователем или дознавателем». Под этим понимается, что лицо, отрицающее факты, определенные трибуналом, не может совершать реабилитацию [4, с. 122].

Обратимся к содержанию понятия «Реабилитация». Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, под реабилитацией понимается «восстановление в правах, устранение последствий чего-либо»². Как видится, и в данном контексте, определение не раскрывает тот смысл, который заложен законодателем в данную уголовно-правовую норму.

Сложно сказать, что данный термин абсолютно не подходит по смыслу данной нормы, однако на наш взгляд для более четкого понимания можно было бы опереться на название статьи 205². Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма и применить это к статье 354¹, используя при этом термины «оправдание» или «пропаганда», а также основываясь на зарубежной практике допустимо использование термина «возрождение», как, например, указано в Уголовном кодексе Германии.

Далее, рассматривая терминологию, употребляемую в статье, возникает вопрос о значении понятия «нацизм», которое в настоящее время, не определено ни в одном из ныне действующих нормативно-правовых актов РФ. Говоря о «нацизме», невозможно его отделять по смыслу с термином «фашизм», так как обе идеологии стали господствующими в период Второй Мировой войны. Отсюда образуется следующий пробел законодателя: почему в статье упоминается только реабилитация «нацизма», а «фашизм» не упоминается вовсе, хотя преступления их представителей против мира и человечества равнозначны. В этой связи предлагаем итоговый вариант названия статьи представить следующим образом:

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² Толковый словарь С. И. Ожегова // Толковый словарь С. И. Ожегова : [сайт]. URL: <https://ozhegov.ru> (дата обращения: 13.01.2021).

«Публичное оправдание нацизма, фашизма». Конечно, необходимо и законодательно закрепить определения «нацизма» и «фашизма». Так, специалисты Российской академии наук определяют фашизм как «идеологию и практику, утверждающих превосходство и исключительность определенной нации или расы и направленных на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов, отрицание демократии, установление культа вождя, применение насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия, оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем»¹. Представленное определение удачно раскрывает суть термина и нуждается в своем нормативном закреплении. Что касается понятия «нацизма», его определение не разработано в настоящее время, и, по нашему мнению, данный пробел необходимо устранить, так как у подобного рода не может быть никаких компромиссных названий и двойных интерпретаций.

Трудно доказуемость связана не только с неточностями формулировок, используемых в статье, но и с отсутствием в тексте нормы непосредственной цели, которую преследует виновный, совершивший преступление, что также вызывает неоднозначные вопросы у правоприменителей. Не всегда распространение заведомо ложной информации о деятельности СССР в годы Второй мировой войны имеет своей целью «реабилитацию» нацизма [3, с. 48]. Рассмотрение данного вопроса зачастую связано с научными трудами исследователей и ученых, которые на основе различных данных, делают не всегда положительные выводы в сторону деятельности СССР в годы Второй мировой войны, например, многие отечественные историки в своих опубликованных научных трудах критикуют действия советского руководства в тот период.

Сюда же необходимо включить и творческие проекты (например, фильмы или видеоролики о Второй мировой войне), художественный смысл которых позволяет добавлять в их содержание некоторые неправдивые события того времени, где зачастую (как правило, в кинофильмах, выпущенных на экране на Западе), принижается роль советских солдат в победе над армией Гитлера.

Исключение научной и художественной деятельности из списка действий, попадающих под уголовную ответственность обсуждалось

¹ Российская академия наук // Форум портала : [сайт]. URL: <http://www.ras.ru/CSearchResults.aspx?SearchString=фашизм+это> // (дата обращения: 22.04.2021).

только «на словах», указанных в пояснительной записке к принятому в 2014 году законопроекту, но по причине того, что данный вид официальных документов не является источником права, ссылаться на это не представляется возможным. По нашему мнению, необходимо в примечании к статье 354¹ УК РФ указать, какие конкретные действия не попадают под уголовно-правовую норму.

Еще одним дискуссионным вопросом, связанным с введением данной нормы в уголовное законодательство, стал вопрос о ее расположении в 34 главе УК РФ, именуемой «Преступления против мира и безопасности человечества». Такие преступления, как разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения, применение запрещенных средств и методов ведения войны, геноцид, наемничество, публичные призывы к развязыванию агрессивной войны и иные преступления, предусмотренные 34 главой, которые действительно вызывают озабоченность международного сообщества ставятся наряду с реабилитацией нацизма [2].

На наш взгляд, целесообразно перенести указанную статью в главу 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Таким образом, видовой объект преступления можно будет определить, как преступления против общественной нравственности, поскольку посягают исследуемые деяния, в первую очередь, на достаточно новый объект — историческую память населения, которая «покоится на системе норм и правил, идей, обычаев представлений о долге и зле, долге и чести, господствующей в соответствующем обществе» [5].

Сомнение вызывает и целесообразность введения в ст. 354¹ УК РФ части 3, так как в норме не конкретизируются исторические периоды, попадающие под распространение сведений, выражающих явное неуважение к обществу о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а также не раскрыто понятие «символы воинской славы», осквернение которых, в свою очередь, повлечет уголовную ответственность. Следовательно, возникает вопрос, идет ли речь лишь о «Нюрнбергском наследии», либо данная статья охватывает наиболее широкую сферу общественных отношений?

Заключение

В связи с вышеизложенным, делаем вывод о том, что на данный момент, несмотря на внесенные изменения в статью 354¹ «Реабилитация нацизма», существуют некоторые

пробелы в российском законодательстве, что не позволяет корректно использовать данную норму на практике. На наш взгляд принятие отдельных нормативно-правовых актов, дополняющих или конкретизирующих данную норму, позволит исправить трудности в регламентации исследуемой уголовно-правовой нормы.

Список источников

1. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 : Краткая история. Москва : Воениздат, 1984.
2. Гадьян А. С. Реабилитация нацизма: нужна ли новая уголовно-правовая норма? / О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции : сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (Челябинск, 3 июля 2015 г.) : ред. Р. Г. Апсаламов [и др.]. Вып. 2. Челябинск : Инновационный центр развития образования и науки, 2015. С. 43–46.
3. Пестерева Ю. С., Пошелов П. В. К вопросу о юридических дефектах статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2017. Т.14, №3. С. 47–51.
4. Поляков Р. А., Кривенок С. А., Пенкин С. С. Проблемы и возможные коррективы статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 4-5 (44). С. 121–125.
5. Пошелов П. В. Объект преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354.1 УК РФ // Военно-юридический журнал. 2020. №8. С. 12–15.
6. Червонных Е. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьей 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы ее правоприменения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4. С. 21–26.

References

1. *The Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945: A Brief History*. Moscow: Voenizdat; 1984. (In Russ.)
2. Gadyan A.S. Rehabilitation of Nazism: is a new criminal law norm necessary? In Apsalyamov R.G., Bykova A.G., et al, editors. *O nekotoryh voprosah i problemah sovremennoj yurisprudentsii* [On some issues and problems of modern jurisprudence]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference; 2015 July 3; Chelyabinsk. Chelyabinsk: Innovative center for the development of education and science Publ.; 2015;(2):43-46. (In Russ.)
3. Pestereva Yu.S., Poshelov P.V. To a question on legal defects of article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie* [Siberian Legal Review]. 2017;14(3):47-51. (In Russ.)
4. Polyakov R.A., Krivenok S.A., Penkin S.S. Problems and possible corrections of Article 354.1 of the Criminal Code "Rehabilitation of Nazism". *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2020;(4-5):121-125. (In Russ.)
5. Poshelov P.V. The object of the crime under part 3 of article 354.1 of the Criminal Code of the RF. *Voennyuridicheskij zhurnal* [Military-Legal Journal]. 2020;(8):12-15. (In Russ.)
6. Chervonnykh E.V. Criminal and legal characteristics of the crimes under article 354.1 "Rehabilitation of Nazism" of the Criminal Code of the Russian Federation and some problems of its law enforcement. *Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti* [Problems of Law Enforcement]. 2015;(4):21-26. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 10.06.2021.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Научная статья
УДК 343.9

С. 84–88

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ СФЕРЕ

Юрий Александрович Воронин

*Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет) Челябинск, Россия
voroninya@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9941-8316*

Аннотация. Актуальной задачей криминологической науки и практики является анализ основных характеристик, а также состояния и динамики цифровой организованной преступности. В статье констатируется, что одной из самых примечательных особенностей ее развития сегодня выступает использование в цифровой среде (или посредством использования цифровых технологий) специфических приемов и методов, открывающих наиболее широкие возможности прежде всего для транснациональных криминальных сообществ, извлекающих из преступной деятельности баснословные барыши и причиняющих обществу огромный экономический ущерб. Авторы анализируют системообразующие признаки так называемой цифровой транснациональной организованной преступности, а также делают вывод об актуальности в сложившейся ситуации разработки и реализации целевых программ эффективного противодействия ей, подчеркивая, при этом, необходимость активизации межгосударственного сотрудничества в решении этой сложной задачи.

Ключевые слова: тенденции транснациональной организованной преступности, цифровая организованная преступность, использование информационных и телекоммуникационных технологий в преступлениях, компьютерная информация

Для цитирования: Воронин Ю. А. Транснациональная организованная преступность в цифровой сфере // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 84–88.

Original article

TRANSNATIONAL ORGANIZED CRIME IN THE DIGITAL SPHERE

Yuriy A. Voronin

*South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia
voroninya@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9941-8316*

Abstract. The actual task of criminological theory and practice is the analysis of the main characteristics, as well as the state and dynamics of digital organized crime. The article states that one of the most remarkable features of its development today is the use in the digital environment (or through the use of digital technologies) specific techniques and methods that open up the most widest opportunities first of all for transnational criminal communities, that extract fabulous profits from criminal activities and cause huge economic damage to society. The authors analyze the system-forming features of the so-called digital transnational organized crime, and also draw a conclusion about actuality in the current situation of developing and implementing targeted programs to effectively counter it, while emphasizing the need to intensify inter state cooperation in solving the complex problem.

© Воронин Ю. А., 2021

Keywords: trends in transnational organized crime, digital organized crime, using of information and telecommunication technologies in criminality, computer information

For citation: Voronin Yu.A. Transnational Organized Crime in the Digital Sphere. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):84-88. (In Russ.)

Введение

Одной из доминирующих особенностей современной криминогенной среды — как в России, так и в глобальных масштабах — является широкое распространение высокотехнологичной преступности во всех ее проявлениях. В частности, по словам руководителя отдела Следственного Комитета РФ по расследованию киберпреступлений К. Комарда (в его интервью ТАСС), уровень преступности с использованием информационных технологий или в киберпространстве за последние 7 лет (начиная с 2013 г.) вырос в 20 раз и продолжает увеличиваться, демонстрируя все большую агрессивность и, одновременно, высокую латентность¹. Правоохранительные органы в России выявляют в среднем около 10 % преступлений, относящихся к данной категории. Не лучше обстоит дело в США: по данным нью-йоркской киберполиции, раскрываемость киберпреступлений в разные годы составляет в среднем всего лишь 4 %, подтверждая характеристику киберпреступности как высокодоходной и малорискованной криминальной деятельности [2, с. 138].

При этом одним из самых опасных и стремительно развивающихся сегментов высокотехнологичной киберпреступности в мире является транснациональная организованная преступность в сфере информационного пространства, использующая не существовавшие прежде и чрезвычайно эффективные сегодня информационно-цифровые технологии. В ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности достаточно емко и вместе с тем четко раскрывается содержание этого понятия (и явления). В совокупности формализованных признаков оно означает функционирование структурно оформленных групп в составе трех или более лиц, существующих в течение определенного периода времени и действующих согласованно «с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений, или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем, чтобы получить прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду»². Криминологические исследования

убедительно свидетельствуют, что во всем массиве высоко технологичных цифровых преступлений на долю именно организованных групповых форм их совершения — с четкой иерархией, распределением ролей участников и объединяющей их корыстной мотивацией — приходится более 87 %³. Не случайно, многочисленные конкретные примеры из реальной практики убедительно подтверждают, что все более распространенным становится осуществление транснациональной криминальной деятельности организованных преступных сообществ с использованием информационно-цифровых технологий именно в целях получения (упомянутой в Конвенции ООН) материальной выгоды. При этом материальные потери, причиняемые подобным криминальным бизнесом, существенно выше, по сравнению с традиционными разновидностями общеуголовной организованной преступности. Достаточно сказать, что, по некоторым экспертным оценкам, глобальный ущерб от таких преступлений в годовом исчислении составляет около 600 миллиардов долларов при росте на десятки процентов ежегодно [3, с. 1–7].

Описание исследования и обсуждение результатов

Как свидетельствует дальнейший анализ сложившейся ситуации, есть основания констатировать развитие сегодня в криминогенной среде следующей доминирующей тенденции, а именно: информационно-цифровые средства расширяют в первую очередь возможности международных криминальных структур, широко использующих высокие технологии в различных видах преступной деятельности с корыстной мотивацией, порождающей огромные экономические издержки. Подтверждением этого тезиса, на наш взгляд, являются следующие, достаточно хорошо различимые индикаторы.

Во-первых, развитие анализируемой тенденции нашло отражение в усилении диверсификации криминальной активности организованных преступных сообществ именно на международном, транснациональном уровне, т. е. на территории целого ряда государств, не ограничиваясь юрисдикцией какого-либо

¹ Комарда К. Интервью ТАСС // Эхо Москвы : [сайт]. URL: https://echo.msk.ru/?_ (дата обращения: 15.01.2021).

² United Nations Convention against Transnational Organized Crime And the Protocols Thereto. URL: https://www.un.org/ruleoflaw/files/UNConventionAgainst_TransnationalOrganizedCrime.pdf (дата обращения: 20.01.2021).

³ Компьютерная преступность как разновидность организованной преступности // База знаний Allbest : [сайт]. URL: <https://knowledge.allbest.ru/> (дата обращения: 20.01.2021).

из них. И такое развитие событий вполне логично: цифровизация криминальной среды (как отражение общемировой тенденции) неизбежно способствует интеграции преступных сообществ разных стран и, следовательно, усилению их транснационального характера, что является ярким свидетельством качественного изменения самой организованной преступности. Транснациональность данной категории преступлений выражается в том, что преступники, зачастую находясь на удаленном расстоянии от объекта посягательства на территории разных государств, тем самым во многом упрощают свою задачу. Как справедливо отмечают специалисты, преимущества упомянутой транснациональности заключаются, в частности, в том, что злоумышленники уходят от ответственности в силу ряда следующих довольно типичных обстоятельств, а именно: из-за различия или отсутствия соответствующего законодательства, регулирующего информационно-цифровую сферу в тех или иных государствах; отсутствия договора об экстрадиции между конкретными государствами; бюрократических и процессуальных сложностей, возникающих в связи с возбуждением уголовных дел в отношении именно иностранных граждан и т. д.¹

Во-вторых, именно в силу перечисленных обстоятельств сегодняшние высокотехнологичные транснациональные преступные группы стремительно расширяют поле деятельности и, одновременно, демонстрируют все более высокие «показатели экономической эффективности». В результате, по мнению специалистов, на долю транснациональных преступных сообществ сегодня приходится в общей сложности от 15 до 20 % мирового ВВП чисто криминального оборота и не менее 25 % дополнительного легального оборота, контролируемого мафиозными сообществами. В целом же, «можно сделать вывод о том, что крупнейшими собственниками активов и держателями ресурсов на планете являются именно преступные синдикаты» [2, с. 137–138]. Вот лишь один из множества примеров, подтверждающих приведенную оценку складывающейся ситуации. Так, в своем релизе Министерство юстиции США в июне 2020 г. сообщило об осуждении окружным судом штата Невада лидеров транснациональной преступной группы Infracard Organization. Организация занималась крупномасштабным приобретением, продажей и распространением похищенных идентификационных данных, скомпрометированных

¹ Компьютерная преступность как разновидность организованной преступности.

дебетовых и кредитных карт, личной, финансовой и банковской информации, компьютерных вредоносных программ. Ущерб от ее деятельности был оценен примерно в 568 млн долларов [1, с. 8].

В-третьих, есть основания констатировать, что тенденция усиления транснациональности выразилась в ускорении динамики вовлечения в ряды организованных преступных сообществ этнических представителей самых разных стран, т. е. в своеобразную «интернационализацию» состава этих преступных группировок. Достаточно сказать, что в транснациональной криминальной активности организованных преступных формирований с различным этническим составом сегодня принимают участие выходцы примерно из 80 % стран. Причем, отличительная черта таких криминальных сообществ заключается в том, что их интернациональные соучастники могут находиться за тысячи километров друг от друга, им не мешает языковой барьер, поскольку компьютерные языки стандартны, а в цифровом мире не существует государственных границ. Характерным примером, в частности, явилась преступная деятельность транснациональной группировки, базировавшей свои структуры на территории Китая, России, Украины и ряда других стран Европы. Подразделениям Интерпола, Европола, при содействии «Лаборатории Касперского, удалось раскрыть киберпреступные операции этого криминального сообщества. Они продолжались два года и затронули около 100 финансовых организаций по всему миру, потерявших в результате хищения в общей сложности около 1 млрд долларов².

В-четвертых, развитие тенденции цифровизации организованной преступности, обретая глобальный (транснациональный) характер, наряду с расширением специализации криминальных сообществ, несомненно, предполагает достаточно высокий уровень интеллектуальности и профессионализма их участников — субъектов этой преступной деятельности, определяя тем самым приток в нее высоко квалифицированного контингента. Именно в силу «продвинутой» этих (в отличие от традиционных) средств и способов криминальных действий, подобная активность является такой эффективной. Негативные преломления складывающейся ситуации при этом достаточно ясны. Ведь криминальный профессионализм и интеллектуальный уровень высококвалифицированного

² Евгений Федуненко. Громкие киберпреступления последних лет // Коммерсантъ : [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3270122> (дата обращения: 20.01.2021).

контингента транснациональных криминальных сообществ одновременно определяют гораздо более высокий уровень их общественной опасности и результативности преступного бизнеса. Криминальные структуры, активно используют квалифицированных программистов, компьютерных взломщиков, специалистов по нелегальному манипулированию на рынке виртуальной валюты, получая громадные барыши от разного рода мошеннических операций.

Наряду со сказанным, высокий уровень профессионализма упомянутых субъектов зачастую обеспечивает им конспиративность и, следовательно, безнаказанность криминального бизнеса, позволяющего преступникам скрывать свои следы, сохранять анонимность, используя офшоры, препятствовать сбору доказательств. Ведь в подобных случаях, несмотря на предпринимаемые усилия, спецслужбы обладают сравнительно ограниченными возможностями для отслеживания денежных потоков нелегального характера, выявления и наказания подозреваемых в криминальных операциях лиц.

Кстати, ярким свидетельством сказанному как раз является активизация криминалитета в связи с операциями с использованием виртуальных денег. Транснациональные организованные преступные сообщества в условиях всеобщей цифровизации получили невиданную ранее возможность широкого использования новых финансовых инструментов — криптовалюты, блокчейна. Так, по сообщению ВВС.com от 20.06.2020 г., ярким примером, отражающим указанную тенденцию, является создание и использование криминальными структурами биржевых площадок, на которых — в обход норм национального и международного права — они занимаются кибермошенничеством, отмыванием денежных средств, в особенности биткоинов, новачкоинов и других цифровых (виртуальных) валют. Речь, в частности, идет о деятельности крупнейшей криптобиржи BTC-e, а также целого ряда других организаций подобного типа, которые, в отличие от легальных биржевых площадок, просто не требовали от клиентов серьезной авторизации для осуществления торгов. Как следует из оценки неправительственной организации Global Witness, совокупный суточный оборот BTC-e превышал 66 млн долларов, а с каждой сделки администраторы площадки получали 0,5 % комиссии. Причем, никто из многочисленных «клиентов» (более 20 тыс. пользователей) не знал, кто владеет этим прибыльным полулегальным бизнесом, поскольку бенефициары BTC-e скрывались за сетью

офшоров. По оценкам Департамента криминальных расследований Службы внутренних доходов США, их совокупные активы к 2020 г. достигали 500 млн долларов [1, с. 9].

Наконец, в-пятых, есть веские основания констатировать, что, посредством использования цифровой среды (интернета, телекоммуникационной связи), для вербовки в свои ряды новых кадров, криминалитетом предпринимаются активные усилия по информационному воздействию прежде всего на молодежную аудиторию с целью «романтизации» профессиональной преступной деятельности в составе мафиозных сообществ. Такие пропагандистские материалы имеют форму мультимедийных коммуникаций и содержат, зачастую, виртуальные сообщения, презентации, журналы, аудио- и видеофайлы. Криминальная «романтика», как уже отмечалось, является центральной темой этой пропаганды. Специалисты отмечают, что широкая область влияния распространяемой через интернет подобной информации в геометрической прогрессии увеличивает аудиторию, на которую она может воздействовать со всеми вытекающими последствиями.

Заключение

Таким образом, как свидетельствуют криминологические исследования, данные уголовной статистики и следственно-судебная практика, цифровая экспансия во все сферы человеческого бытия, всеобщая телекоммуникационная взаимосвязанность наложили заметный отпечаток и способствовали небывалому развитию высокотехнологичной и весьма «интеллектуализированной» цифровой транснациональной (территориально) и многонациональной (по своему составу) организованной преступности, характеризующейся весьма болезненным для мирового сообщества и конкретных государств уровнем экономических потерь. В результате, сама мировая экономика все в большей степени приобретает черты мафиозной. В этой связи, существует острая необходимость в формулировании и реализации целевых программ противодействия возросшей активности цифровой транснациональной организованной преступности качественно нового поколения. Борьба с организованной преступностью в области информационных технологий должна быть одним из самых приоритетных направлений деятельности спецслужб. Без эффективного противодействия динамика данной категории преступлений будет и дальше нарастать с неослабевающей силой. Наряду с этим, все более очевидной становится также необходимость максимального

использования странами мирового сообщества не только их национального, но и международного опыта по разработке и реализации подобных программ в информационно-цифровой среде, а также их межгосударственной

координации. Свидетельством возрастающего понимания значимости такого подхода является активная подготовка сегодня инициированной Российской Федерацией Конвенции ООН по противодействию киберпреступности.

Список источников

1. Воронин Ю. А., Беляева И. М., Кухтина Т. В. Современные тенденции преступности в цифровой среде // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2021. Т. 21, № 1. С. 7–12.
2. Овчинский В. С. Преступность и борьба с ней в цифровом мире // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности : труды 1-й Международной конференции (Москва, 8 — 9 февраля 2018 г.). Москва : ИПМ им. М. В. Келдыша, 2018. С. 137–138.
3. Сентюренко О. В. Цифровая среда: тренды и риски развития // Научно-техническая информация. Серия 1, Организация и методика информационной работы. 2015. № 2. С. 1–7.

References

1. Voronin Yu.A., Belyaeva I.M., Kuhtina T.V. Modern Trends of Crime in the Digital Environment. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Bulletin of South Ural State University. Law Series]. 2021;21(1):7-12. (In Russ.)
2. Ovchinskij V.S. Crime and the fight against it in the digital world. *Proektirovanie budushchego. Problemy cifrovoj real'nosti: trudy 1-j Mezhdunarodnoj konferencii* [Designing the future. Problems of Digital Reality. Proceedings of the 1st International Conference]; 2018 Feb 8-9; Moscow. Moscow: M.V. Keldysh IPM Publ., 2018. p. 137-138. (In Russ.)
3. Sentyurenko O.V. Digital Environment: Trends and Risks of Development. *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya. Seriya 1, Organizaciya i metodika informacionnoj raboty* [Scientific and Technical Information. Series 1, Organization and methodology of information work]. 2015;(2):1-7. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 11.03.2021.

АНАЛИЗ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СОТРУДНИКАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЁННЫХ И НЕКОТОРЫЕ МЕРЫ ПО ИХ ПРОФИЛАКТИКЕ

Кудряшов Андрей Владимирович

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
andrej.kudryashov.1975@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8782-0877*

Аннотация. Работа посвящена анализу насильственных действий, совершаемых сотрудниками исправительных учреждений в отношении осуждённых. Актуальность научного исследования состоит в том, что сотрудники исправительных учреждений, призванные исправлять и готовить осужденных к законопослушной жизни, достаточно часто сами совершают различные правонарушения, в том числе и преступления. Статистические данные по этому вопросу очень редко публикуются в открытых источниках, крайне мало представлены в специализированной закрытой литературе. Долгие годы проблема преступности в среде сотрудников исправительных учреждений вообще замалчивалась. Статистические данные по этому вопросу не только не печатались в открытых источниках, но и крайне мало были представлены в специализированной закрытой литературе. Уровень латентности данного вида преступлений крайне высок. И только в последние годы с развитием информационных технологий данные о преступлениях, совершаемых сотрудниками исправительных учреждений в отношении осуждённых, становятся доступны широкому обсуждению и научному анализу, что дает возможность проведения ряда исследований, связанных с характеристикой преступлений и иных правонарушений в деятельности различных правоохранительных органов, в том числе и в пенитенциарной системе.

В работе проведен анализ различных противоправных действий, совершаемых сотрудниками исправительных учреждений в отношении осуждённых. Однако большую обеспокоенность вызывают противоправные деяния совершенные с применением насилия в отношении осуждённых.

Вышеизложенное актуализирует необходимость разработки некоторых предложений по профилактике рассматриваемых преступлений. Что сделано в данном исследовании.

Ключевые слова: насильственные действия, сотрудники исправительных учреждений, осужденные

Для цитирования: Кудряшов А. В. Анализ насильственных действий, совершаемых сотрудниками исправительных учреждений в отношении осуждённых и некоторые меры по их профилактике // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 89–96.

ANALYSIS OF VIOLENT ACTS COMMITTED BY CORRECTIONAL OFFICERS AGAINST INMATES AND SOME MEASURES TO PROFILACY

Andrey V. Kudryashov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
andrey.kudryashov.1975@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8782-0877

Abstract. The work is devoted to the analysis of the violence committed by correctional officers against the convicts. The relevance of scientific research is that correctional officers, designed to correct and prepare convicts for law-abiding life, often commit various offenses themselves, including crimes. Statistics on this subject are very rarely published in open sources, very little are presented in specialized closed literature. For many years, the problem of crime among correctional officers has been kept quiet. Statistics on this issue were not only not published in open sources, but very little was presented in specialized closed literature. The latency of this type of crime is extremely high. It is only in recent years, with the development of information technology, data on crimes committed by correctional officers in the south.

The work analyzes various illegal actions committed by correctional officers against convicts. However, the offences committed with violence against convicts are of great concern. The above updating the need to develop some proposals to prevent the crimes under consideration. What's done in this study.

Keywords: violent acts, corrections officers, convicts

For citation: Kudryashov A.V. Analysis of Violent Acts Committed by Correctional Officers Against Inmates and Some Measures to Profilacy. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):89-96. (In Russ.)

Введение

Деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы должна строиться на строжайшем соблюдении законности, так как данные учреждения являются составной частью органов государственной власти, а сотрудники уголовно-исполнительной системы, являющиеся частью ее персонала, должны отличаться повышенной требовательностью, глубоким осознанием верховенства закона и недопустимости противоправного поведения, в том числе нарушений административного и уголовного законодательства.

Тем не менее, как показывает практика, требования закона и множества подзаконных нормативных актов, принятых по вопросам соблюдения законности, далеко не всегда выполняются. Сотрудники исправительных учреждений, призванные исправлять и готовить осужденных к законопослушной жизни, достаточно часто сами совершают различные правонарушения, в том числе и преступления. Все чаще эти преступления являются насильственными и совершаются в отношении осуждённых.

Как показывает статистика, ежегодно регистрируется все больше совершаемых

преступлений сотрудниками уголовно-исполнительной системы. В учреждениях на сегодняшний день проходит службу максимальное количество сотрудников, находящихся в штате ФСИН России, поэтому и уровень преступности в них относительно выше. Так, на 01.04 2021 штатная численность персонала УИС, финансируемого из средств федерального бюджета, составляет 295 968 чел., в том числе начальствующий состав — 225 285 чел. (в том числе переменный состав — 5985 чел.)¹.

Согласно статистике, ежегодно сотрудниками уголовно-исполнительной системы совершается порядка около 2000 нарушений законности и преступлений, третья часть которых приходится на уголовно — наказуемые деяния. Так, по данным Генеральной прокуратуры за январь — декабрь 2018 года, сотрудниками ФСИН России было совершено 1018 преступлений, что на 2,3 % больше, аналогичного периода 2017 года. Казалось бы, что это небольшие цифры на фоне общего количества преступлений в стране, поэтому не стоит особо тревожиться по поводу их наличия. Однако эти

¹ Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://фсин.рф/news/index.php> (дата обращения: 02.04.2021.).

преступления имеют повышенную общественную опасность, поскольку подрывают саму основу существования органов, исполняющих наказания. Уголовно наказуемые деяния, совершаемые сотрудниками исправительных учреждений, формируют негативное отношение населения не только к этим органам, но и к наказанию в целом, приводят к неверию в охранительную функцию закона, способствуют развитию правового нигилизма в стране. Реализация сотрудниками уголовно-исполнительной системы своих служебных полномочий только тогда будет обеспечена поддержкой и защитой государства и благоприятным общественным мнением, когда будут законными способы и средства достижения целей наказания.

Описание исследования

Долгие годы проблема преступности в среде сотрудников исправительных учреждений вообще замалчивалась. Статистические данные по этому вопросу не только не печатались в открытых источниках, но и крайне мало были представлены в специализированной закрытой литературе. И только в последние годы с развитием информационных технологий они становятся доступны широкому обсуждению и научному анализу, что дает возможность проведения ряда исследований, связанных с характеристикой преступлений и иных правонарушений в деятельности различных правоохранительных органов, в том числе и в пенитенциарной системе.

К наиболее часто совершаемым насильственным противоправным деяниям совершенными сотрудниками исправительных учреждений в отношении осуждённых являются правонарушения не обладающие общественной опасностью. Данные противоправные деяния относятся к категории дисциплинарных проступков и административных правонарушений. Например, сотрудники исправительного учреждения применяют физическую силу или спецсредства с нарушением порядка применения физической силы, специальных средств указанных в законодательств в отношении осужденных нарушающих режим и распорядок учреждения¹. Однако их действия не представляют общественной опасности, т. е. не являются преступлением так как, не повлекли существенное нарушение прав и законных интересов осужденных в силу малозначительности или физическая сила применена без нарушений анатомической

¹ Об учреждениях и органах исполняющих наказание в виде лишения свободы : Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 06.02.2019) // СПС Гарант. URL: <https://base.garant.ru/1305321/> (дата обращения: 20.05.2021).

целостности осуждённого, или без причинения физической боли.

Так по сообщению пресс-службы ФСИН России, в ходе проверок, проведенных после происшествия в исправительной колонии ФКУ ИК № 1 общего режима (г. Ярославль) УФСИН России по Ярославской области, сотрудники ФСИН России выявили 168 случаев нарушений при применении к заключенным силы и спецсредств. После публикации видео с избиением осужденного М. в исправительной колонии № 1 г. Ярославля, получившего широкий резонанс в обществе, «в соответствии с решением директора ФСИН России, в каждом территориальном органе Федеральной службы исполнения наказаний, были созданы комиссии по проведению проверки всех случаев применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы и специальных средств за 2017 год, а также организации служебной деятельности в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа и строгих условиях содержания». Комиссиями территориальных органов ФСИН проведена 2101 проверка исправительных учреждений. В результате проверок выявлено 168 нарушений порядка применения физической силы и специальных средств. Из них — 61 факт ненаправления материалов проверок в органы прокуратуры, 104 случая отсутствия видеофиксации фактов применения физической силы и специальных средств и 3 случая нарушения порядка применения физической силы и специальных средств. В ФСИН России сообщили, что по всем фактам выявленных нарушений виновные лица привлечены к дисциплинарной ответственности².

Однако более глубокий анализ дисциплинарных проступков и административных правонарушений связанных с применением насилия совершенного сотрудниками исправительных учреждений в отношении осуждённых провести не представляется возможным из-за высокого уровня латентности данных деяний.

Высокий уровень латентности данных деяний обусловлен спецификой условий отбывания наказания осуждёнными в местах лишения свободы. Это выражено в ограничении их прав и свобод, а также в отсутствии возможностей зафиксировать на носители информации противоправное деяние и практически в отсутствии свидетелей. В случаях причинения вреда здоровью осуждённым, и существенному нарушению их прав данные лица обращаются

² По материалам ФСИН // Тюремный портал России : [сайт]. URL: <http://prisonlife.ru/> (дата обращения: 20.08.2020).

с жалобами и заявлениями в специализированные прокуратуры, Уполномоченному по правам человека, руководству ФСИН России.

Однако, по официальным данным ФСИН России, количество обращений в случаях нарушения законности сотрудниками учреждений исполняющих наказание с каждым годом снижается. В I квартале 2019 года количество граждан, обратившихся на личный прием в Приемную ФСИН России, уменьшилось на 7,5 % (221) в сравнении с показателем аналогичного отчетного периода 2018 года (239).

За I квартал 2019 зарегистрировано 662 жалобы на неправомерные действия сотрудников УИС, связанные с исполнением служебных обязанностей; количество жалоб о незаконном применении физической силы и специальных средств увеличилось на 30 % — 121 жалоба.

По фактам нарушений сотрудниками учреждений и органов УИС порядка рассмотрения обращений граждан проводились служебные проверки, по результатам которых виновные должностные лица привлекались к дисциплинарной ответственности¹.

Уголовно-наказуемые деяния, которые совершают сотрудники учреждений уголовно-исполнительной системы можно разделить на должностные и общеуголовные. В силу того что аттестованные сотрудники являются должностными лицами, то соответственно большая часть преступлений, которые они совершают, являются должностными.

Проведя анализ статистических данных Генеральной прокуратуры и обзор решений Верховного Суда РФ можно сделать вывод, что среди должностных преступлений совершенных сотрудниками исправительных учреждений около 75 % принадлежит коррупционным преступлениям.

В соответствии с федеральным законодательством под коррупцией понимается «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»².

¹ Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://фсин.рф/news/index.php> (дата обращения: 23.12.2020).

² О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.06.2019) // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.12.2020).

После коррупционных преступлений выяснилось, что наиболее распространенными преступлениями, совершаемыми сотрудниками уголовно-исполнительной системы, являются преступления, направленные на здоровье населения и общественную нравственность. Общее количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 228 УК РФ, составило 27,61 %. При этом наибольшее количество указанных преступлений совершили сотрудники отделов безопасности и режима в исправительных учреждениях и следственных изоляторах. Доля совершенных ими преступлений составила 57,55 % от общего количества преступлений. Второе место по фактам совершения данного преступления занимают сотрудники отделов охраны. Они совершают 16,27 % преступлений. Третьими являются сотрудники отделов воспитательной работы с осужденными — 9,39 % данных преступлений. Остальные отделы совершают в среднем не более 1 % данных преступлений [1, с. 15].

В меньшей мере сотрудниками исправительных учреждений совершаются преступные действия, которые, связаны с применением физической силы, специальных средств или оружия в нарушение требований ст. 28–31 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Совершение насильственных действий сотрудниками исправительных квалифицируется как должностное преступление по ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), удельный вес деяний, предусмотренных ч. 3 ст. 286 УК РФ, совершаемых с применением насилия или угрозой его применения, с применением оружия или специальных средств, с причинением тяжких последствий составляет 11,4 % [2, с. 15].

При совершении общеуголовного насильственного преступления, которое совершают сотрудники исправительных учреждений в отношении осужденных, в совокупности с должностными преступлениями, виновным вменяются также преступления против личности.

Как показала практика, преступления против жизни и здоровья, предусмотренные ст. 105–109 УК РФ, а также преступления, предусмотренные ст. 111–112 УК РФ, не являются распространенными и составляют не более 1 % от общего числа преступлений совершенных сотрудниками исправительных учреждений. При этом максимально эти преступления совершают сотрудники отделов охраны, специального назначения и оперативных отделов.

Кроме того уровень и динамика насильственных преступлений которые совершают сотрудники исправительных учреждений в отношении осуждённых имеет тенденции к уменьшению их количества.

Так на расширенном заседании коллегии ФСИН России подвели итоги деятельности уголовно-исполнительной системы в 2018 году. С докладом «Об итогах деятельности уголовно-исполнительной системы в 2018 году и задачах на 2019 год» выступил первый заместитель директора ФСИН России генерал-лейтенант внутренней службы Анатолий Рудый. В данном докладе он заявил, не оперируя цифрами, что количество случаев незаконного применения силы со стороны сотрудников в прошедшем году сократилось в полтора раза¹.

Пути решения проблемы

Рассмотрим некоторые специально-криминологические меры профилактики насильственных действий, совершаемых сотрудниками исправительных учреждений в отношении осуждённых.

Специально-криминологическая профилактика осуществляется специальными субъектами на профессиональном уровне, в число которых входят правоохранительные органы, и включает меры, направленные именно на устранение, ослабление, нейтрализацию криминогенных факторов, исправление сотрудников исправительных учреждений, могущих совершить или уже совершившие насильственные действия, в отношении осуждённых. Именно специальная предназначенность и целенаправленность на борьбу с преступностью отличает эти меры от мер общесоциальной профилактики.

Под специальными мерами предупреждения насильственных действий в отношении осуждённых, на наш взгляд, следует понимать мероприятия, специально направленные на устранение обстоятельств, способствующих или облегчающих совершение преступления, в том числе и меры, связанные с воздействием на лиц, совершивших или замышляющих совершение данных преступлений, принимаемые преимущественно правоохранительными органами на основании профессиональных знаний, в том числе с использованием специальных сил, средств, методов [3, с. 75].

На наш взгляд, особо следует выделить именно правоохранительные органы, на которых возлагается прямая задача борьбы с преступностью среди сотрудников в пенитенциарной

системе, а значит и ее предупреждение. К их числу относятся органы ФСИН России, органы Прокуратуры, Следственный комитет, ФСБ и некоторые другие. Сама правоохранительная деятельность рассматриваемых органов воплощается в первую очередь в силовом воздействии, как средстве регулирования состояния преступлений совершенных сотрудниками исправительных учреждений. Активизация деятельности правоохранительных органов усиливает воздействие на это явление, изменяя его состояние в сторону ослабления.

Достижение целей и решение поставленных задач перед правоохранительными органами осуществляется с помощью специфических средств и методов. Этим определяются и особенности их деятельности по предупреждению и борьбе с насильственной преступностью в отношении осуждённых, среди сотрудников исправительных учреждений.

При всем этом каждый из правоохранительных органов выполняет работу в пределах своей компетенции, с учетом стоящих перед ним специфических задач.

Основная тяжесть по осуществлению специально профилактических мероприятий по предупреждению данных преступлений ложится на подразделения ФСИН России. В частности на подразделения собственной безопасности данного правоохранительного органа. Так Приказом ФСИН России от 02.03.2010 № 72 «О внесении изменений в штатные расписания территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний» во всех территориальных органах ФСИН России созданы подразделения собственной безопасности, на которые возложены в основном функции по борьбе с коррупцией. Однако кроме противодействия преступлениям коррупционной направленности в обязанности данной службы входит также и предотвращение проникновения на службу, и работу в УИС лиц, преследующих противоправные цели, а также выявление и устранение условий, способствующих совершению преступлений и иных правонарушений работниками УИС и федеральными государственными гражданскими служащими ФСИН России.

Немаловажную роль в предупреждении насильственных преступлений совершаемых сотрудниками исправительных учреждений в отношении осуждённых, играют кадровые подразделения ФСИН России, которые организуют кадровое обеспечение учреждений и органов уголовно-исполнительной системы [4, с. 2], а также подготовку кадров в образовательных организациях высшего образования и дополнительного профессионального образования ФСИН России.

¹ Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://фсин.рф/news/index.php> (дата обращения 23.12.2020).

В кадровых подразделениях территориальных органов УИС профилактической работой с сотрудниками занимаются такие отделы как:

- отдел организации служебно-боевой подготовки;
- инспекция по личному составу и профилактике коррупционных и иных правонарушений;
- отдел организации работы по профилактике коррупционных правонарушений;
- отдел руководства и организации служебных проверок в органах УИС.

Перед ними стоят следующие задачи по профилактике преступлений:

- профилактика коррупционных и иных правонарушений, обеспечение деятельности ФСИН России по соблюдению работниками УИС и федеральными государственными гражданами служащими запретов, ограничений, обязанностей и правил служебного поведения;
- организация работы по укреплению служебной дисциплины и законности среди работников УИС и федеральных государственных гражданских служащих¹.

Недостатки и упущения, возникающие в процессе отбора кадров на службу, приводят к принятию на службу лиц, не в полной мере соответствующих требованиям, предъявляемым к сотрудникам УИС [5, с. 8].

Проводя профилактическую работу среди сотрудников учреждений, исполняющих наказание с целью недопущения в будущем применения насилия в отношении осужденных, вышеуказанные подразделения должны на стадии приема на службу в ФСИН России выявлять лиц склонных к насилию. Выявлением данных лиц занимается медико-санитарная часть ФСИН России в процессе медицинского обследования при прохождении кандидатами на службу в ФСИН России медкомиссии. Данные подразделения так же выявляют подобных лиц и в ходе проведения ежегодного медицинского осмотра среди аттестованных сотрудников, проходящих службу. Особое внимание должно уделяться сотрудникам учреждений исполняющих наказание в виде лишения свободы, которые ежедневно общаются с осужденными и соответственно потенциально подвержены профессиональной деформации и могут быть агрессивно настроены в отношении осужденных.

¹ Об утверждении Положения об управлении кадров Федеральной службы исполнения наказаний : Приказ ФСИН России от 25.01.2018 № 80 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.12.2020).

Поэтому считаем, что деятельность медицинских подразделений, по выявлению сотрудников склонных к совершению насильственных преступлений в отношении осужденных, оказывает существенное профилактическое воздействие на динамику рассматриваемых преступлений. Так же считаем, что необходимо ужесточить требования по медицинским показаниям при поступлении на службу в ФСИН России.

К специально-криминологическим мерам по предупреждению насилия применяемого к осужденным считаем воспитательную работу с сотрудниками, имеющими дисциплинарные взыскания и нарушения служебной дисциплины. По каждому факту нарушения законности должны объективно и безотлагательно проводиться служебные проверки, и даваться соответствующая правовая оценка действий виновных. Однако учитывая специфику данных учреждений, порой, насильственные деяния совершенные сотрудниками УИС остаются безнаказанными и латентными из-за сложных неслужебных взаимоотношений среди сотрудников данных учреждений. Проверяющие подразделения зачастую пытаются преуменьшить или скрыть правонарушения совершенные сотрудниками не желая портить показатели в работе и отчетность.

Особую роль в профилактике рассматриваемых преступлений играют аттестационные комиссии, которые проводятся в целях определения соответствия сотрудника замещаемой должности в уголовно-исполнительной системе. Аттестация сотрудника проводится один раз в четыре года. Это положение определено порядком прохождения службы в уголовно-исполнительной системе и закреплено в ст. 33 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ². Внеочередная аттестация сотрудника проводится в случае, если сотрудник не прошел проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. В таком случае комиссия принимает решение, что сотрудник не соответствует замещаемой должности в уголовно-исполнительной системе и подлежит увольнению со службы в уголовно-исполнительной системе.

Считаем, что такое же решение комиссия должна принимать в случаях любого, даже

² О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» : Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.12.2020).

малозначительного нарушения служебной дисциплины сотрудниками связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Немаловажную роль в специально-криминологической профилактике насильственных действий, совершаемых сотрудниками исправительных учреждений в отношении осуждённых играет специализированная прокуратура.

Прокуратуры по надзору за исполнением законов в учреждениях уголовно-исполнительной системы формируются в местах дислокации наиболее крупных исправительных учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы и принудительные меры медицинского характера. Эти прокуратуры имеют статус районных и подчиняются прокуратурам субъектов РФ.

На прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях возложен надзор за:

— исполнением законов и законностью правовых актов, регламентирующих исполнение и отбывание наказания в виде лишения свободы, соблюдением прав и свобод человека и гражданина при исполнении этого вида наказания, а также применении в исправительных учреждениях назначенных судом принудительных мер медицинского характера;

— исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, осуществлении ОРД в исправительных учреждениях ФСИН России;

— процессуальной деятельностью начальников исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы как органов дознания по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками этих учреждений, а также о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений иными лицами¹.

В Челябинской области действует Челябинская прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях. Любое нарушение законности со стороны сотрудников исправительных учреждений

ставшее известным данному органу не остается без надзора специализированной прокуратуры. Возбужденные уголовные дела в отношении сотрудников учреждений исполняющих наказание находятся под тщательным контролем прокуратуры. Кроме того любые проверки прокуратуры по исполнению законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, осуществлении ОРД в исправительных учреждениях ФСИН России оказывают предупредительное воздействие на сотрудников данных учреждений. Прокуратурой проводятся проверки соблюдения уголовно-исполнительного законодательства, выносятся протесты и представления об устранении нарушений закона, что соответственно оказывает предупредительное воздействие на сотрудников данных учреждений и способствует устранению причин и условий способствующих совершению насильственных преступлений в отношении осужденных.

Выводы и заключение

Существенное профилактическое воздействие на динамику рассматриваемых преступлений, оказывает деятельность медицинских подразделений ФСИН России, по выявлению сотрудников склонных к совершению насильственных преступлений в отношении осужденных, в особенности на стадии поступления на службу. Так же считаем, что необходимо ужесточить требования по медицинским показаниям в морально-психологическом аспекте, при поступлении на службу в ФСИН России и при проведении ежегодного медицинского осмотра действующих сотрудников органов уголовно-исполнительной системы.

При проведении внеочередной аттестации сотрудника в целях определения его соответствия замещаемой должности в уголовно-исполнительной системе, в случаях нарушения служебной дисциплины сотрудниками связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, предлагаем, считать сотрудника не прошедшим проверку на профессиональную пригодность. В таком случае комиссии должна принимать решение, что сотрудник не соответствует замещаемой должности в уголовно-исполнительной системе и подлежит увольнению со службы в уголовно-исполнительной системе.

Список источников

1. Хохрин С. А. Аспекты правовой характеристики преступлений сотрудников пенитенциарной системы // Актуальные проблемы Российского права. 2016. № 1 (62). С. 135–140.
2. Федоров В. В. Преступления сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы в структуре пенитенциарной преступности // Проблемы уголовной ответственности и наказания :

материалы научно-практического семинара, посвященного памяти профессоров В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова ; под общей редакцией В. Ф. Лапшина. Рязань, 2015. С. 167–173.

3. Долгова А. И. Криминология. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. 368 с.

4. Жилко Е. В. Кадровое обеспечение в пенитенциарной системе РФ (на примере ИК-27 ГУФСИН России по ПК) // Молодой ученый. 2015. № 18 (98). С. 365–367.

5. Смирнов А. М. Основные причины и условия совершения сотрудниками исправительных учреждений насильственных действий в отношении осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 11 (210). С. 46–49.

References

1. Khokhrin S.A. Aspects of the legal characteristics of crimes committed by employees of the penitentiary system. *Aktual'nye problemy Rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2016;(1):135-140. (In Russ.)

2. Fedorov V.V. Crimes of employees and workers of the penitentiary system in the structure of penitentiary crime. In: Lapshin V.F., editor. *Problems of criminal responsibility and punishment*. Proceedings of the Scientific and Practical Seminar in Memory of Professors V.A. Yeleonskiy and N.A. Ogurtsov. Ryazan; 2015. p. 167-173. (In Russ.)

3. Dolgova A.I. *Criminology*. 4th ed. Moscow: Norma; 2016. (In Russ.)

4. Zhilko E.V. Personnel support in the penitentiary system of the Russian Federation (on the example of IK-27 GUF SIN of Russia in PK). *Molodoj uchenyj* [Young Scientist]. 2015;(18):365-367. (In Russ.)

5. Smirnov A.M. Main Causes and Conditions of Violent Acts by Correctional Officers against Convicts. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy* [Vedomosti of the Penal and Correctional System]. 2019;(11):46-49. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 25.05.2021.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛЬНОГО РЫНКА КОРРУПЦИОННЫХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Павел Владимирович Никонов

Университет прокуратуры Российской Федерации

Иркутский юридический институт (филиал)

Иркутск, Россия, nikonov_pv@mail.ru

Аннотация. В статье проведен комплексный анализ криминального рынка коррупционных услуг. Дано определение указанного явления, проанализированы причины его появления и интеграции в социально-экономические отношения, степень этой интеграции. Проведен структурный анализ криминального рынка коррупционных услуг, выявлено, что он наиболее активен в высокорентабельных отраслях экономики, в которых сосредоточены большие финансово-экономические, людские и технологические ресурсы. Установлено, что показатели степени интеграции криминального рынка коррупционных услуг прямо коррелируют с показателями преступности, выступая одним из факторов ее роста. Криминальный рынок коррупционных услуг в значительной степени нивелирует усилия государства в области реализации важнейших социально-экономических программ, делая их экономически и организационно неэффективными. Установлено, что наиболее емкими для криминального рынка коррупционных услуг являются лесная отрасль, таможенная и транспортная сфера, тяжелая промышленность и энергетика, миграция и рынок труда. Коррупция стимулирует совершение таких преступлений, как уклонение от уплаты налогов, хищения, незаконный оборот оружием, наркотиками, торговля людьми и т. д. Кроме того, она прямо или косвенно влияет на общественную безопасность (совершение террористических актов, транспортную составляющую), экономическую конкуренцию, безопасность личности. Наиболее типичными коррупционными услугами являются получение и дача взятки и иных видов незаконного вознаграждения, злоупотребление должностными полномочиями, хищения, совершаемые с использованием служебного положения. Отмечается, что для организации противодействия интеграции криминального рынка коррупционных услуг в экономику необходимо проведение четкой государственной политики, направленной на снижение рентабельности оказания коррупционных услуг и пользования ими, а также повышение эффективности легальных социально-экономических механизмов.

Ключевые слова: коррупция, криминальные рынки, коррупционные услуги, теневая экономика, предупреждение преступности, должностные преступления

Для цитирования: Никонов П. В. Некоторые аспекты криминального рынка коррупционных услуг в российской федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 97–104.

SOME ASPECTS OF THE CRIMINAL MARKET FOR CORRUPTION SERVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Pavel V. Nikonov

*Irkutsk Law Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russia, nikonov_pv@mail.ru*

Abstract. The article is a comprehensive analysis of the criminal market for corruption services. A definition of this phenomenon has been developed, its reasons for integration into socio-economic relations, the degree of this integration have been analyzed. A structural analysis of the criminal market for corruption services was carried out, it was revealed that this market is very active in highly profitable sectors of the economy, in which there are large financial, economic, human and technological resources. It has been established that the degree of integration of the criminal market for corruption services is directly related to the indicators of crime and is one of the factors of its growth. The criminal market for corruption services significantly reduces the efforts of the state in the implementation of the most important socio-economic programs, making them economically and organizationally ineffective. It has been established that the criminal market for corruption services is most integrated into the forestry, customs and transport sectors, heavy industry and energy, migration and the labor market. Corruption stimulates the commission of such crimes as tax evasion, embezzlement, illegal arms and drug trafficking, human trafficking, etc. In addition, it directly or indirectly affects public safety (the commission of terrorist acts, the transport component), economic competition, and personal security. The most typical corruption services are receiving and giving bribes and other types of illegal remuneration, abuse of office, theft committed with the use of official position. It is noted that in order to organize counteraction to the integration of the criminal market for corruption services into the economy, it is necessary to conduct a clear state policy aimed at reducing the profitability of providing corruption services and using them, as well as increasing the efficiency of legal socio-economic mechanisms.

Keywords: corruption, criminal markets, corruption services, shadow economy, crime prevention, malfeasance

For citation: Nikonov P.V. Some Aspects of the Criminal Market for Corruption Services in the Russian Federation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):97-104. (In Russ.)

Введение

Влияние коррупции на общественные отношения многогранно. Являясь по своей сути перерождением государства и власти как таковой, она минимизирует усилия государства и всех социальных институтов, создавая условия для стагнации и деградации общества, в значительной степени снижает эффективность экономики, тормозя ее развитие, подчиняя ее собственным законам.

Коррупция взаимодействует с теневой экономикой, встраивается в ее товарно-денежные отношения, является фактором повышения ее эффективности, ее возможности широко используются участниками этого рынка постольку, поскольку она предоставляет уникальные в своем роде услуги, получение которых легальным путем невозможно. В этой связи требует особого изучения рынок коррупционных услуг, определение его основных характеристик.

В рамках данного исследования проанализирован рынок коррупционных услуг, установлена его взаимосвязь с теневой экономикой, определены основные характеристики этого рынка, модели поведения участников этого рынка.

Материал и методы

Исследование проведено на основе данных официальной статистики правоохранительных органов, прежде всего, МВД РФ, Генеральной Прокуратуры РФ, статистических сведений Судебного департамента Верховного Суда РФ, данных интервьюирования специалистов в области противодействия коррупции (сотрудников территориальных подразделений Прокуратуры РФ), проведенных в 2018–2021 гг., материалах контент-анализа научно-публицистических изданий.

Исследование проведено с использованием методов анализа, синтеза, а также

посредством использования сравнительно-правового метода, методов правового моделирования и прогнозирования.

Описание исследования

Взаимосвязь теневой экономики и криминального рынка коррупционных услуг определяется тем, что на последнем обращаются выведенные из легального оборота значительные финансовые ресурсы. Коррупционные связи создают основу роста теневого сектора. Теневая экономика и коррупция настолько тесно взаимосвязаны и переплетены, что отделить причину от следствия порой практически невозможно [4, с. 8].

При этом необходимо уточнить, что понимание коррупции как вида рыночных отношений не ново и на страницах юридической литературы встречаются точки зрения, отражающие связь коррупции и рыночных отношений. Ряд ученых обращались к исследованиям криминального рынка коррупционных услуг, обосновывая его существование наличием спроса и предложений, а также объясняли его динамику [7].

Криминальный рынок, отмечают ученые, это «ядро» теневой экономики [3, с. 24]. Ученые-экономисты также совершенно обоснованно утверждают, что «коррупция сейчас является одним из главных и динамично растущих секторов российской теневой экономики» [5, с. 83–92]. Коррупция может рассматриваться в качестве определенного сектора криминального рынка. При этом исследования, проведенные более десяти лет назад, свидетельствуют о том, что общий ущерб от коррупции на планете составляет более 7 % мирового внутреннего валового продукта. По оценкам Всемирного банка мировой рынок коррупции достигает одного трлн долларов. Согласно другим источникам коррупция в настоящее время ежегодно выводит из мировой экономики от 1,5 трлн до 2 трлн долларов¹. Коррупционный бюджет России по экспертным оценкам составляет ежегодно 33,5 млрд долл., а доля коррупции во внутреннем валовом продукте России составляет сегодня 40–50 % [2, с. 57]. При этом в разных источниках приводятся различные оценки потерь от коррупции, что связано, думается, с тем, что само понятие коррупции не имеет до настоящего момента точного определения, как об этом уже говорилось ранее. По другим данным прямые потери от коррупции

¹ Сколько Россия теряет из-за коррупции // Рамблер: [сайт]. URL: https://news.rambler.ru/other/41381361-skolko-rossiya-teryat-iz-za-korrupsii/?article_index=1 (дата обращения 24.04.2021).

в России составляют до 25 % внутреннего валового продукта страны, от 20 до 25 млрд долл. ежегодно [1, с. 23–24]. Обращаясь к официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, следует отметить, что в 2019 г. ущерб от коррупционных преступлений составил 55,1 млрд рублей, что составляет 8,8 % от общей суммы ущерба, причиненного всеми преступлениями в стране².

Приведенные сведения говорят о том, что сложно оценить реальные потери от коррупции в полном объеме, что обусловлено, в первую очередь, высокой латентностью коррупционных преступлений, а также отсутствием методик для расчета реального объема ущерба от такого социального явления, как коррупция. Методом прямого исследования оценить объемы коррупции в России, подсчитать их в абсолютном выражении с точки зрения монетарного рынка практически невозможно, т. к. в настоящее время коррупционные проявления выражаются в лоббизме, протекционизме и фаворитизме, непотизме (покровительстве родственникам), отмыывании денежных средств, в том числе и в иностранной валюте и т. п.

Как показывают результаты проведенных исследований, коррупция является одной из основных проблем, негативно влияющих на рост экономической и финансовой систем в мире [6]. При этом следует отметить, что коррупция представляет собой угрозу финансовой безопасности государства, она способствует уменьшению поступлений в форме налогов, таможенных сборов и платежей в бюджет страны, а также способствует снижению инвестиционной привлекательности отраслей российской экономики. Исследователи совершенно обоснованно пишут о том, что в настоящее время «существует ряд криминальных рынков коррупционных услуг, оказывающих влияние на финансовую безопасность России, а именно: при осуществлении налогового администрирования, при осуществлении таможенного администрирования; связанный с расходованием бюджетных средств; связанный с государственными заимствованиями и обслуживанием государственного долга. Также имеет место рынок корпоративной коррупции (хищения с использованием служебного положения, подкупы и др.), который, несомненно, оказывает влияние на финансовую безопасность России» [2, с. 56].

Функционирование любого рынка, в том числе криминального, основано

² В Генпрокуратуре назвали сумму ущерба от коррупции в России в 2019 году // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8111929> (дата обращения 24.04.2021).

на взаимодействии продавца и покупателя, как участников торговых отношений, предметом которых могут быть оплачиваемые товары, работы, услуги. Рынок предполагает торговлю, как его неотъемлемую часть, одновременно выражающую суть рыночных отношений. Торговля или торговая деятельность, в свою очередь, в широком смысле означает процесс обмена товаров, работ, услуг, как на материальные, так и нематериальные ценности с целью извлечения выгод из этого обмена его сторонами. Торговый обмен может быть осуществлен как в денежной, так и безденежной форме. К безденежной форме могут относиться имущественные ценности, независимо от того в чем они выражены, а также неимущественные. Следует заметить, что характерной, но необязательной, чертой рыночно-торговых отношений является извлечение экономической выгоды продавцом, получаемой им в качестве оплаты за проданный товар, оказанную услугу, выполненную работу. Однако, природа таких отношений не исключает использование выгод неимущественного характера в обменных процессах, если это соответствует интересам выгодоприобретателя.

Между тем, отличительным признаком криминального рынка, является оборот товаров, работ, услуг основанный на совершении исключительно преступления. Другими словами, покупатель извлекает какую-либо криминальную выгоду (товар, работы, услуги) в результате совершения продавцом преступления, характер которого раскрывают сущность такой выгоды. Например, убийство по найму, является криминальной услугой, оказание которой связано с совершением данного преступления.

Таким образом, криминальный рынок, необходимо рассматривать как незаконную сферу, область общественных отношений, функционирование которых основано на соглашении между заказчиком (покупателем) и исполнителем (продавцом) за какое-либо вознаграждение совершить преступление, связанное с оборотом товаров (в том числе людей, как специфической уголовно-правовой разновидности товара), а также работ или услуг.

Особенностью криминального рынка коррупционных услуг является законодательно предусмотренная корыстная цель (или мотив) совершаемого коррупционного преступления, которая ограничивает понимание незаконного вознаграждения, как средства оплаты, его имущественной разновидностью. Наличие, указанного признака само по себе не означает в реально существующих общественных отношениях оплату заказчиком такой услуги,

исключительно в виде имущественного вознаграждения. Представляется, что общественную опасность коррупционной криминальной услуги, определяет не имущественный способ ее оплаты, который в зависимости от интереса выгодоприобретателя может быть любым, а характер незаконных действий ее образующих, как связанный с использованием служебного или иного правового положения субъектом преступления.

Криминальный рынок коррупционных услуг существует и расширяется за счет трех факторов. Во-первых, речь идет о предложении, порождающем спрос, т. е. создаются такие условия, в которых предложение взятки является наилучшим вариантом достижения цели. Вторым фактором является естественно сам спрос, который порождает предложение. Так, взятка предлагается для получения незаконных привилегий. И, третье, это наличие информации о правилах дачи и получения взяток через различные каналы передачи информации (как в устном порядке, так и через сеть Интернет и т. п.), что позволяет свести к минимуму риск быть задержанным за совершение коррупционного правонарушения [8]. Некоторые авторы пишут о том, что «коррупция формируется из спроса, предложения и конкуренции в потреблении благ» [7].

Очевидно, что криминальный рынок коррупционных услуг является частью теневой экономики. При этом теневая экономика одновременно способствует росту коррупции. Это связано с тем, что участники теневого сектора оплачивают незаконные услуги должностных лиц как на различных уровнях власти. В связи с этим любая теневая экономическая деятельность создает спрос на коррупционные услуги.

В сферу криминального рынка коррупционных услуг входит группа коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения. При этом совершаемые за незаконное вознаграждение действия (бездействия) также могут содержать признаки самостоятельных коррупционных преступлений. Например, ст. 285 или 286 УК РФ.

Вместе с тем, коррупционные преступления являются составной частью криминального рынка коррупционных услуг только при условии, если их совершение обусловлено незаконным вознаграждением, передача-получение которого соответствуют такому его обязательному признаку, как оплата оказываемой услуги, без которой отсутствует сам рынок, в основе которого, как об этом было сказано ранее, находятся торговые отношения, связанные с обменными процессами

его образующими. Например, присвоение и растрата совершенная лицом, использующим служебное положение, не связанная с его подкупом (ч. 3 ст. 160 УК РФ).

Вывод об этом соответствует пониманию коррупции в узком смысле, которое совпадает по объему с коррупционными преступлениями, связанными с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, которые предлагается использовать в качестве индекса коррупционной преступности. В этом состоит их особое, специальное значение.

При этом, под коррупционной услугой следует понимать любое преступление коррупционной направленности, в совершении (результате) которого заинтересован бенефициар (выгодоприобретатель). В этой связи, требующим отдельного обсуждения является вопрос о том, может ли анализируемая группа преступлений выступать в качестве такой услуги.

Криминальный рынок коррупционных услуг, оказание которых, связано с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения имеет определенные особенности, учет которых необходим для понимания правил его функционирования и значения совершаемых преступлений для предоставления услуги, являющейся предметом криминального сговора. Преступная схема, основанная на законодательно закрепленном алгоритме поведения подкуподателя, подкупополучателя и лица, предоставляющего посреднические услуги в даче-получении подкупа, позволяет отнести к носителю криминальной услуги, т. е. субъекту способного ее оказать, как подкупополучателя, действия которого связаны с его служебным или иным правовым положением, так и посредника, действующего по указанию одной из сторон криминальной сделки и исполняющего отведенную ему функцию. При этом подкуподатель, с учетом его уголовно-правовой роли, самостоятельно услугу не оказывает, а только может способствовать ее оказанию, вступая для этого в преступный сговор с подкупополучателем или «посредником».

В этой связи, следует заметить, что коррупционной услугой является не сама дача-получение подкупа, а действия (бездействие), совершаемые за подкуп, связанные с использованием служебного или иного правового положения субъекта преступления. Из этого следует, что оказываемая услуга выражается не в самом совершении указанных преступлений, которыми охватывается переговорный процесс и связанное с этим достижение соглашения о существенных условиях криминальной сделки, в том числе ее оплата, а сами

действия, совершаемые за подкуп, которые находятся за пределами указанных составов преступлений и ими не охватываются. Таким образом, в структуре рынка коррупционных услуг, деятельность, связанная с дачей-получением подкупа, выполняет роль своего рода подготовительного этапа, предшествующего оказанию услуги, вид и характер которых, в свою очередь, зависят от признаков деяний, связанных с подкупом. Из этого следует, что среди коррупционных преступлений, связанных с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, самостоятельной коррупционной услугой криминального рынка может выступать только «посредничество», объем и характер которого определяется заказчиком. В то время как, дача и получение подкупа рассматриваются в качестве предваряющей стадии оказания коррупционной услуги, что отражает их правовую природу, как соглашения основанного на оплате соответствующего поведения, которое только и является услугой в собственном смысле слова в получении которой заинтересован заказчик.

Поскольку совершаемые за незаконное вознаграждение действия (бездействия) образуют коррупционную услугу, то заметим, что такая услуга по своему характеру может быть, как законной, так и незаконной. При этом незаконность не всегда означает ее преступность, она может выражаться в совершении иных видов правонарушений. Например, в непривлечении к административной ответственности за допущенное нарушение правил дорожного движения. На это указывает законодательная конструкция конкретных видов незаконного вознаграждения предусматривающая возможность его дачи-получения как за правомерное поведение, так и незаконное, специальным случаем которого является совершение преступления.

При таких обстоятельствах, незаконное вознаграждение, выступающее средством оплаты действий (бездействия), совершаемых за него, являющихся по своей сути коррупционной услугой, следует рассматривать как структурообразующую часть криминального рынка коррупционных услуг, при условии, что такие действия (бездействие) содержат признаки преступления. По этой причине незаконное вознаграждение за законные или незаконные действия, не содержащие признаков преступления, не входят в состав криминального рынка коррупционных услуг, что согласуется с ранее сделанными выводами в диссертации о необходимости установления уголовной ответственности за вознаграждение, обуславливающее совершение именно преступлений,

а не иных правонарушений, на что указывает его превентивная функция, и которое в силу этого не может быть более опасным, чем сами действия (бездействие) совершаемые за него.

Таким образом, установленная специфика криминального рынка коррупционных услуг состоит в том, что коррупционные преступления, связанные с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения, являются способом оплаты преступных по своему характеру коррупционных услуг. То есть в настоящее время криминализованы как сами действия, совершаемые с использованием служебного или иного правового положения, признаваемые коррупционной услугой, так и их оплата. В тоже время предложенное расширение видов оплаты, как не связанных только с имущественным вознаграждением, будет исключать признание их преступными, по крайней мере, до тех пор, пока соответствующие законодательные изменения не будут внесены в содержание предмета рассматриваемой группы преступлений. Это нововведение, необходимость которого была обоснована при анализе их составообразующих признаков, безусловно, позволило бы усилить уголовно-правовые основы противодействия коррупции в целом, так и исследуемого ее вида, в частности.

Вместе с тем, соглашение о получении и даче незаконного вознаграждения за совершение определенных действий (бездействия), должно быть предварительным, т. е. предшествовать им во времени, поскольку в этом и состоит обуславливающая роль оплаты, как стимула моделируемого поведения. При этом, она может быть осуществлена как до, так и после осуществления таких действий (бездействия).

Посредничество в рассматриваемой разновидности преступлений занимает отдельное место. Это преступление хоть и связано с дачей-получением подкупа, которые предваряют обуславливаемую ими услугу, но, при этом, является самостоятельным видом поведения, которое представляет собою самодостаточную услугу, объем и характер которой раскрывается в признаках объективной стороны данного состава преступления.

Именно коррупционные услуги пользуются наибольшим спросом в рамках криминального рынка, потому что сфера этих услуг является достаточно широкой, в нее вовлекается значительное число потребителей. Следствием развития криминального рынка коррупционных услуг стало усиление роли посредника. Очевидно, что такой рынок охватывает различные государственные и общественные сферы жизнедеятельности людей.

В сферу криминального рынка коррупционных услуг втягиваются лица, которые считают, что их вознаграждение от легальной деятельности находится на невысоком уровне, а за счет оказания рассматриваемых услуг они могут повысить свой уровень обеспеченности. Также в криминальном рынке коррупционных услуг могут принимать участие лица, недовольные существующей политической и экономической составляющей политики государства, а также лиц, склонные к криминальным проявлениям.

Отмечается, что коррупционные услуги пользуются спросом, например, в правоохранительной сфере, при распределении бюджетных средств, при уклонении от уплаты налогов, при предоставлении определенных прав или льгот, при оказании помощи в получении престижных должностей и т. п. Проведенные учеными исследования свидетельствуют, что коррупционные услуги могут иметь место при организации и осуществлении незаконного оборота леса, незаконного оборота наркотических средств, в сфере организации проституции. При этом следует отметить, что определенную специфику на сферу коррупционных услуг оказывает региональная составляющая. Так, был проведен опрос сотрудников органов внутренних дел и прокуратуры из Восточной и Западной Сибири и Дальнего Востока и получены следующие результаты. Среди сфер, в которых наиболее часто используются коррупционные услуги, оказываемые правоохранительными органами, значительное место занимает незаконный оборот леса (такого мнения придерживаются 74 % сотрудников ОВД и 52 % опрошенных лиц из прокуратуры), незаконный оборот наркотиков (соответственно 53 и 39 %), угоны автотранспорта (43 и 28 %), проституция (30 и 22 %), подделка документов с целью их сбыта (8 и 5,4 %) [3, с. 28–29].

Если говорить о центральных регионах нашей страны, то представляется, что картина сферы коррупционных услуг несколько меняется. Для таких регионов характерна, например, продажа определенных должностей, оказание услуг по списанию значительных налоговых сумм, а также организация и осуществление незаконного оборота наркотических средств, оказание услуг в миграционной сфере и т. п.

Следует заметить, что такие исследования проводились более десяти лет назад. В этой связи нами был осуществлен аналогичный опрос сотрудников правоохранительных органов различных регионов Российской Федерации. Полученные результаты определенным образом коррелируют с результатами, полученными ранее, но по некоторым

сферам немного отличаются. При этом отметим, что сферы коррупционных услуг в правоохранительных органах являются в целом стабильными.

Значительный спрос на коррупционные услуги в сфере незаконного оборота наркотиков обусловлен высоким уровнем наркотизации общества и вовлечением в этот оборот значительного числа лиц, в том числе потребляющих наркотики. Коррупционными услугами зачастую пользуются лица, причастные к незаконному обороту наркотических средств, с целью оказания противодействия выявлению и расследованию указанных видов преступлений. В основном подкупаются должностные лица низового или среднего уровня, чья деятельность непосредственно связана с выявлением, расследованием и пресечением этих преступлений. Нераспространенность фактов коррупции среди контролирующих или надзирающих органов связана с резонансом таких фактов, а также с широким вовлечением правоохранительных органов в закреплении следов совершенных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, что осложняет либо исключает возможность их сокрытия. Взятки получают в основном должностные лица, деятельность которых связана с выявлением этих преступлений, за общее покровительство, за прекращение производства оперативно-разыскных мероприятий по документированию незаконного оборота наркотиков. Реже возможен подкуп должностных лиц за вынесение решений об отказе в возбуждении уголовных дел или их прекращении, либо о переквалификации.

Снижение спроса на такие коррупционные услуги, как подделка документов, обусловлено, думается, некоторым упрощением документооборота, переходом на оказание определенных услуг через информационно-телекоммуникационные системы, при помощи официальных сайтов оказания государственных услуг.

Выводы

Таким образом, криминальный рынок коррупционных услуг представляет собой

незаконную сферу, область общественных отношений, функционирование которых основано на соглашении между заказчиком (покупателем) и исполнителем (продавцом) за какое-либо вознаграждение совершить преступление, связанное с оборотом товаров (в том числе людей, как специфической уголовно-правовой разновидности товара), а также работ или услуг. Криминальный рынок коррупционных услуг представляет собой часть теневой экономики, выступает одновременно фактором, значительно повышающим ее эффективность. Этот рынок опасен тем, что нивелирует усилия государства в области реализации социально-экономических программ, выступая обстоятельством, делающим их неэффективными, нерентабельными.

В рамках криминального рынка коррупционных услуг последние используются для ухода от различных видов юридической ответственности, контроля, например, осуществляемого со стороны правоохранительных органов за определенными видами деятельности, в том числе и нелегальными, для получения доступа к закрытым информационным ресурсам, для получения доступа к коммерческой, банковской и иной тайне.

Заключение

Криминальный рынок коррупционных услуг представляет собой отрицательное социальное явление, имеющее собственные характеристики и существующее по вполне объективным законам. Их понимание жизненно необходимо для организации программ по противодействию всей коррупции вообще и проникновению ее в экономику в частности. Как показало проведенное исследование, эффективность противодействия дальнейшей интеграции коррупции в экономические отношения основана на повышении прозрачности работы государственного аппарата, установления и реализации четкой правовой базы его функционирования, проведении эффективной правоохранительной работы с одной стороны, и повышения эффективности легальных экономических механизмов с другой.

Список источников

1. Гостева С. Р., Рашкин В. Ф. Коррупция в России. Москва : Еврощкола, 2010. 326 с.
2. Продченко И. А., Шаурин А. И. Коррупция как угроза национальной безопасности России: социально-экономическая сущность // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 1. С. 56–60.
3. Репецкая А. Л. Российский криминальный рынок услуг: структура и характеристика отдельных видов // Криминологический журнал БГУЭП. 2008. № 1. С. 24–33.
4. Татуев А. А., Бородин А. И., Шаш Н. Н. Феномен современной коррупции и факторы формирования коррупционных услуг с государственным секторе // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 21. С. 2–15.

5. Шпалтаков В. П. Коррупция в России: исторические корни и причины разрастания в постсоветское время // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2016. № 3. С. 83–92.
6. Bahoo, S. Corruption in Banks: A Bibliometric Review and Agenda // Finance Research Letters. 2020. Vol. 35, Art. 101499. 13 p. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2020.101499> (дата обращения: 26.04.2021).
7. Correa, H. A comparative study of bureaucratic corruption in Latin America and the U.S.A. // Socio-economic planning sciences. 1985. Vol. 19, no. 1. P. 63–79.
8. Dey H. K. The genesis and spread of economic corruption: A microtheoretic interpretation // World Development. 1989. Vol. 17, no. 4. P. 503–511.

References

1. Gosteva S.R., Rashkin V.F. *Corruption in Russia*. Moscow: Yevroshkola; 2010. (In Russ.)
2. Prodchenko I.A., Shaurin A.I. Corruption as a threat to national security of Russia: the socio-economic essence. *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii* [Bulletin of the Academy of Economic Security of the Russian Interior Ministry]. 2011;(1):56-60. (In Russ.)
3. Repetskaya A.L. Russian criminal services market: structure and characteristics of individual types. *Kriminologicheskij zhurnal BGUEP* [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law]. 2008;(1):24-33. (In Russ.)
4. Tatuev A.A., Borodin A.I., Shash N.N. Phenomenon of modern corruption and factors of formation of corruption services in the public sector. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial Analytics: problems and solutions]. 2015;(21):2-15. (In Russ.)
5. Shpaltakov V.P. Corruption in Russia: historical roots and causes of growth in the post-Soviet period. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* [Bulletin of Omsk University. Series "Economics"]. 2016;(3):83-92. (In Russ.)
6. Bahoo, S. Corruption in Banks: A Bibliometric Review and Agenda. *Finance Research Letters*. 2020 Jul [cited 2021 Apr 26];35:Article 101499 [13 p]. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1544612319311730/pdf?md5=eab169f0c8b632ae1752c4c6ba35f7b9&pid=1-s2.0-S1544612319311730-main.pdf> doi:10.1016/j.frl.2020.101499
7. Correa, H.A comparative study of bureaucratic corruption in Latin America and the U.S.A. *Socio-economic planning sciences*. 1985;19(1):63-79.
8. Dey H.K. The genesis and spread of economic corruption: A microtheoretic interpretation. *World Development*. 1989;17(4):503-511.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 30.04.2021.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФУНКЦИИ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Александр Сергеевич Каменев

Адвокатская палата Челябинской области

Челябинск, Россия

katenev_as@rambler.ru

Аннотация. В представленной статье анализируется современное состояние функции защиты в уголовном судопроизводстве, исследуются изменения в связи с широким внедрением цифровых технологий. Утверждается, что для дальнейшего совершенствования требуются значительные изменения действующего законодательства. Целью статьи является рассмотреть особенности осуществления функции защиты в уголовном судопроизводстве применительно к конкретным участникам стороны защиты, а также определить тенденции изменения данного направления под влиянием цифровизации всех сторон жизнедеятельности человека, общества и государства. Трансформация защиты, прежде всего, касается организации и процессуальной стороны адвокатской деятельности. Просматривается пассивное и активное цифровое пространство адвоката. Заслуживает особого внимания вопрос об использовании и проверки электронных доказательств. В данном случае необходимо применять идентификацию и аутентификацию, устанавливая законность источника информации и способа ее получения. Адвокату следует учитывать, что полезная информация может храниться в компьютерных сетях, информационных системах, различных автоматических системах управления, в видеосистемах и т. п. Такую информацию можно получить путем направления запросов, а также посредством личного изучения и фиксации. Функция защиты, как правило, строится от обвинения, и в нее также вовлечены подозреваемый, обвиняемый, гражданский ответчик и его представитель.

Ключевые слова: трансформация, функция защиты, уголовное судопроизводство, цифровое пространство, электронные доказательства

Для цитирования: Каменев А. С. Современное состояние функции защиты в уголовном судопроизводстве и ее трансформация в эпоху развития цифровых технологий // Правовый порядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 105–112.

THE CURRENT STATE OF THE DEFENSE FUNCTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND ITS TRANSFORMATION IN THE ERA OF DIGITAL TECHNOLOGY

Aleksandr S. Kamenev

Chamber of Advocates of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia
kamenev_as@rambler.ru

Abstract. The present article analyzes the current state of the defense function in criminal proceedings, examines changes due to the widespread introduction of digital technology. It is argued that significant changes in the current legislation are required for further improvement. The aim of the article is to consider the peculiarities of defense in criminal proceedings in relation to specific participants of the defense, as well as to identify trends in this direction under the influence of digitalization of all aspects of human life, society and the state. Transformation of defense, first of all, concerns the organization and procedural side of advocacy. Passive and active digital space of the lawyer is seen. Special attention should be paid to the use and verification of electronic evidence. In this case, it is necessary to apply identification and authentication, establishing the legitimacy of the source of information and the method of obtaining it. A lawyer should take into account that useful information can be stored in computer networks, information systems, various automatic control systems, video systems, etc. Such information can be obtained by making inquiries, as well as through personal examination and recording. The defense function is usually built from the prosecution, and it also involves the suspect, defendant, civil defendant, and his representative.

Keywords: transformation, defense function, criminal procedure, digital space, electronic evidence

For citation: Kamenev A.S. The Current State of the Defense Function in Criminal Proceedings and its Transformation in the Era of Digital Technology. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):105-112 (In Russ.)

Введение

В настоящее время функция защиты, как и все общество, подвергнута некой трансформации под влиянием развития цифровых технологий и их повсеместному внедрению во все сферы жизнедеятельности человека. Следует отметить, что цифровизация в большей степени из всех участников стороны защиты затронула пока работу адвоката по уголовным делам, которая в настоящее время не может не учитывать возможности применения технических средств, программного обеспечения.

Описание проводимого исследования

Функция защиты — это самостоятельный вид деятельности участников уголовного судопроизводства, объединенных общим интересом, направленным на признание судом подсудимого невиновным в совершении преступления, прекращение уголовного дела или уголовного преследования, а также максимально возможное учитывание обстоятельств, смягчающих наказание при вынесении обвинительного приговора по уголовному делу.

С. И. Викторский в 1912 году писал: «в противоположность обвинению, имеющему целью сгруппировать и выяснить все то, что имеется против подсудимого, защита представляет из себя совокупность процессуальных действий, задача которых — обеспечить невиновному оправдание, а виновному наказание не свыше вины путем выяснения доводов, говорящих в пользу обвиняемого... почему и защите надо признать необходимой» [4, с. 66].

Функция защиты является одной из основных в уголовном процессе, наряду с функцией обвинения и разрешения уголовного дела. Именно эти три функции законодатель закрепляет в ст. 15 УПК РФ. Отдаленность друг от друга данных уголовно-процессуальных ответвлений ложится основополагающей идеей в принцип состязательности сторон. И польку это принцип, то он не терпит иного. К тому же и закон этого не предусматривает. Нельзя сказать, что исключений из принципов не бывает. На это указывает, к примеру, ч. 2 ст. 12 УПК РФ, однако вряд ли это можно считать приемлемым в установлении законодательных основ уголовного судопроизводства. Поэтому любые

отступления от принципа состязательности должны рассматриваться как существенные нарушения уголовно-процессуального законодательства.

Функция защиты возлагается на таких участников, как: подозреваемый, обвиняемый (подсудимый, осужденный, оправданный), законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого, защитник, гражданский ответчик и его представитель [10, с. 91]. Возможности данных субъектов проявляются сквозь призму их прав, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. И здесь можно говорить об общих и персональных ограничениях функции стороны защиты.

Общие ограничения просматриваются относительно преимущественного положения стороны обвинения в период досудебного производства. Преимущество такое формируется за счет, прежде всего, применения арсенала правовых средств в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлениях и принятие по ее результатам решений (ст. 144, 145 УПК РФ), правом производства следственных действий (гл. 24–27 УПК), применением мер процессуального принуждения (Раздел IV УПК РФ), сохранения тайны предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ). На фоне даже этих возможностей право участников стороны защиты осуществлять сбор доказательств способами, указанными в законе, выглядит весьма скромно.

Защитник вправе получать предметы, документы и иные сведения; опрашивать лиц с их согласия; истребовать справки, характеристики, иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии (ч. 3 ст. 86 УПК РФ). Возможности, например, подозреваемого также не велики, он вправе: представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет; пользоваться помощью переводчика бесплатно; знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания; участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству, ходатайству его защитника либо законного представителя; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда; защищаться

иными средствами и способами, не запрещенными законом (ч. 1 ст. 46 УПК РФ).

Персональные ограничения касаются отдельных участников. Например, согласно ч. 1 ст. 216 УПК РФ гражданский ответчик и его представитель знакомятся с материалами уголовного дела в той части, которая относится к гражданскому иску. Адвокат (защитник) обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами (п. 1 ч. 1 ст. 7, Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹). В данном случае просматривается то, что адвокат в роли защитника не должен отклоняться от позиции своего подзащитного относительно виновности в совершении преступлений. В противном случае будет считаться, что подозреваемый или обвиняемый потерял защиту.

Результат и обсуждение

Осуществление функции защиты удобнее рассматривать в трех аспектах: работа защитника (адвоката, родственника или иного доверенного лица); действия подозреваемого, обвиняемого; участие гражданского ответчика и его представителя.

Деятельность защитника (адвоката) представляет собой частный случай реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ). В уголовно-процессуальном кодексе это проявляется через осуществление защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Оказание юридической помощи может сводиться к разъяснению подозреваемому сущности подозрения, обвиняемому — обвинения; предостережение от ошибочных действий и поспешных показаний; содействию в составлении процессуальных и иных документов (жалоб, ходатайств, писем, обращений) и т. д. Немаловажным является оказание психологической помощи [8, с. 115], что может выражаться даже в самом присутствии защитника (адвоката) при производстве следственных действий с участием подозреваемого (обвиняемого).

А. М. Долгов отмечает, что права защитника по принесению жалоб на действия, бездействие и решения дознавателя, следователя, прокурора, суда, а также заявлению ходатайств о производстве процессуальных действий или

¹ Российская газета. 2002. 05 июня.

принятии процессуальных решений. Указанный интерес объясняется тем, что данные действия носят **так называемый «активный» характер** (выделено авт. — А. К.), производятся по усмотрению самого защитника, который самостоятельно избирает адресат направления жалобы, основания ее принесения и требования жалобы [3, с. 60].

Вполне можно выделять активный и пассивный характер деятельности защитника, в том числе применительно к цифровым технологиям. И здесь можно говорить о его цифровом пространстве.

Современный научный и социальный мир переживает эпоху трансформации различных сторон. Под влиянием цифровых преобразований меняется правила социальных связей, происходит переоценка ценностей, значимость тех или иных сторон цивилизации определяется с учетом того, насколько они вписываются в общее информационное движение, связанное с мгновенной передачей информации. Скорость коммуникаций становится определяющим фактором развития.

Как справедливо отмечают Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор, объектами правового воздействия все чаще становятся «цифровые сущности», при этом «цифровые технологии способны менять образ права», цифровизация в целом оказывает существенное влияние на форму права [11, с. 96, 99].

Технологизация в социуме порождает как общее, так и локальное для каждого (свое) цифровое пространство. Последнее можно определить, как часть цифрового общества [2, с. 252], определяемое границами использования цифровых технологий в целях осуществления аудио- и видеокоммуникаций, передачи сведений, осуществление защиты данных и продвижения того или иного продукта в сети «Интернет».

Обоснованно выделять две формы цифрового правового пространства:

— пассивное цифровое (виртуальное) пространство, в котором просто электронными (программно-компьютерными) средствами воссоздано пространство правовое, как универсум (среда) системного размещения и хранения всей совокупности текстов нормативно-правовых и иных нормативных актов государства, текстов документов правореализации, договоров, стандартов и т. д.;

— активное цифровое (виртуальное) пространство, в котором вся нормативно-правовая масса принудительно (в рамках спроектированных концептов, функционалов и топологии) релевантно упорядочивается, автоматизируется и администрируется [9, с. 31].

Применим данную классификацию к работе адвоката по уголовным делам, дополнив конкретными направлениями и примерами.

Пассивное цифровое (виртуальное) пространство адвоката. Данная форма характерна для тех случаев, когда роль самого защитника минимальна. Рассмотрим некоторые варианты.

Прежде всего это проявляется в *распределении уголовных дел автоматизированной системой*.

Сразу следует отметить, что Федеральным законом от 02.12.2019 № 400-ФЗ¹ с 1.04.2021 г. обновилось положение п. 3.1. ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому Совет Федеральной палаты адвокатов определяет порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, который должен обеспечивать доступ адвокатов к участию в оказании такой помощи независимо от избранной ими формы адвокатского образования и принадлежности к конкретному адвокатскому образованию и предусматривать использование автоматизированной информационной системы, исключающей влияние любых заинтересованных лиц на распределение поручений между адвокатами, а также поручает советам адвокатских палат организацию исполнения указанного порядка».

Данная система автоматизированного управления (далее — САУ) хорошо известна и имеет свои плюсы: равномерность распределения нагрузки, беспристрастность, автономность, возможность осуществления контроля за оплатой по назначению. Адвокаты, по сути, не имеют возможности вмешиваться в работу системы.

Е. Н. Калачевой относительно порядка назначения адвокатов в качестве защитников выделяет основные принципы, среди которых: независимость адвокатуры; равноправие адвокатов; территориальность (адвокат осуществляет защиту по назначению на территории субъекта, в котором сведения о нем внесены в реестр адвокатов); непрерывность (участие адвоката с момента назначения до полного исполнения принятых обязательств); централизация и информатизация (централизованное назначение адвокатов

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 400-ФЗ // Российская газета. 2019. 4 декабря.

с использованием информационной системы автоматизированного распределения требований) [5, с. 115].

Изучение практики показало, что в данном направлении могут возникать проблемы, связанные с условиями включения адвокатов в группу; надлежащим извещением адвоката; порядком формирования дежурств, обязанностей адвокатов, порядком оплаты по назначению. Установлено, что адвокат не вправе оказывать юридическую помощь доверителю, если обнаружены несоответствия сведений о его биографических данных. В случае объединения двух и более уголовных дел, защиту по назначению осуществляет тот адвокат, который первый поручил поручению. При неявке участвующего в уголовном деле защитника, который был надлежащим образом извещен о времени и месте проведения следственного действия, назначенный адвокат имеет право вступить в уголовное дело только при наличии письменного согласия доверителя.

Следующая немаловажная форма проявления пассивного цифрового (виртуального) пространство — получение защитником различного рода информации, хранящейся на официальных сайтах, например, ГАС «Правосудие». В рамках последнего разработан информационный ресурс в виде *личного кабинета*, который создается индивидуально для участника уголовного судопроизводства (в частности защитника) в системе автоматизации судопроизводства, предназначенный для получения копий различных судебных актов, извещений, вызовов и иных документов в электронном виде.

Личный кабинет активируется в автоматическом режиме путем подтверждения личных данных физического лица, в том числе его фамилии, имени и отчества. Доступ к личному кабинету осуществляется посредством идентификации и аутентификации одним из двух возможных способов: с использованием подтвержденной учетной записи физического лица ЕСИА и с использованием имеющейся у пользователя усиленной квалифицированной электронной подписи.

При этом следует учитывать, что оборудование и каналы связи находятся в сети «Интернет», поэтому в целях обеспечения информационной безопасности всегда следует предполагать потенциального внешнего нарушителя, способного перехватывать, модифицировать, подделывать и уничтожать информационные массивы. Поэтому требуется применение средств защиты, обеспечивающих конфиденциальность, аутентичность

и целостность информации. Кроме того, возможны случаи случайного воздействия на информационные ресурсы извне [6, с. 40].

Активное цифровое (виртуальное) пространство адвоката. Такой вид работы связан с инициативным участием защитника в производстве по уголовным делам. Рассмотрим ряд направлений.

Подача жалоб, ходатайств и заявлений в электронном виде. Это характерно, к примеру, для использования системы оказания государственных услуг путем подачи документов в электронном виде. При этом подтвержденная учетная запись физического лица будет гарантом безопасности в системе ЕСИА, обеспечивая доступ к личному кабинету, а также идентификацию и аутентификацию пользователя.

К электронным документам предъявляются определенные требования. Файл, направленный в суд, должен быть представлен в формате PDF с возможностью копировать содержащийся в нем текст. Материалы, прилагаемые к обращению, предоставляются в том виде, в котором они заверены электронной подписью. Формат и размер этих материалов тоже строго определен. Если документы приняты судом, то пользователю направляется уведомление. Установлены правила и для подачи документов мировым судьям¹.

Положения части 1 статьи 474.1 УПК РФ предоставляют возможность представления в суд жалобы, ходатайств и заявлений, жалоб в электронном виде. При этом заполняется предлагаемая на сайте форма². Однако данная статья не решает всех проблем. Так, например, указанная статья оговаривает только такие документы, как ходатайство, жалобу, заявление и представление. Другие документы в электронном виде поданы быть не могут. Кроме того, не установлен единый детальный порядок их представления. Несмотря на то, что Пленум Верховного Суда РФ позволяет в данном случае применять аналогию закона и даже аналогию права. Практика порой идет по пути представления документов не только

¹ Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа : Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.09.2017 № 168 // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 10.

² Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим пункта 3.4 Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа : решение Верховного Суда РФ от 22.01.2018 № АКПИ17-948 : утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 3.

в электронном, но и параллельно в бумажном виде (обычной почтой).

Работа с архивными судебными решениями в правовых системах «КонсультантПлюс», «Гарант» и т. п.

Судебный прецедент официально не является источником российского уголовно-процессуального права, однако упомянутые правовые системы предоставляют на возмездной основе возможность изучать имеющуюся судебную практику. Это позволяет в случае подачи жалоб или ходатайств может не напрямую ссылаться на ранее принятые решения, но использовать логику обоснования, аргументы, факты в подтверждении своего обращения.

Формирование материалов уголовного дела в электронном виде в единую систему электронных документов с последующим изучением, использованием, представлением.

В настоящее время адвокаты получают копии отдельных документов путем фотофиксации и копирования некоторых фалов на свой электронный носитель. Применительно к российской правовой действительности не приходится пока говорить о едином Электронном уголовно деле, как это уже имеет место в ряде зарубежных стран, к которым можно отнести, например, Республику Казахстан, Саудовскую Аравию.

В суде могут быть представлены и исследованы доказательства в любом виде, в том числе в электронном. Доказательства представляются стороной, заинтересованной в них. Адвокат (защитник) может продемонстрировать электронную доказательственную информацию в виде электронного документа, электронного образа документа, а также на электронном носителе информации, то есть в качестве вещественного доказательства и их копии. При этом, если доказательства представлены как электронный образ документа, то адвокат должен быть готов предъявить и подлинный документ. Суд вправе потребовать последний в соответствии с п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ¹.

Адвокату следует обратить внимание на то, что электронные доказательства должны быть читаемы, визуальными воспринимаемы посредством компьютерной техники; содержание доказательств — познаваемо. В целях восстановления удаленной электронной информации может быть подано ходатайство

¹ О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 // Российская газета. 2017. 29 декабря.

о производстве судебной компьютерной экспертизы. Немаловажным являются данные о реквизитах (тип фала, дата его создания, объем, дата открытия и изменения и т. д.).

Адвокат должен проявлять активность в исследовании доказательств, представленных стороной обвинения. Следует обращать внимание на первоисточник, подлинность файла, возможности внесения изменений, программно-технологическую информацию, соблюдение порядка собирания электронной информации, порядок легализации (если проводились оперативно-розыскные мероприятия), сопровождаемые документы и их сопоставление с цифровыми данными. Необходимо помнить, что оперативные подразделения представляют следователю, а значит и в суде не подлинные материалы, а их копии. В связи с этим возникает вопрос об аутентичности информации. Также можно инициировать дополнительные экспертные исследования, вызов для допроса лиц, участвующих в проведении оперативно-розыскных мероприятий.

При самостоятельном сборе данных адвокату необходимо учитывать, что полезная информация может храниться в компьютерных сетях, информационных системах, различных автоматических системах управления, в видеосистемах и т. п. Такую информацию можно получить путем направления запросов, а также посредством личного изучения и фиксации.

Применительно к электронным доказательствам необходимо применять идентификацию, в ходе которой определяются электронные носители информации и устройства, способные содержать доказательственную информацию.

Доказательства в электронном виде могут быть получены в ходе судебного разбирательства, в том числе при допросе потерпевших и свидетелей посредством видеоконференцсвязи (ч. 4 ст. 240 УПК РФ). Возможна фиксация самого судебного заседания с помощью фотоаппаратуры, цифровой аудио- и видеотехники. Всеми этими ресурсами может также воспользоваться адвокат (защитник). С разрешения председательствующего может осуществляться трансляция рассмотрения дела в сети «Интернет» (ч. 5 ст. 241 УПК РФ). Инициатива об этом может исходить от стороны защиты.

Подозреваемый (обвиняемый), как правило, сливается со своим защитником в общей защитной функции. В отсутствие защитника самостоятельно подбирает средства и способы защиты, которые обязательно должны быть законными (ч. 2 ст. 16 УПК РФ).

Существует мнение, что гражданского ответчика не всегда можно причислить в стороне

защиты. Так, по мнению, Н. А. Пастернака, суд, разрешив уголовное дело по существу, может признать за гражданским истцом право на удовлетворение иска, однако решение такого вопроса, как размер передать на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства (при постановлении обвинительного приговора). При постановлении оправдательного приговора, судья вправе оставить гражданский иск без рассмотрения, тем самым предоставив возможность рассмотрения его также в рамках гражданского судопроизводства. В приведенных случаях функция уголовного преследования завершается, а гражданскому ответчику, его представителю приходится продолжать свою деятельность, которая связана с гражданским иском, но уже не в рамках уголовного судопроизводства. На основании этого, данный автор приходит к выводу о том, что поддержание гражданского иска не значит одновременное поддержание обвинения, а защита от гражданского иска не равнозначна защите от обвинения [7, с. 42].

Другой точки зрения придерживается Т. Г. Бородинова, обосновывая это тем, что в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого указываются, помимо прочих обстоятельств, также характер и размер вреда, который причинен преступлением и составляет, как раз, содержание искового требования в уголовном процессе, можно сделать вывод, что возражения гражданского ответчика против предъявленного гражданского иска, его объяснения и показания по существу данного иска предполагают наличие у него права выступать против определенной части предъявленного подсудимому обвинения в совершении преступления [1, с. 57–58]. Такая позиция в большей степени заслуживает внимания. В данном случае вполне уместно говорить

о дополнительной функции возражения против гражданского иска. Но вряд ли эта функция заслуживает самостоятельного определения, в том числе на законодательном уровне. По крайней пока обвинение исходит от участников, представляющих государственный интерес в уголовном судопроизводстве.

Заключение

Защита строится от обвинения, поэтому она, по сути, вторична, зависима и производна от осуществления уголовного преследования. Она как ответ правоохранительным органам на любые формы заявлений о том, что лицо подозревается или обвиняется в совершении преступления. И поскольку, до вынесения приговора, это в той или иной степени лишь предположение, то оно может быть оспорено и обоснованно опровергнуто стороной защиты. Трансформация функции защиты в уголовном судопроизводстве в настоящее время характеризуется значительными изменениями как в организационной, так и в процессуальной части, что, безусловно, связано с широким внедрением цифровых технологий.

Вывод

Таким образом, исследование литературы и практики правоприменения показало, что вопросы, связанные с трансформацией функции защиты в уголовном судопроизводстве, во многом связаны с цифровизацией всех сторон жизнедеятельности человека, общества и государства. Многие проблемы осуществления данной процессуальной деятельности требуют законодательного регулирования, а также надлежащего технического сопровождения. Отставание по многим вопросам в условиях развития цифровых отношений становится очевидным.

Список источников

1. Бородинова Т. Г. Сторона защиты и ее функция в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Москва : Российская академия правосудия, 2010. С. 57–58.
2. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. «Цифровое общество» в категориях цифрового времени и цифрового пространства // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2019. № 29. С. 252–253.
3. Долгов А. М. Адвокат в электронном уголовном деле // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 59–62.
4. Зуев С. В., Сутягин К. И. Уголовный процесс : учебник. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2016. 563 с.
5. Калачева Е. Н. Проблемы назначения адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве и возможные пути решения: вызовы цифровизации // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11 (75). С. 112–123.
6. Ловцов Д. А. Информационная надёжность функционирования телематической сети ГАС РФ «Правосудие» // Правовая информатика. 2018. № 1. С. 40–48.

7. Пастернак Н.А. Защитник как субъект уголовно-процессуального доказывания : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2012. 183 с.
8. Пискунова Л. А. Функция защиты как основа деятельности участников уголовного судопроизводства со стороны защиты // Успехи современной науки и образования. 2017. Т.8, № 4. С. 114–116.
9. Понкин И. В., Редькина А. И. Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 24–37.
10. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник ; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : КноРус, 2008. 704 с.
11. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

References

1. Borodinova T.G. *The defense and its function in the judicial stages of criminal proceedings*. Moscow: Rossiyskaya akademiya pravosudiya; 2010. (In Russ.)
2. Grabelikh T.I., Sablina N.A. "Digital society" in the categories of digital time and digital space. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Annual Theological Conference of the Orthodox Svyato-Tikhonovsky Humanitarian University]. 2019;(29):252-253. (In Russ.)
3. Dolgov A.M. Lawyer in the electronic criminal case. *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Juridicheskij vestnik of the Kuban State University]. 2019;(1):59-62. (In Russ.)
4. Zuev S.V., Sutyagin K.I. *Criminal Procedure*. Chelyabinsk: Publishing Center of South Ural State University; 2016. (In Russ.)
5. Kalacheva Ye.N. Problems of appointment of the lawyer-defender in criminal proceedings and possible solutions: the challenges of digitalization. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA)* [Bulletin of Kutafin University (Moscow State Law Academy)]. 2020;(11):112-123. (In Russ.)
6. Lovtsov D.A. Information reliability of the functioning of the telematic network of GAS RF "Justice". *Pravovaya informatika* [Legal Informatics]. 2018;(1):40-48. (In Russ.)
7. Pasternak N.A. *The defender as a subject of criminal-procedural proving*: [dissertation]. Moscow; 2012. (In Russ.)
8. Piskunova L.A. Function of protection as a basis of activity of participants of criminal proceedings on the part of the defense. *Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Advances of modern science and education]. 2017;8(4):114-116. (In Russ.)
9. Ponkin I.V., Redkina A.I. Digital ontologies of law and digital legal space. *Permskij yuridicheskij al'manah* [Perm Legal Almanac]. 2019;(2):24-37. (In Russ.)
10. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B., Smirnov A.V. (ed.) *Criminal Procedure*. 4th rev. and suppl. ed. Moscow: KnoRus; 2008. (In Russ.)
11. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. The right in the conditions of digital reality. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2018. № 1. С. 85-102. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 13.05.2021.

О НЕОБХОДИМОСТИ ЕДИНСТВА СУДЕБНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ДЕЛ О ПРИЗНАНИИ ДЕЙСТВИЯ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО НЕПРАВОМЕРНЫМ И ВЗЫСКАНИИ С НЕГО УБЫТКОВ

Светлана Германовна Гончарова¹, Денис Юрьевич Гончаров²

¹Российский государственный профессионально-педагогический университет
Екатеринбург, Россия

²Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

¹goncharova_sg@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2099-8520

²denis667777@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3347-2533

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности доказывания и применения норм материального и процессуального права при разрешении дел о признании действия (бездействия) арбитражного управляющего неправомерным и взыскании с него убытков. Авторы на примере конкретных судебных дел акцентируют внимание на том, что на сегодняшний день проблемы, связанные с отсутствием единой практики применения правовых норм по данной категории дел, постепенно разрешаются с учетом выработки единой правовой позиции Верховным Судом РФ. В статье авторы более подробно уделили внимание следующим вопросам: какие сделки должника не обязан оспаривать арбитражный управляющий; какие обстоятельства должны быть установлены при рассмотрении дел о взыскании с арбитражных управляющих убытков, причиненных неоспариванием сделок должника; порядок исчисления срока исковой давности по оспариванию мнимой сделки в деле о банкротстве.

Ключевые слова: единообразиие судебного правоприменения, неправомерные действия арбитражного управляющего, убытки, разумные и добросовестные действия

Для цитирования: Гончарова С. Г., Гончаров Д. Ю. О необходимости единства судебного правоприменения на примере дел о признании действия (бездействия) арбитражного управляющего неправомерным и взыскании с него убытков // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 113–118.

ON THE NEED FOR UNITY OF JUDICIAL ENFORCEMENT, USING THE EXAMPLE OF CASES TO RECOGNIZE THE ACTIONS (INACTION) OF THE ARBITRATION MANAGER AS UNLAWFUL AND TO RECOVER LOSSES FROM HIM

Svetlana G. Goncharova¹, Denis Yu. Goncharov²

¹Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

²Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

¹goncharova_sg@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2099-8520

²denis66777@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3347-2533

Abstract. The article considers some peculiarities of proving and application of substantive and procedural law norms when resolving the cases of recognizing the actions (inaction) of an arbitration manager as unlawful and recovering the losses from him. Using the examples of specific court cases focus the attention on the fact that to date, the problems associated with the lack of uniform practice of law on this category of cases is gradually resolved with the development of a single legal position of the Supreme Court of Russia. In the article the authors have paid more attention to the following questions: what transactions of the debtor are not obliged to contest a bankruptcy trustee; what circumstances should be established when considering cases on recovery of damages from bankruptcy trustees, caused by failure to contest transactions of the debtor; the calculation of the limitation period for contesting an imaginary transaction in bankruptcy cases.

Keywords: uniformity of judicial enforcement, misconduct of a bankruptcy trustee, damages, reasonable and good faith actions

For citation: Goncharova S.G., Goncharov D.Yu. On the Need for Unity of Judicial Enforcement, Using the Example of Cases to Recognize the Actions (Inaction) of the Arbitration Manager as Unlawful and to Recover Losses from Him. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):113-118. (In Russ.)

Введение

Право на судебную защиту закреплено в ст. 46 Конституции РФ и относится к основным правам. Реализация прав и законных интересов кредиторов, должника, собственников и иных лиц в процедурах банкротства достигается с помощью правовых средств, направленных на справедливое обеспечение их экономических и юридических интересов. Одним из эффективных способов защиты нарушенных прав является возможность обратиться в суд на неправомерные действия (бездействие) арбитражного управляющего и взыскать с него убытки.

Постановка проблемы

В соответствии с п. 4 ст. 20.3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества.

В юридической науке имеются различные подходы к пониманию критериев разумности

и добросовестности, их взаимосвязи между собой и с интересами должника-банкрота [3; 4; 5; 6].

Основопологающим требованием при реализации конкурсным управляющим своих прав и обязанностей, определенных статьями 20.3 и 129 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», является добросовестность и разумность его действий с учетом интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, на основании принципов объективности, компетентности и профессионализма¹.

Разумность действий арбитражного управляющего должна определяться той степенью заботливости и осмотрительности, которая необходима для надлежащего исполнения его

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.11.2018 № 301-ЭС18-11487 по делу № А79-7505/2010 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19112018-n-301-es18-11487-po-delu-n-a79-75052010/> (дата обращения: 10.07.2021).

обязанностей. Добросовестность действий арбитражного управляющего выражается в отсутствии умысла причинить вред кредиторам, должнику и обществу.

Согласно пп. 3, 12 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», неразумность действий (бездействия) конкурсного управляющего считается доказанной, в частности, когда управляющий принял решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации; до принятия решения не предпринял действий, направленных на получение необходимой и достаточной для его принятия информации, которые обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах.

Верховный Суд России в деле № 305-ЭС19-17553 от 24 августа 2020 г. (дело № А40-64173/2017) раскрыл некоторые содержательные аспекты добросовестности и разумности действий арбитражного управляющего: арбитражный управляющий, возражая по жалобе, не может ссылаться на то, что его действие, повлекшее негативные последствия, было одобрено решением собрания кредиторов либо он действовал во исполнение решений собрания (абзац первый пункта 7, пункт 12 постановления № 62); при исполнении полномочий руководителя должника он обязан, в частности, анализировать финансовое состояние должника и результаты его финансовой, хозяйственной и инвестиционной деятельности, заявлять возражения относительно требований кредиторов, предъявленных к должнику; арбитражный управляющий как профессиональный участник антикризисных отношений, которому доверено текущее руководство процедурой банкротства, планирует и реализует меры, направленные на воспрепятствование включению в реестр необоснованных требований (в частности, с использованием механизмов подготовки отзыва, обжалования судебных актов).

По смыслу указанных разъяснений, несмотря на то, что управляющий обладает определенной дискрецией, оценивая его действия как добросовестные или недобросовестные, суд должен соотносить их с поведением, ожидаемым от любого независимого профессионального управляющего, находящегося в сходной ситуации и учитывающего права и законные интересы гражданско-правового сообщества кредиторов, а не отдельных лиц.

Таким образом, основной груз ответственности возлагается на конкурсного управляющего, которому фактически делегируется

правоспособность должника, то есть право распоряжаться имуществом должника, выступать от его имени и в его интересах в отношениях с третьими лицами, осуществить компетенцию органов управления должника и др. [1; 2]

В случае нарушения прав и законных интересов кредиторов должника, а также иных лиц, участвующих в деле о банкротстве, их защита и восстановление осуществляется путем обжалования конкретных действий (бездействия) арбитражного управляющего в арбитражный суд.

При рассмотрении жалоб на действия (бездействие) арбитражного управляющего бремя доказывания должно распределяться следующим образом: лицо, обратившееся с жалобой, обязано доказать наличие незаконного, недобросовестного или неразумного поведения арбитражного управляющего и то, что такое поведение нарушает права и законные интересы этого лица, а арбитражный управляющий обязан представить доказательства отсутствия его вины в этом поведении или обосновать соответствие его действий требованиям добросовестности и разумности с учетом конкретных обстоятельств дела.

В силу пункта 4 статьи 20.4 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» арбитражный управляющий обязан возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, которые причинены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей и факт причинения которых установлен вступившим в законную силу решением суда.

Под убытками, причиненными должнику, а также его кредиторам, понимается любое уменьшение или утрата возможности увеличения конкурсной массы, которые произошли вследствие неправомерных действий (бездействия) арбитражного управляющего, при этом права должника и конкурсных кредиторов считаются нарушенными (пункт 11 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих, информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации № 150 от 22.05.2012).

Анализ действующего законодательства и обобщение судебной практики свидетельствует о том, что в условиях отсутствия в первой и второй инстанциях арбитражных судов каких-либо рамочных ориентиров в виде разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам применения положений о неправомерных действиях арбитражного управляющего и взыскании с него убытков, правоприменительная практика арбитражных судов субъектов РФ

и апелляционных судов может войти в противоречие с правовыми позициями, высказанными Верховным Судом РФ в обзорах судебной практики и при рассмотрении Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ кассационных жалоб.

Анализ судебных дел

Рассмотрим разъяснения Верховного Суда РФ по следующим вопросам: какие сделки должника не обязан оспаривать арбитражный управляющий; какие обстоятельства должны быть установлены при рассмотрении дел о взыскании с арбитражных управляющих убытков, причиненных неоспариванием сделок должника; порядок исчисления срока исковой давности по оспариванию мнимой сделки в деле о банкротстве.

По общему правилу пропуск конкурсным управляющим срока исковой давности для оспаривания сделки является основанием для признания жалобы на его бездействие обоснованной и взыскания с управляющего убытков.

27 января 2020 г. Верховный Суд РФ вынес Определение № 308-ЭС19-18779(1,2) по иску конкурсного кредитора о взыскании с арбитражного управляющего убытков за неоспаривание сделок по реализации должником объектов недвижимости.

Из материалов дела и судебных актов следует, что Должник (имевший статус индивидуального предпринимателя до декабря 2016 года) с июля 2011 года по май 2012 года получил от Кредитора по договорам займа 12 620 000 руб., обязавшись их возвратить в декабре 2011 года и марте 2013 года, однако займы не вернул. С сентября 2011 года по апрель 2013 года Должник продал своим родственникам и иным лицам четырнадцать объектов недвижимого имущества за 4 185 000 руб., в то время, как их рыночная стоимость составляла 18 571 000 руб. Сведения о получении должником денежных средств за отчужденное имущество не представлены. 27.12.2016 возбуждено дело о банкротстве Должника, 08.02.2017 он признан банкротом, в отношении него введена процедура реализации имущества гражданина. Конкурсный кредитор в ходе процедуры банкротства неоднократно обращался к арбитражному управляющему с просьбой оспорить сделки по отчуждению четырнадцати объектов недвижимости, указывая на них как на причины, повлекшие банкротство должника. Арбитражный управляющий указанные сделки не оспорил.

После изучения материалов дела № 53-38570/2018 Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ указала, что

оспаривание сделок должника является одним из механизмов пополнения конкурсной массы. Однако, не всякое оспаривание может привести к положительному для конкурсной массы результату. Так, в частности, если сделка совершена должником или за счет должника за пределами трехлетнего периода подозрительности, исчисляемого с даты принятия судом заявления о возбуждении в отношении должника дела о банкротстве, то вполне очевидно, что ее оспаривание по основаниям, предусмотренным главой III.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», не имеет судебных перспектив на положительное удовлетворение. Следовательно, бездействие арбитражного управляющего в отношении оспаривания подобных сделок разумно и рационально и по общему правилу не может быть признано противоправным. Напротив, возбуждение по инициативе арбитражного управляющего судебных производств по заведомо бесперспективным требованиям может указывать либо на его непрофессионализм, либо на его недобросовестность.

26.10.2017 г. Верховный Суд РФ вынес Определение № 305-ЭС17-8225 по иску конкурсного кредитора к арбитражным управляющим о взыскании убытков (дело А40-137258/2010). Конкурсный кредитор обратился в Арбитражный суд с требованием о взыскании с конкурсных управляющих солидарно убытков, причиненных их бездействием, — они своевременно не оспорили сделки по отчуждению должником акций, что сделало невозможным пополнение конкурсной массы должника и привело к нарушению имущественных прав конкурсного кредитора.

Верховный Суд отметил, что если исковая давность по требованию о признании сделки недействительной пропущена по вине арбитражного управляющего, то с него могут быть взысканы убытки, причиненные таким пропуском, в размере, определяемом судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности. В силу гражданско-правового характера ответственности конкурсного управляющего убытки подлежат взысканию посредством доказывания истцом всех признаков состава правонарушения.

Верховный суд указал, установлению подлежат следующие обстоятельства:

— дата и условия совершения сделок по отчуждению должником имущества;

— период исполнения обязанностей конкурсного управляющего;

— дата, когда конкурсный управляющий узнал или должен был узнать о сделках

(начало течения срока исковой давности), а так же дата, когда об этих сделках узнали или должны были узнать последующие конкурсные управляющие;

— наличие достаточных оснований полагать о недействительности (подозрительности или предпочтительности) сделок и дата, когда каждый из конкурсных управляющих должен был знать об указанных основаниях;

— наличие у конкурсного управляющего объективных препятствий для оспаривания сделок;

— вероятность признания сделок недействительными и возможные последствия, в том числе размер денежных средств, который подлежал бы возвращению в конкурсную массу;

— размер убытков, причиненных конкретному кредитору.

Суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен сразу. В таком случае на суд возлагается обязанность определить размер подлежащих возмещению убытков с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

Для отказа в удовлетворении иска суды должны были установить отсутствие противоправности в действиях арбитражных управляющих. А отсутствие причинно-следственной связи между действиями конкурсного управляющего и убытками в заявленном истцом размере обязывало суд самостоятельно определить их размер и удовлетворить иск исходя из этой суммы.

Доводы о том, что ранее в судебном порядке не признавались действия арбитражных управляющих незаконными, несостоятельны. Суду достаточно вывода о высокой вероятности признания сделок недействительными.

Согласно разъяснениям абзаца второго пункта 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» при установлении причинной связи между нарушением обязательства и убытками необходимо учитывать, в частности, то, к каким последствиям в обычных условиях гражданского оборота могло привести подобное нарушение. Если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, является обычным последствием

допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается.

18.03.2021 г. Верховный Суд РФ вынес Определение № 304-ЭС18-4037(9) по делу А 45-7621/2015. По данному делу 24 февраля 2015 г. поставщик и Должник заключили договор поставки нефтепродуктов. В мае того же года арбитражный суд возбудил дело о банкротстве. В августе 2016 г. должник был признан банкротом.

Сделка была оспорена арбитражным управляющим 09.07.2018 г. по основаниям б1.2. ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (подозрительная сделка Должника) и общегражданские признаки мнимости сделки (кредитор не имел намерения отгрузить должнику нефтепродукты, а должник не имел намерения их оплачивать, фактически правоотношения поставки между сторонами договора не возникли). Арбитражный суд удовлетворил требования конкурсного управляющего со ссылкой на то, что у сторон оспариваемой сделки изначально отсутствовало намерение создать соответствующие договору поставки правовые последствия. Как решил суд, стороны договора заключили сделку лишь для вида и в целях причинения ущерба кредиторам нефтебазы путем включения искусственной задолженности в реестр требований кредиторов.

В дальнейшем апелляция отменила определение, отказав в удовлетворении заявления конкурсного управляющего исключительно по мотиву пропуска им годичного срока исковой давности. Вторая инстанция исчислила начало течения срока исковой давности со дня утверждения конкурсного управляющего (с 28 июля 2016 г.). Окружной суд поддержал постановление апелляционного суда.

Высшая судебная инстанция отметила, что к требованию о признании мнимой сделки недействительной применим трехлетний, а не годичный срок исковой давности (п. 1 ст. 181 ГК РФ). Дата начала течения этого срока, исчисляемая с момента утверждения конкурсного управляющего является неверной.

В п. 101 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 течение срока исковой давности по заявлениям о признании сделок недействительными, предъявленным лицом, не являющимся стороной сделки, начинается со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения. Поскольку в рассматриваемом случае речь идет о мнимой сделке, то есть сделке, не имеющей фактического исполнения, то Верховный Суд РФ указал, что срок исковой давности в указанном

случае подлежит исчислению с момента, когда конкурсный управляющий должен был узнать о формальном характере начала исполнения мнимого договора поставки.

Заключение

Пленум Верховного суда России принял Постановление от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции», указав в п. 28, что проверяя правильность применения судами первой и апелляционной инстанций норм материального и процессуального права, суд кассационной инстанции применительно к части 4 статьи 170 АПК РФ устанавливает, соответствуют ли выводы судов практике применения правовых норм, определенных постановлениями Пленума Верховного

Суда Российской Федерации и сохранившими силу постановлениями Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, постановлениями Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившими силу постановлениями Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также содержащейся в обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации.

Вышеуказанное положение следует рассматривать как универсальный принцип осуществления судебной власти и гарантию реализации права каждого на судебную защиту. Но следует отметить, что авторы ведут речь не о необходимости введения прецедентного права в России, а о возможности решения проблем в правоприменении.

Список источников

1. Лямкина А. С. Оспаривание безрезультативных сделок: столкновение интереса должника и интересов кредиторов // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 2. С. 47–51.
2. Несостоятельность (банкротство) : учебный курс : в 2 т. / под ред. С. А. Карелиной. Москва : Статут, 2019. Т. 1. 751 с.
3. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник Гражданского права. Петроград, 1916. № 6 (Октябрь). С. 56–90.
4. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник Гражданского права. Петроград, 1916. № 7 (Ноябрь). С. 85–106.
5. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник Гражданского права. Петроград, 1916. № 8 (Декабрь). С. 87–108.
6. Свит Ю. П. Понятие и значение добросовестности и разумности в современном российском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010, № 9, С. 3–9.

References

1. Liamkina A.S. Challenging of futile transactions: the clash of interests of the debtor and the interests of creditors. *Predprinimatelskoe pravo. Prilozhenie "Pravo i Biznes"* [Entrepreneurial Law. Appendix "Law and Business"]. 2020;(2):47-51. (In Russ.)
2. Karelina S.A. *Insolvency (bankruptcy): a training course*. Vol. 1. Moscow: Statute; 2019. 751 p. (In Russ.)
3. Novitsky I.B. The Principle of Good Conscience in the Draft of the Law of Obligations. *Vestnik Grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law] (Petrograd). 1916 Oct;(6):56-90. (In Russ.)
4. Novitsky I.B. The Principle of Good Conscience in the Draft of the Law of Obligations. *Vestnik Grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law] (Petrograd). 1916 Nov;(7):85-106. (In Russ.)
5. Novitsky I.B. The Principle of Good Conscience in the Draft of the Law of Obligations. *Vestnik Grazhdanskogo prava* [Bulletin of Civil Law] (Petrograd). 1916 Dec;(8):87-108. (In Russ.)
6. Svit Yu.P. The concept and meaning of good faith and reasonableness in modern Russian law. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice]. 2010;(9):3-9. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 19.07.2021.

РОЛЬ ПРОКУРОРА В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Горюнов Владимир Евгеньевич¹, Беленков Владислав Николаевич²

^{1,2}Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹vladgor60@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9066-8746

²belen7407@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию функций и полномочий прокурора, связанных с его участием в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Предметом исследования являются нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части осуществления от имени государства уголовного преследования в ходе уголовного судопроизводства, а также положения Закона «О прокуратуре Российской Федерации» в части надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Целью исследования является изучение правового положения прокурора в судебных стадиях уголовного процесса. В рамках исследования использованы общенаучные методы научного познания, такие как диалектический (анализ и синтез) и логический, а также частные методы — сравнительной-правовой, статистический, формально-юридический. В качестве эмпирического материала использовалась практика Челябинского областного суда. В работе дается характеристика деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения в суде. Сформулированы уточняющие изменения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации относительно момента, с которого прокурор становится в процессуальном смысле государственным обвинителем. Авторы уделяют особое внимание полномочию прокурора по апелляционному обжалованию судебных решений. Акцентируется внимание на право защитной функции прокурора, тесно связанной с надзором за соблюдением законодательства. Авторы приходят к выводу, что, используя полномочие по обжалованию судебных решений, прокурор выступает в защиту не своего частного интереса, а в защиту интересов государства и общества. Высказывается позиция о двойственной природе положения прокурора в судебных стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: судебное производство, государственное обвинение, надзор, апелляционное представление, правозащитная функция

Для цитирования: Горюнов В. Е., Беленков В. Н. Роль прокурора в судебных стадиях уголовного процесса // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 119–124.

Original article

ROLE OF THE PROSECUTOR IN THE TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS

Vladimir Ye. Goryunov¹, Vladislav N. Belenkov²

^{1,2}Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹vladgor60@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9066-8746

²belen7407@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the study of the functions and powers of the prosecutor associated with his participation in the judicial stages of criminal proceedings. The subject of the study are the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of implementation on

behalf of the state criminal prosecution in criminal proceedings, as well as the provisions of the Law "On Prosecutor's Office of the Russian Federation" in terms of oversight of the procedural activities of bodies of inquiry and preliminary investigation. The purpose of the study is to examine the legal position of the prosecutor in the judicial stages of criminal proceedings. General scientific methods of scientific knowledge, such as dialectical (analysis and synthesis) and logical, as well as private methods — comparative-legal, statistical, formal-legal were used in the research. The practice of Chelyabinsk regional court was used as empirical material. The work gives a characteristic of the prosecutor's activity on maintenance of public prosecution in court. The clarifying changes of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation concerning the moment from which the prosecutor becomes the public prosecutor in the procedural sense are formulated. The authors pay special attention to the power of the prosecutor to appeal against court decisions. Emphasis is placed on the prosecutor's legal protective function, which is closely linked to the supervision of compliance with the law. The authors conclude that by exercising the power of appeal against court decisions, the prosecutor represents not his private interest, but the protection of the interests of the state and society.

Keywords: judicial proceedings, public prosecution, supervision, appeal representation, human rights function

For citation: Goryunov V.Ye., Belenkov V.N. Role of the Prosecutor in the Trial Stages of the Criminal Process. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):119-124. (In Russ.)

Введение

Правовое положение прокурора и его место среди других участников уголовного процесса со стороны государства не перестают быть в центре внимания ученых-процессуалистов и практикующих юристов. Это связано как с многообразием осуществляемых им функций в ходе уголовного судопроизводства, так и назначением российской прокуратуры в целом, которая в соответствии с Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹ (далее — Закон о прокуратуре) представляет собой «единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на ее территории».

Актуальность настоящего исследования продиктована тем фактом, что прокурор является постоянно действующей и влиятельной фигурой на всех этапах уголовного судопроизводства. Он вступает в уголовный процесс с момента получения сведений о совершенном или готовящемся преступлении и осуществляет свою деятельность вплоть до пересмотра по различным основаниям вступившего в законную силу приговора суда.

Уголовно-процессуальные функции прокурора имеют различный характер в зависимости от стадий судопроизводства и соответствующих им задач, которые он призван решать. Очевидно, что сегодня невозможно представить российский уголовный процесс без

участия прокурора. Предоставленные ему полномочия в исследуемой сфере деятельности можно разделить на две группы: 1) участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу; 2) участие прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Основной целью данной работы является раскрытие теоретических воззрений на содержание деятельности прокурора по его участию в судебном производстве по уголовным делам, а также выработка авторской позиции по данному вопросу.

Описание проводимого исследования

В ч. 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее — УПК РФ) указано, что прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, установленной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. В соответствии с ч. 3 ст. 37 УПК РФ в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность.

УПК РФ дает определение понятиям «государственный обвинитель» и «прокурор». Под государственным обвинителем понимается «поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

лицо органа прокуратуры» (п. 6 ст. 5 УПК РФ). Согласно п. 31 ст. 5 УПК РФ, «прокурор» — Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры, их заместители и иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре.

С точки зрения логических законов, данные понятия соотносятся между собой как часть и целое. Прокурор — это должностное лицо органа прокуратуры, которое наделено уголовно-процессуальным законом функцией уголовного преследования и надзорными полномочиями. Из толкования положений УПК РФ явно вытекает, что государственное обвинение — это продолжение функции уголовного преследования в суде, поэтому государственной обвинитель и есть прокурор.

Учитывая данное обстоятельство, считаем необходимым внести в УПК РФ уточняющие изменения относительно момента, с которого прокурор становится в процессуальном смысле государственным обвинителем. Это можно сделать посредством внесения изменений в имеющуюся формулировку п. 6 ст. 5 УПК РФ, закрепляющей соответствующее определение, расширив ее. Также изменения можно внести в ч. 3 ст. 37 УПК РФ, изложив ее, например, следующим образом: «с момента поступления уголовного дела в суд прокурор поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность».

Вопрос о том, какую процессуальную роль выполняет прокурор на судебных стадиях уголовного судопроизводства, традиционно является одним из наиболее актуальных в отечественной правовой доктрине.

Представители дореволюционного периода развития уголовно-процессуальной науки по поводу роли органов прокуратуры в судебном производстве высказывали следующие позиции. Так, И. Я. Фойницкий подчеркивал, что прокуратура — это «не только обвинительная сторона в уголовном процессе... но вместе с тем орган... обязанный следить за правильным применением закона судебными установлениями... Государственное обвинение на основании своем имеет не начало удобства, определяемого единоличным усмотрением, а начало законности, охранение его тем более важно, что уголовное преследование... чрезвычайно тяжело отзывается на обвиняемом» [7, с. 604–605].

Видный российский государственный деятель Н. В. Муравьев отмечал, что «прокурорский надзор есть государственное установление Судебного ведомства, призванное, во-первых,

обличать или преследовать преступление перед уголовным судом и, во-вторых, наблюдать в судебной сфере за охранением законов» [4, с. 1–66].

Ученые-процессуалисты советского периода считали, что прокурор, выступая стороной в суде, не обладает на данном этапе производства какими-либо элементами функции по надзору за исполнением законов. По мнению М. С. Строговича, прокурор является исключительно обвинителем, имеющим в суде против себя только сторону защиты [5, с. 209].

Другие ученые в области уголовно-процессуальной науки, например, В. И. Басков, Д. С. Карев, Ц. М. Каз, М. Ю. Рагинский и др., полагают, что прокурор в суде по уголовным делам осуществляет, главным образом, свои надзорные полномочия. Так, Б. И. Басков утверждал, что прокурор, поддерживая государственное обвинение в суде и давая заключение по делу, выполняет исключительно функции по осуществлению надзора за соблюдением законности [2, с. 56].

По мнению третьих, в частности, Н. Н. Полянского, Р. Д. Рахунова, В. С. Тадевосяна, М. Л. Шифмана, деятельность прокурора в суде характеризуется реализацией одновременно двух процессуальных функций: надзор за законностью и поддержание государственного обвинения.

Оценивая положения действующего уголовно-процессуального закона, В. А. Лазарева делает вывод, что прокурор выступает в качестве государственного обвинителя на всех судебных стадиях уголовного судопроизводства, хотя прямо об этом в УПК РФ не сказано [3, с. 158].

Наша позиция относительно правовой природы участия прокурора в суде сводится к следующему. Известно, что процессуальный интерес по уголовному делу присущ только сторонам. У суда отсутствует собственный процессуальный интерес по уголовному делу, он не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или защиты (ч. 3 ст. 15 УПК РФ). Деятельность суда обусловлена созданием условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15 УПК РФ). По нашему мнению, прокурор, отнесенный уголовно-процессуальным законом к стороне обвинения, выступая государственным обвинителем, продолжает оставаться в судебном разбирательстве субъектом оценки доказательств, оценивая их «по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств,

руководствуясь при этом законом и совестью». Отсюда можно сделать вывод, что в силу статуса и предназначения органов прокуратуры, основной задачей государственного обвинителя по любому уголовному делу является содействие суду в вынесении законного, обоснованного и справедливого судебного решения. Поэтому в ходе реализации функции уголовного преследования прокурор не перестает быть субъектом надзорной деятельности, применяя все предоставленные ему правовые средства в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, а также принимая меры к восстановлению нарушенного права. При этом не имеет значения, чьи права были нарушены, будь то подсудимый, потерпевший, гражданский истец, свидетель и др.

Стоит сказать, что мы не одиноки в таком воззрении. Так, «в настоящее время согласно действующему законодательству, прокурор обладает тремя процессуальными функциями: 1) поддержания государственного обвинения; 2) восстановления законности; 3) надзора за соблюдением законности. Указанная «триединая» система процессуальных функций прокурора в суде составляет процессуальную основу правового статуса прокурора в судебном производстве по уголовным делам» [6, с. 87–88].

Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев пишут следующее: «Вступая в те или иные процессуальные отношения, прокурор остается носителем общей функции — высшего надзора за соблюдением законности в деятельности всех учреждений, должностных лиц и отдельных граждан» [1, с. 115].

Таким образом, деятельность прокурора в судебных стадиях уголовного процесса характеризуется многозадачностью, а его полномочия — многоаспектны. Так, прокуратуре помимо основной надзорной функции свойственны и иные, так называемые дополнительные функции, но тесно связанные с надзором. Среди таковых, например, можно выделить правозащитную функцию, однако выполняемую прокурором при определенных условиях, а именно в зависимости от их «адресности» (нужно учитывать, чьи права интересы защищаются и восстанавливаются). Тесно связанной с правозащитной является еще одно направление деятельности прокурора, реализуемое им в судебных стадиях уголовного процесса — функция прокурора по выявлению судебных ошибок, допущенных при разрешении уголовных дел по существу, и принятие мер к их устранению. Данную функцию прокурор реализует путем принесения апелляционных,

кассационных и надзорных представлений, а также участия в соответствующих судебных производствах. Особое внимание в силу своей специфики стоит уделить апелляционному производству по уголовным делам и роли в нем прокурора.

Производство в суде апелляционной инстанции регулируется гл. 45.1 УПК РФ. В силу ст. 389.2 УПК РФ в апелляционном порядке могут быть обжалованы все решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу. Правом обжалования судебного решения в апелляционном порядке наряду с другими участниками процесса наделен гособвинитель и (или) вышестоящий прокурор. Согласно ст. 389.4 УПК РФ апелляционное представление на приговор или иное решение суда первой инстанции может быть подано в течение 10 суток со дня постановления приговора или вынесения иного решения суда. Из содержания п. 14 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»¹ (далее — Приказ № 465) можно сделать вывод, что вышестоящий прокурор по отношению к государственному обвинителю, участвующему в уголовном судопроизводстве, обязан при наличии оснований своевременно обжаловать судебное решение в суд апелляционной инстанции, только если государственный обвинитель не принес апелляционное представление. Однако, согласно ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ, вышестоящий прокурор может обжаловать судебное решение одновременно с гособвинителем, в том числе он свободен в подаче дополнений к апелляционному представлению государственного обвинителя. Стоит также отметить, что Генеральный прокурор РФ пропуск прокурорами по неважной причине срока апелляционного обжалования судебного решения при наличии обстоятельств, свидетельствующих о допущенных судом нарушениях, повлекших значительные вредные последствия, рассматривает как ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей (п. 13 Приказа № 465).

Обжалуя как не вступившее, так и вступившее в законную силу (в порядке кассационного и надзорного производства) судебное решение, прокурор выступает в защиту не своего частного интереса, а в защиту интересов государства и общества.

¹ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генпрокуратуры России от 25 декабря 2012 года № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» (документ официально опубликован не был).

Результаты исследования и обсуждения

Право прокурора по обжалованию незаконного решения суда одновременно является и его обязанностью принести представление на всякое неправосудное судебное решение. Данный вывод следует из ст. 36 Закона о прокуратуре, где говорится об обязанности прокурора обжаловать любой незаконный и необоснованный приговор. Для подтверждения указанной позиции приведем в пример судебную практику Челябинского областного суда, проанализировав как статистику, так и конкретные апелляционные постановления (определения) по результатам рассмотрения поданных прокурорами апелляционных представлений. Так, в 2020 году Судебной коллегией по уголовным делам Челябинского областного суда в апелляционном порядке было рассмотрено 6900 уголовных дел и материалов¹. Из них почти каждое седьмое решение суда первой инстанции было обжаловано прокурором. Стоит отметить, что подавляющее большинство апелляционных представлений было принесено именно на обвинительные приговоры (816 уголовных дел), при этом количество обжалованных прокурором оправдательных приговоров составило всего 12. Сравнивая эти цифры, отметим, что прокурором было обжаловано в 68 раз больше обвинительных приговоров, чем оправдательных. Кроме того, за 2020 год прокурорами районных и специализированных прокуратур было обжаловано 192 материала судебного производства.

Результаты рассмотрения вышеуказанных апелляционных представлений выглядят следующим образом: 478 судебных актов оставлено без изменения; обвинительный приговор изменен по 336 делам; в 89 случаях обвинительный приговор отменен; по 6 уголовным делам оправдательный приговор был отменен. На основе этих данных мы видим, что каждый девятый обжалованный прокурором обвинительный приговор был отменен, а в каждый второй были внесены изменения.

В качестве оснований для отмены судебных решений первой инстанции прокуратуры указывали следующие:

— неправильное применение уголовного закона (например, назначение дополнительного наказания к основному наказанию без ссылки на ч. 3 ст. 47 УК РФ в тех случаях, когда

¹ Подведены итоги работы судов Челябинской области в 2020 году // Челябинский областной суд : [официальный сайт]. URL: http://oblsud.chel.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=143 (дата обращения: 19.04.2021).

санкция статьи не предусматривает дополнительное наказание²);

— существенное нарушение уголовно-процессуального закона (например, отсутствие в резолютивной части приговора указания на вид и размер наказания за каждое деяние, назначенного по совокупности преступлений³);

— несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции (например, ненадлежащая оценка юридически значимых обстоятельств по делу в той ситуации, когда суд ссылается на какие-либо доказательства по делу, но фактически не исследует и не оглашает их в судебном разбирательстве⁴);

— несправедливость назначенного наказания, как вследствие чрезмерной мягкости, так и суровости (например, неназначение дополнительного наказания в виде штрафа там, где это было необходимо⁵).

Таким образом, значение деятельности прокуратуры в данном направлении велико и подкреплено тем, что прокурор представляет в судебном разбирательстве не частные, а публичные интересы, поэтому он должен обжаловать каждое судебное решение, если придет к выводу, что при его вынесении неправильно применен уголовный закон, допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона или же он является необоснованным.

Заключение и вывод

Правовое положение прокурора в судебных стадиях уголовного процесса продиктовано осуществляемыми им задачами, вытекающими из обвинительного и правоохранительного направлений деятельности. В ходе реализации функции уголовного преследования в виде поддержания государственного обвинения в суде прокурор не перестает быть субъектом надзорной деятельности, применяя

² Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 27.03.2020 года № 10-1507/2020 // Челябинский областной суд : [официальный сайт]. URL: <http://oblsud.chel.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.05.2021)

³ Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 06.03.2020 года № 10-1050/2020 // Челябинский областной суд : [официальный сайт]. URL: <http://oblsud.chel.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.05.2021)

⁴ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 03.03.2020 года № 10-1024/2020 // Челябинский областной суд : [официальный сайт]. URL: <http://oblsud.chel.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.05.2021)

⁵ Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 12.03.2020 года № 10-787/2020 // Челябинский областной суд : [официальный сайт]. URL: <http://oblsud.chel.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.05.2021)

все предоставленные ему правовые средства в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, а также принимая меры к восстановлению нарушенного права. При этом не имеет значения, чьи права были нарушены, будь то подсудимый, потерпевший, гражданский истец, свидетель и др. Можно утверждать, что роль прокурора более многопланова, сложна и разнообразна, чем деятельность следователя и даже суда.

С учетом всего вышеизложенного мы делаем вывод, что прокурор участвует в судебном производстве по уголовному делу сразу в двух качествах:

1) как государственный обвинитель, обеспечивая законность и обоснованность судебного решения; 2) как государственный гарант обеспечения прав и законных интересов лиц и организаций, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения.

Список источников

1. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса: монография. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1980. 251 с.
2. Басков В. И. Теоретические проблемы прокурорского надзора за законностью рассмотрения уголовных дел судами : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1973. 45 с.
3. Лазарева В. А. Прокурор в уголовном процессе : учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд. испр. и доп. Москва : Юрайт, 2014. 295 с.
4. Муравьев Н. В. Задачи прокурорского надзора // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. 7. С. 1–66.
5. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Москва : Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
6. Тугутов Б. А., Прушинский Д. И. Классификация полномочий прокурора в уголовном суде // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3 (86). С. 86–91.
7. Фойницкий И. Я. Курс уголовного процесса. Санкт-Петербург : изд. В. Лесникова, 1884. Т. 1. 664 с.

References

1. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokorev L.D. *Essay on the development of science of the Soviet criminal process*. Voronezh: Voronezh University Publishing House; 1980. (In Russ.)
2. Baskov V.I. *Theoretical problems of prosecutor's supervision over the legality of the consideration of criminal cases by the courts*. [dissertation abstract]. Moscow; 1973. (In Russ.)
3. Lazareva V.A. *Prosecutor in criminal proceedings*. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Yurayt, 2014. (In Russ.)
4. Muravyov N.V. Prosecutor's supervision tasks. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava* [Journal of Civil and Criminal Law]. 1884;(Book 7):1-66. (In Russ.)
5. Strogovich M.S. *The course of the Soviet criminal procedure*. Vol. 1. Moscow: Nauka; 1968. (In Russ.)
6. Tugutov B.A., Prushinsky D.I. Classification of the powers of the prosecutor in the criminal court. *Sibirskij yuridicheskij vestnik* [Siberian Legal Bulletin]. 2019;(3):86-91. (In Russ.)
7. Foinitskiy I.Ya. *Criminal Procedure Course*. Vol. 1. St. Petersburg: V. Lesnikov Publ.; 1884. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 13.05.2021.

Научная статья
УДК:341.48

С. 125–136

АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

Татьяна Владимировна Говердовская¹, Ляйсян Маратовна Крайнюкова²

^{1,2}*Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия*

¹*tara_goya@bk.ru, ORCID: 0000-0001-6340-4764*

²*5leska5@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4411-6510*

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу законодательства и правоприменительной практики в сфере электронной торговли и борьбы с электронным мошенничеством на примере Европейского Союза и Российской Федерации. Обозначено два ключевых аспекта исследования: нормативное закрепление категории «электронная торговля» и правовой механизм противодействия электронному мошенничеству, включая криминализацию данных составов преступления, обеспечение информационной безопасности экономической сферы. В ходе исследования проведен анализ нормативных источников, среди которых акты универсальных международных организаций, Директивы Европейского союза, национальное законодательство Российской Федерации. Авторы приходят к выводу об эффективности рассмотренных регулятивных норм Европейского законодательства и их потенциального восприятия национальными правовыми системами других государств, в том числе Российской Федерации. Российское законодательство в сфере регулирования электронной торговли и борьбы с электронным мошенничеством находится в процессе становления и в большинстве представлено фрагментарным перечнем источников, применяемых по аналогии. Что в свою очередь требует систематизации и адаптации существующего правового инструментария с учетом актуальных запросов правоприменительной практики, стремительных темпов цифровизации экономики и технического прогресса. Обозначенные меры позволят создать благоприятные условия для развития глобальной дистанционной торговли, что безусловно является ключевым запросом настоящего десятилетия.

Ключевые слова: «электронная торговля», электронная коммерция, электронное мошенничество, киберпреступность, дистанционная торговля, Директивы Европейского Союза, законодательство Российской Федерации

Для цитирования: Говердовская Т. В., Крайнюкова Л. М. Анализ правовых механизмов противодействия мошенничеству в сфере электронной торговли: европейский и российский опыт // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 125–136.

ANALYSIS OF LEGAL MECHANISM FOR COMBATING E-COMMERCE FRAUD: EUROPEAN AND RUSSIAN EXPERIENCE

Tatyana V. Goverdovskaya¹, Lyaysyan M. Kraynyukova²

^{1,2}Astrakhan State University (ASU), Astrakhan, Russia

¹tara_goya@bk.ru, ORCID: 0000-0001-6340-4764

²5leska5@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4411-6510

Abstract. The article is devoted to a comparative legal analysis of legislation and legal precedents in the field of electronic commerce and the fight against Internet fraud, cases of the European Union and the Russian Federation. Two key aspects of the study are identified: the normative consolidation of “electronic commerce” and the legal mechanism for fighting Internet fraud, including the criminalization of these elements of crime, and ensuring information security of the economy. As a part of the study, an analysis of regulatory sources was carried out, including acts of universal international organizations, Directives of the European Union, national legislation of the Russian Federation. The authors come to the conclusion about the effectiveness of the considered regulatory norms of European legislation and their potential implementation by the national legal systems of other states, including the Russian Federation. Russian legislation in the field of regulation of electronic commerce and the fight against Internet fraud is in the process of formation and it is mostly represented by a fragmentary list of sources applied on the basis of analogy. This, in turn, requires the systematization and adaptation of the existing legal tools, taking into account the current needs of law enforcement, the rapid pace of digitalization of the economy and technical progress. These measures will create favorable conditions for the development of global distance selling, which is undoubtedly the key challenge of this decade.

Keywords: e-commerce, Internet fraud, cybercrime, distance selling, European Union Directives, Legislation of the Russian Federation

For citation: Tatyana V.G., Lyaysyan M.K. Analysis of Legal Mechanism for Combating e-Commerce Fraud: European and Russian Experience. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):125-136. (In Russ.)

Введение

Экономика как базовая составляющая системы государственного регулирования и управления и важнейшая сфера общественной жизни не осталась в стороне от глобальных процессов цифровизации и повсеместного внедрения информационно-коммуникационных технологий, в частности сети Интернет. Электронная торговля (англ. Electronic Commerce) как новый способ осуществления коммерческой деятельности посредством сети Интернет, является неотъемлемой составляющей процесса глобализации и развития экономики информационного общества.

Внедрение электронного способа ведения бизнеса порождает определенные сложности, связанные с необходимостью разработки правовых механизмов для регулирования новой сферы общественных отношений, в том числе и при разработке категориального аппарата данного явления. Кроме того, следует отметить тот факт, что серьезным препятствием

на пути развития электронной торговли является киберпреступность в целом как любая преступная деятельность, совершаемая в сфере или с использованием цифровых технологий, и ее частное проявление — мошенничество в сфере электронной торговли. Электронная торговля как новая форма экономической деятельности, а точнее сам механизм осуществления этой деятельности, с применением цифровых технологий, глобальной сети Интернет неизбежно вызывает интерес со стороны криминальных элементов, использующих как технологические, так и правовые «лазейки», значительно затрудняющие, а порой, делающие невозможным их обнаружение, идентификацию, фиксацию доказательств, и привлечение к уголовной ответственности.

Представляется, что своевременный и эффективный законодательный ответ на вышеобозначенные запросы правоприменительной практики невозможен без комплексного исследования, посвященного обзору существующего

нормативно-правового инструментария в сфере регулирования электронной торговли как новой формы экономической деятельности, а также в сфере борьбы с определенными составами киберпреступлений, характерными для данного вида деятельности. Что, в свою очередь, подтверждает актуальность обращения к выбранной теме исследования.

Целью исследования является сравнительно-правовой анализ законодательства и правоприменительной практики в сфере электронной торговли на примере Европейского Союза (далее — ЕС) и Российской Федерации, что позволит в конечном итоге выявить пробелы в российском законодательстве и выработать рекомендации по возможной имплементации наиболее прогрессивных правовых моделей. Выбор обозначенных правовых систем не случаен и вполне обоснован в силу того, что этот опыт представляет особый интерес для исследования, поскольку правовые системы стран Европы и Российской Федерации имеют единые корни, а экономические процессы тесно взаимосвязаны. Между тем, процессы масштабной цифровизации, охватившей многие сферы государственного функционирования, включая торгово-экономическую деятельность, получили свое распространение в Европейском регионе несколько раньше, чем в Российской Федерации. Что дает основание предполагать, что законодательные модели ЕС в обозначенных сферах являются более проработанными и испытанными.

Для достижения указанных целей были поставлены следующие задачи:

— изучение нормативных подходов к определению категории «электронная торговля», закрепленных как на уровне законодательства ЕС, РФ, так и в ряде международных документов;

— сравнительный анализ правовой базы источников, регламентирующих отношения в сфере электронной коммерции и правового механизма борьбы с мошенничеством в сфере электронной торговли в системе противодействия киберпреступности в ЕС и РФ.

Материал и методы

Нормативная база в сфере регулирования электронной торговли и борьбы с электронным мошенничеством в рамках Европейского союза и Российской Федерации. Материалами исследования послужили акты универсальных международных организаций, Директивы Европейского союза, национальное законодательство Российской Федерации. Методологическую основу исследования составили традиционные для юридических работ

общенаучные и частнонаучные методы познания, в частности метод сравнительно-правового анализа.

Описание исследования

1. Нормативные подходы к определению категории «электронная торговля».

История развития электронной коммерции связана с внедрением системы бронирования авиабилетов в начале 60-х годов прошлого века [5, с. 55]. По истечении столь продолжительного периода времени единого определения электронной коммерции или электронной торговли так и не было выработано. Причем унифицированного взгляда нет ни среди ученых, ни среди законодателей. Так, ряд ученых отождествляют понятия «электронная торговля» и «электронная коммерция» [10, с. 189]. Некоторые авторы сводят электронную коммерцию к Интернет-торговле [2, с. 153]. По их мнению, Интернет-торговля (электронная коммерция, e-commerce) — термин, используемый для обозначения коммерческой активности в сети Интернет, которая обеспечивает возможность осуществления покупок, продаж, сервисного обслуживания, проведения маркетинговых мероприятий путем использования компьютерных сетей, в том числе и Интернет [7, с. 58].

Документы универсальных международных организаций. Прежде отметим ряд универсальных международных подходов к определению понятия «электронная торговля». Так, в 1996 году была предпринята попытка «содействовать прогрессивному согласованию и унификации права международной торговли» путем принятия Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле¹. При этом необходимо отметить, что сам Закон не содержит определения «электронная торговля». В преамбуле указывается на то, что сделки, заключаемые с помощью электронного обмена данными и других средств передачи данных, принято считать электронной торговлей. Несмотря на то, что преамбула является неотъемлемой частью международного договора и, безусловно, важна при толковании, тем не менее, считать определение электронной торговли, указанное в преамбуле, нормативным, не представляется возможным.

Декларация ВТО о глобальной электронной торговле 1998 г. под «электронной

¹ Типовой закон об электронной торговле Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли 1996 г. // Организация Объединенных Наций (директива о злоупотреблении на рынке) : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/commerce.shtml (дата обращения: 12.04.2021).

коммерцией» (цифровой коммерцией) понимает любую сделку, осуществляемую через Интернет или посредством доступа в Интернет, включая продажу, аренду, поставку товаров, услуг или информации. Эта же Декларация предполагает, что любая деловая сделка, цена или существенные условия которой были согласованы через онлайн-овую систему, такую, как Интернет, Экстранет, электронную сеть обмена данными или электронную почтовую систему следует относить к электронной торговле. Отличительной чертой Декларации ВТО является то, что в понятие электронной торговли (электронной коммерции) ВТО также включает все аспекты электронной купли-продажи, в том числе и маркетинговые сквозные сделки с потребителями и онлайн-аукционы, а также производство, рекламу, продажу и продвижение товара посредством телекоммуникационных сетей. Не относятся к электронной торговле все сделки, заключенные по факсу, коммутируемой телефонной сети, посредством электронной почты, если условия были согласованы в автономном режиме, или заказ был набран вручную¹.

Законодательство Европейского Союза. В 1996 г. ЕС начал работу по созданию базового документа, заложившего правовые основы и рамки для развития электронной коммерции, что было обозначено в качестве цели в «Европейской инициативе в области электронной коммерции» 1997 г. [6] В июне 2000 г. была принята Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции» (Директива об электронной коммерции)². Государствам-членам было предписано привести свое законодательство в соответствие с Директивой в срок до 17 января 2002 г. Принятие Директивы можно расценивать в качестве значимого шага по созданию универсальной правовой базы. Иные Директивы и рамочные

¹ Declaration on global electronic commerce : 25 May 1998 WT/MIN(98)/DEC/2 [Декларация о глобальной электронной торговле] // World Trade Organization (WTO) : [сайт]. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/MIN98/DEC2.pdf&Open=True> (дата обращения: 12.04.2021).

² О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции (Директива об электронной коммерции) : Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза (Принята в г. Люксембурге 08.06.2000) (Вместе с «Исключениями из статьи 3») // Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) : [сайт]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/txnreg/depstanmer/consumer_rights/Documents/Директива 2000 31 ЕС Об электронной торговле.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

решения касались лишь отдельных сегментов электронной коммерции, таких как дистанционная торговля, финансовые услуги, электронные платежи, интеллектуальная собственность, электронный документооборот³.

Ключевое значение Директивы об электронной коммерции состоит в том, что она устанавливает правовые рамки, общие положения и базовые принципы для развития рынка электронной коммерции. Так, ст. 2 Директивы № 2000/31/ЕС дает трактовку некоторых категорий. Представляется, что ключевым является понятие «информационные общест-венные услуги»: любые услуги, которые предоставляются по индивидуальному запросу получателя услуг, как правило, за вознаграждение, на расстоянии посредством электронного оборудования, которое используется для переработки (включая цифровое сжатие и сохранения информации). Пункт 18 содержит важное уточнение перечня сфер экономической деятельности, охватываемых понятием «информационные услуги» и указывает, что «данные виды деятельности, в частности, могут включать в себя продажу товаров в режиме online». Таким образом, понятие «информационные услуги» включает в себя существенные признаки «электронной торговли» (как новой формы экономической деятельности по продаже товаров в режиме online с использованием электронных средств, глобальной сети Интернет).

В этой связи также стоит отметить Директиву 97/7/ЕС Европейского парламента и Совета от 20 мая 1997 г. о защите потребителей в связи с договорами, заключаемыми на расстоянии⁴. В преамбуле документа отмечается

³ Директива 97/7/ЕС Европейского парламента и Совета от 20 мая 1997 г. о защите потребителей в отношении дистанционных договоров (дистанционная продажа) ; Директива 97/66/ЕС Европейского парламента и Совета от 15 декабря 1997 г., касающаяся обработки персональных данных и охраны тайны частной жизни в телекоммуникационном секторе ; Директива Европейского парламента и Совета 1999/93/ЕС от 13 декабря 1999 г. о правовых основах Сообщества для электронных подписей ; Директива 2000/46/ЕС Европейского парламента и Совета от 18.09.2000 о деятельности в сфере электронных денег и преюдициальном надзоре над осуществляющими ее учреждениями ; Рекомендации 97/489/ЕС от 30.07.1997 относительно операций, совершаемых посредством электронных платежных инструментов, и в особенности отношений между эмитентом и держателем ; Директива 2000/46/ЕС Европейского парламента и Совета от 18 сентября 2000 г. о занятии, осуществлении и надзоре за предпринимательской деятельностью учреждений в сфере электронных денег.

⁴ On the Protection of Consumers in Respect of Distance Contracts Directive 97/7/EC of the European Parliament and of the Council of 20 May 1997 [О защите потребителей

существенное значение для потребителей трансграничной торговли на расстоянии как одного из результатов формирования единого внутреннего рынка. При этом обозначенная «трансграничная торговля на расстоянии» понимается как поставка товаров и услуг без контакта сторон, организованная поставщиком, с использованием дистанционных средств связи. Указанные характеристики также могут быть применимы к определению понятия «электронная торговля».

Таким образом, правовая сторона программы электронной коммерции связана с формированием нового, единообразного законодательства на уровне ЕС. Стоит отметить, что перечень источников, образующих правовую базу в данной сфере достаточно обширен, охватывает множество Директив, посвященных самым различным аспектам новой формы экономической деятельности, таких, как дистанционная торговля, финансовые услуги, электронные платежи, интеллектуальная собственность, электронный документооборот, защита персональных данных, и др. Между тем, европейский законодатель не формулирует единого определения понятия «электронная торговля», ограничиваясь при этом более общим подходом, обозначив характерные особенности данного вида экономической деятельности через определение сферы применения Директив, характера правоотношений, их субъектного состава, закрепления различных форм осуществления электронной торговли в зависимости от конечных заинтересованных сторон.

Законодательство Российской Федерации. Далее обратимся к обзору российского законодательства на предмет нормативного закрепления категории «электронная торговля» и правовой регламентации данной сферы. Прежде всего необходимо отметить, что действующее российское законодательство, нормы которого могут тем или иным образом быть применены к регулированию отношений в сфере «электронной торговли», представлено весьма обширным, но фрагментарным и несистематизированным перечнем источников. Несмотря на отсутствие комплексной правовой базы в сфере регламентации Интернет отношений, правового статуса, режима управления

по договорам, заключаемым дистанционным способом : Директива № 97/7/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 20 мая 1997 года : документ утратил силу 13 июня 2014 года в соответствии с Директивой № 2011/83/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 25.10.2011] // Official Journal of the European Union. 1997. Vol. 40, iss. L 144. P. 19–28. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:1997:144:FULL&from=EN> (дата обращения: 10.04.2021).

и использования сети Интернет, непосредственно регламентации электронной торговли как новой формы предпринимательской деятельности, ряд нормативно-правовых актов может быть применим к регулированию отношений в данной сфере посредством аналогии [3, с. 230].

На том основании, что электронная коммерция является формой предпринимательской деятельности, к регулированию данных отношений могут быть применены положения части первой Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (далее — часть первая ГК РФ)¹. Закон содержит понятие предпринимательской деятельности, характеристики ее субъектного и объектного состава.

Исходя из того, что договор (как форма заключения сделки — центрального элемента предпринимательской деятельности в целом, электронной торговли, в частности) составляет основу предпринимательской деятельности, стоит выделить и часть вторую Гражданского кодекса РФ от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (далее — часть вторая ГК РФ)², которая регламентирует порядок возникновения, изменения и прекращения отдельных видов обязательств.

В связи с тем, что электронная коммерция подразумевает ведение электронного документооборота, должен быть урегулирован вопрос о том, каким образом можно удостовериться, что документ исходит от стороны сделки. Данная задача решается Федеральным законом от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее — ФЗ об электронной подписи) [1, с. 118].

Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»³ (далее — ФЗ об информации) предоставляет право «на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; на применение информационных технологий; на обеспечение защиты информации».

В дополнение Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»⁴ (далее — ФЗ о персональных данных)

¹ Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

³ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

⁴ О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

также обеспечивает право на защиту персональной информации при ее обработке органами государственной власти и местного самоуправления, физическими и юридическими лицами, в том числе с использованием электронных средств.

Федеральный закон от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»¹ (далее — ФЗ об НПС) «устанавливает основы национальной платежной системы, регулирует порядок оказания платежных услуг, использования электронных средств платежа, деятельность субъектов национальной платежной системы, а также определяет требования к организации и функционированию платежных систем, порядок осуществления надзора и наблюдения».

Федеральный закон от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»² (далее — ФЗ о торговой деятельности) касается отношений, «возникающих между органами государственной власти, органами местного самоуправления и хозяйствующими субъектами... при осуществлении ими торговой деятельности».

Нельзя не упомянуть Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»³, который «регулирует отношения между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товара (работы, услуги) надлежащего качества, получение информации, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав». В 2004 г. в указанный закон была включена ст. 26.1 «Дистанционный способ продажи товаров».

Проект Стратегии развития торговли в РФ до 2025г. включает в себя раздел о развитии электронной торговли. Названный проект разграничивает электронную торговлю, интернет торговлю и электронную коммерцию, предлагая определения для каждого вида. Так, *электронная коммерция* — сфера экономики, включающая все торговые и финансовые

транзакции, осуществляемые при помощи компьютерных сетей. *Электронная торговля* — форма торговли, осуществляемая с использованием информационных систем, информационно-коммуникационной сети Интернет или иных коммуникационных процедур посредством электронных транзакций в сети Интернет или иных коммуникационных сетях. При этом, платежи, доставка товара или оказание услуги могут осуществляться как online, так и offline. В свою очередь *интернет-торговля* — форма электронной торговли в сфере розничной торговли (B2C), при которой ознакомление покупателя с товаром и условиями продажи, а также сообщение продавцу о намерении купить товар происходит посредством информационно-коммуникационной сети Интернет⁴.

Следует отметить, что в действующем законодательстве Российской Федерации можно найти применение различных терминов, характеризующих данный вид деятельности, а именно «электронная торговля», «интернет-торговля», «электронная коммерция», однако единообразно понимаемое и применяемое определение в законодательстве РФ отсутствует, что порождает значительно количество доктринальных определений. На основе их анализа можно выделить исходные критерии, которые заложены в основу сущностного понимания категории «электронная торговля».

Согласно первому подходу определение «электронной торговли» формулируется через деятельность. То есть именно «деятельность» выступает сущностной характеристикой, а далее происходит некоторое смешение терминов, поскольку ряд авторов определяют ее как «экономическую деятельность» (осуществляемую с использованием информационных технологий — С. Косарев [4, с. 27]), некоторые авторы определяют ее как «коммерческую деятельность» (в любой сфере бизнеса, осуществляемую с помощью информационно-коммуникационных технологий и систем — Л. А. Брагин [9, с. 14]), также предложена формулировка «электронная экономическая деятельность» (А. А. Тедеев [8]). Здесь следует внести определенную ясность и отметить тот факт, что термин «экономическая деятельность» можно рассматривать как некое родовое понятие по отношению к категориям «предпринимательской» и «коммерческой» деятельности. В свою очередь, коммерческая деятельность как деятельность, связанная исключительно с куплей-продажей,

⁴ Стратегия развития электронной торговли в Российской Федерации на период до 2025 г. : проект / СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/51181.html/> (дата обращения: 12.04.2021).

¹ О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

² Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 2.

³ О защите прав потребителей : Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

является составной частью предпринимательской деятельности. При этом последняя включает в себя также иные сделки, помимо обозначенной купли-продажи. В этой связи вполне обоснованной выглядит попытка некоторых авторов определить категорию «электронная торговля через совокупность сделок». Нормативное определение «сделки» закреплено в ст. 153 Гражданского кодекса РФ как «действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей». Сделка выступает центральным элементом электронной торговли. В связи с чем такой подход представляется вполне обоснованным. В частности, он закреплен в Типовом законе ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле», в Проекте Федерального закона «Об электронной торговле» (Л. С. Маевский и др.)¹. Между тем, стоит учесть, что перечисление полного перечня сделок является не вполне удачной нормативной конструкцией, поскольку подобное определение представляется усложненным, и требует постоянного обновления перечня путем включения новых форм сделок, соответствующих запросам правоприменительной практики, изменениям в экономике и технологическому развитию.

Далее следует отметить, что вторым неотъемлемым элементом электронной торговли является наличие технологического аспекта, а именно «осуществление сделок с использованием информационно-коммуникационных технологий, в частности сети Интернет». При этом как в доктрине, так и в законодательстве указанный технологический элемент раскрывается через различные формулировки: «сеть Интернет», «информационно-коммуникационные технологии и сети», «инструменты реализации электронной торговли (телефон, факс, кредитная карта, дебетовая карта, Интернет и др.)», «электронные документы», «электронные сообщения». Необходимость и обоснованность включения технологического аспекта в определение понятия «электронная торговля» не вызывает сомнения. Между тем, при подобной формулировке следует избегать включения перечня конкретных технических устройств, учитывая темпы и непрерывный характер технологических изменений. Стоит использовать общие формулировки с указанием на информационно-коммуникационные технологии в целом, и технологическую глобальную сеть (подразумеваемая Интернет).

¹ Об электронной торговле : проект федерального закона № 11081-3 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ase=PRJ&n=6910#048746396834827643> (дата обращения: 10.04.2021).

Исходя из этого, можно выделить содержательные элементы понятия «электронная торговля», а именно: 1. Это предпринимательская деятельность; 2. Сделки выступают центральным элементом; 3. Осуществляется посредством использования информационно-коммуникационных технологий, главным образом сетей.

2. Анализ правовых механизмов противодействия мошенничеству в сфере электронной торговли на примере законодательства Европейского Союза и Российской Федерации.

Законодательство Европейского Союза. Далее обратимся к анализу второго аспекта исследования, а именно проблеме обеспечения информационной безопасности и борьбы с мошенничеством в сфере электронной торговли в рамках правовой системы ЕС. Политика обеспечения информационной безопасности и противодействия киберпреступности в Европейском Союзе базируется на ряде программных документов, среди которых Стратегия безопасности информационного общества «Диалог, партнерство и расширение возможностей», Стратегия безопасности информационного общества в Европе 2007 г., Стратегия 2009 г. «Защита Европы от крупномасштабных кибератак и сбоев: повышение готовности, безопасности и устойчивости», в 2013 г. страны-члены ЕС согласовали Стратегию безопасности в киберпространстве². Основным законодательным актом в данной области стала Директива о сетевой и информационной безопасности (Network and Information Security (NIS) Directive)³. Директива устанавливает для государств-членов ЕС обязанность утвердить стратегию сетевой и информационной безопасности на национальном уровне. Ключевое значение Директивы в сфере информационной безопасности заключается в том, что она:

1. Устанавливает базовые правовые положения по вопросам реализации механизма сотрудничества. 11 сентября 2012 г. в соответствии с Директивой ЕС создает постоянную

² Согласованная Директива ЕС по кибербезопасности // Агентство Allen and Overy : [сайт]. URL: <http://internetinside.ru/author/agentstvo-allen-and-overly/> (дата обращения: 05.04.2021).

³ Concerning measures for a high common level of security of network and information systems across the Union : Directive (EU) 2016/1148 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2016 [О мерах по обеспечению высокого уровня общей безопасности сетевых и информационных систем в рамках Союза] // Official Journal of the European Union. 2016. Vol. 59, iss. L 194. P. 1–30 URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=C ELEX:32016L1148&from=EN> (дата обращения: 10.04.2021).

группу реагирования на компьютерные происшествия (CERT-EU) для учреждений, агентств и органов ЕС.

2. Определяет критерии, обязательные требования и меры ответственности для операторов жизненно-важных услуг в таких сферах, как энергетика, транспорт, банковская сфера, биржевая деятельность, здравоохранение, водоснабжение, цифровая инфраструктура.

Таким образом, Директива о сетевой и информационной безопасности имеет важное значения для создания Единого цифрового рынка, развития электронной коммерции, поскольку способствует созданию единых правил которых будут придерживаться компании, работающие в любой из стран Европейского Союза.

Среди законодательных актов ЕС, способствующих борьбе с киберпреступностью, коррупцией, мошенничеством и отмыванием денег следует назвать:

— Директива 2011/92/EU о борьбе с сексуальной эксплуатацией детей в интернете и детской порнографии¹;

— Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation /GDPR)²;

¹ On Combating the Sexual Abuse and Sexual Exploitation of Children and Child Pornography, and replacing Council Framework Decision 2004/68/JHA : Directive 2011/92/Eu of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 [О борьбе с сексуальными надругательствами и сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией, и замене рамочного решения Совета 2004/68/JHA : Директива 2011/92/EU Европейского парламента и Совета от 13 декабря 2011 года] // Official Journal of the European Union. 2011. Vol. 52, iss. L 335. P. 1–14. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2011:335:0001:0014:EN:PDF> (дата обращения: 10.04.2021).

² On the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) : Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 [О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общее положение о защите данных) : Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г.] // Official Journal of the European Union. 2016. Vol. 59, iss. L 119. P. 1–88. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2016:119:FULL&from=EN> (дата обращения: 10.04.2021).

— Директива 2013/40/EU Европейского парламента и Совета от 12 августа 2013 г. о нападениях на информационные системы и замене Рамочного решения Совета 2005/222/JHA (известная как «Директива о киберпреступности»)³;

— Директива Европейского парламента и Совета 2014/42/EU от 3 апреля 2014 года о замораживании и конфискации орудий и доходов от преступлений в Европейском союзе⁴;

— Директива Европейского парламента и Совета 2014/57/EU от 16 апреля 2014 года об уголовных санкциях за злоупотребление на рынке (директива о злоупотреблении на рынке)⁵;

— Директива Европейского парламента и Совета 2014/62/EU от 15 мая 2014 года о защите евро и других валют от подделок уголовным законодательством и замене Рамочного решения Совета 2000/383/JHA⁶;

³ On attacks against information systems and replacing Council Framework Decision 2005/222/JHA : Directive 2013/40/EU of the European Parliament and of the Council of 12 August 2013 [Об атаках на информационные системы и о замене Рамочного решения Совета 2005/222/JHA : Директива Европейского парламента и Совета ЕС 2013/40/ЕС от 12 августа 2013 г.] // Official Journal of the European Union. 2013. Vol. 56, iss. L 218. P. 8–14. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2013:218:FULL&from=EN> (дата обращения: 10.04.2021).

⁴ On the freezing and confiscation of instrumentalities and proceeds of crime in the European Union : Directive 2014/42/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 [О замораживании и конфискации орудий преступления и доходов от преступной деятельности в Европейском союзе : Директива Европейского парламента и Совета ЕС 2014/42/EU от 3 апреля 2014 г.] // Official Journal of the European Union. 2014. Vol. 57, iss. L 127. P. 39–50. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2014:127:FULL&from=RO> (дата обращения: 10.04.2021).

⁵ On criminal sanctions for market abuse (market abuse directive) : Directive 2014/57/EU of the European Parliament and of the Council of 16 April 2014 [Об уголовных санкциях за злоупотребления на рынке (Директива о злоупотреблениях на рынке) : Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2014/57/EU от 16 апреля 2014 г.] // Official Journal of the European Union. 2014. Vol. 57, iss. L 173. P. 179–189. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2014:173:FULL&from=EN> (дата обращения: 10.04.2021).

⁶ On the protection of the euro and other currencies against counterfeiting by criminal law, and replacing Council Framework Decision 2000/383/JHA : Directive 2014/62/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 [Об уголовно-правовой защите евро и других валют от подделок и о замене Рамочного решения 2000/383/ПВД Совета ЕС : Директива Европейского Парламента и Совета ЕС 2014/62/EU от 15 мая 2014 г.] // Official Journal of the European Union. 2014. Vol. 57, iss. L 151. P. 1–8. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2014:151:FULL&from=EN> (дата обращения 10.04.2021).

— Директива (ЕС) 2017/1371 Европейского парламента и Совета от 5 июля 2017 года о борьбе с мошенничеством в финансовых интересах Союза посредством уголовного права¹;

— Директива (ЕС) 2019/713 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 года о борьбе с мошенничеством и подделкой неденежных платежных средств и замене Рамочного решения Совета 2001/413/JHA².

Рассмотрим более подробно некоторые из контрмер, позволивших взять под контроль, и даже снизить уровень мошенничества за последние годы в ЕС.

Одной из важных мер послужила масштабная реформа, направленная на создание единой обновленной правовой базы в сфере реализации права на защиту персональных данных. Утечка персональных данных, их последующая перепродажа и незаконное использование являются одной из неотъемлемых элементов многих видов мошенничества в сфере электронных платежей. В рамках этой реформы были обновлены ключевые законодательные акты ЕС. Директива ЕС О защите данных 95/46/ЕС была заменена Общим Регламентом по защите данных (General Data Protection Regulation), принят Европейским парламентом 17 декабря 2015 г., вступил в силу 25 мая 2018 г.³ Регламент имеет прямое

действие в государствах-членах ЕС и не требует дополнительной имплементации его положений на уровне национального законодательства. Примечательно, что действие Регламента распространяется на юридических и физических лиц, реализующих свою деятельность по обработке персональных данных вне пределов ЕС, если обработка данных касается предоставления товаров и услуг субъектам данных в ЕС. Регламент GDPR вводит новые требования к защите персональных данных, конкретизирует действовавшие ранее положения Директивы ЕС О защите данных 95/46/ЕС, дополнив их системой принципов, связанных с обработкой персональных данных [11, с. 29].

13 ноября 2007 принята Директива 2007/64/ЕС Европейского парламента и Совета от года о платежных услугах на внутреннем рынке (PSD)⁴. С 2008 г. в рамках реализации положений Директивы и с целью интеграции европейского платежного рынка осуществляется создание Единой платежной еврозоны SEPA (Single Euro Payments Area). Инициатива SEPA направлена на устранения различий между внутренними и трансграничными платежами, разработку согласованных схем и принципов осуществления электронных евро платежей. Важнейшим политическим органом в координировании деятельности SEPA является Европейский платежный совет (EPS). Повышение безопасности платежей является одним из необходимых условий доверия потенциальных клиентов и укрепления единого платежного рынка. Ежегодно Европейский платежный совет формирует Доклад о последних тенденциях в сфере угроз безопасности, видах мошенничества и рекомендациях о возможных мерах минимизации рисков. Обновление Директивы произошло в 2015 г. в процессе утверждения Директивы 2015/2366/ЕС Европейского Парламента и Совета от 25 ноября 2015 года о платежных

¹ On the fight against fraud to the Union's financial interests by means of criminal law : Directive (EU) 2017/1371 of the European Parliament and of the Council of 5 July 2017 [О борьбе с мошенничеством в финансовых интересах Союза средствами уголовного права : Директива (ЕС) 2017/1371 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 5 июля 2017 года] // Official Journal of the European Union. 2017. Vol. 60, iss. L 198. P. 29–41. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2017:198:FULL&from=EN> (дата обращения 10.04.2021).

² Judicial cooperation in criminal matters [Сотрудничество судебных органов по уголовным делам] // Fact Sheets on the European Union : [сайт]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/155/judicial-cooperation-in-criminal-matters> (дата обращения: 15.04.2021).

³ On the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) : Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 [О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общее положение о защите данных) : Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г.] // Official Journal of the European Union. 2016. Vol. 59, iss. L 119. P. 1–88. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2016:119:FULL&from=EN> (дата обращения 10.04.2021).

⁴ On payment services in the internal market amending Directives 97/7/EC, 2002/65/EC, 2005/60/EC and 2006/48/EC and repealing Directive 97/5/EC : Directive 2007/64/EC of the European Parliament and of the Council of 13 November 2007 [О платежных услугах на внутреннем рынке и о внесении изменений в Директивы 97/7/ЕС, 2002/65/ЕС, 2005/60/ЕС и 2006/48/ЕС и об отмене Директивы 97/5/ЕС : Директива № 2007/64/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза : Документ утратил силу 13 января 2018 года в соответствии с Директивой № 2015/2366 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 25.11.2015] // Official Journal of the European Union. 2007. Vol. 50, iss. L 319. P. 1–36. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2007:319:FULL&from=HR> (дата обращения: 15.04.2021).

услугах на внутреннем рынке (PSD 2)¹, отменяющая Директиву 2007/64/ЕС.

Еще один значимый документ, принятый с целью повышения уровня доверия потребителей и создания благоприятных условий для развития электронной коммерции — Директива 2005/29/ЕС Европейского парламента и Совета от 11 мая 2005 года о недобросовестной коммерческой практике между потребителями на внутреннем рынке². Директива обеспечивает защиту потребителей от недобросовестной и вводящей в заблуждение коммерческой практики и установление согласованных правил в этой сфере. Директива устанавливает гарантии того, что потребители не будут введены в заблуждение или подвергнуты агрессивному маркетингу, и что любое утверждение, сделанное трейдерами в ЕС, является ясным, точным и обоснованным, позволяя потребителям делать осознанный и значимый выбор.

Очевидно, что ЕС намерен усилить борьбу с киберпреступностью, сосредоточив значительные усилия, в частности на области борьбы с мошенничеством в сфере электронных платежей с целью повышения доверия и безопасности в процессе электронной торговли товарами и услугами и работе с персональными данными.

¹ On payment services in the internal market, amending Directives 2002/65/EC, 2009/110/EC and 2013/36/EU and Regulation (EU) No 1093/2010, and repealing Directive 2007/64/EC : Directive (EU) 2015/2366 of the European Parliament and of the council of 25 November 2015 [О платежных услугах на внутреннем рынке и внесении изменений в Директивы 2002/65/ЕС, 2009/110/ЕС и 2013/36/ЕС и Регламент (ЕС) № 1093/2010, а также об отмене Директивы 2007/64/ЕС : Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза № 2015/2366 от 25 ноября 2015 года] // Official Journal of the European Union. 2015. Vol. 58, iss. L 337. P. 35–127. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2015:337:FULL&from=EN> (дата обращения: 15.04.2021).

² Concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council and Regulation (EC) No 2006/2004 of the European Parliament and of the Council (“Unfair Commercial Practices Directive”) : Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 [О недобросовестной коммерческой практике на внутреннем рынке и внесении изменений в Директиву Совета 84/450/ЕЕС, Директивы 97/7/ЕС, 98/27/ЕС и 2002/65/ЕС Европейского парламента и Совета и Регламент (ЕС) № 2006/2004 Европейского парламента и Совета («Директива о недобросовестной коммерческой практике») : Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2005/29/ЕС от 11 мая 2005 г.] // Official Journal of the European Union. 2005. Vol. 48, iss. L 149. P. 22–39. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:2005:149:FULL&from=EN> (дата обращения: 15.04.2021).

Законодательство Российской Федерации. Обращаясь к анализу правового механизма борьбы с мошенничеством в сфере электронной торговли в РФ, следует отметить, что данный вид преступной деятельности не находит непосредственного закрепления в уголовном законодательстве РФ, но может быть криминализован путем применения квалифицированных составов традиционного мошенничества, а именно: ст. 159.3 «мошенничество с использованием электронных средств платежа»; ст. 159.6 «мошенничество в сфере компьютерной информации»³.

Так, ст. 159.3 предусматривает ответственность за совершение мошеннических действий с электронными средствами платежа. Понятие «электронных средств платежа» содержится в Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021)⁴ — средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверяать и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств. Учитывая способ осуществления электронной торговли с использованием информационно-коммуникационных технологий, сети Интернет, и применяемый при этом способ осуществления расчетов посредством электронных платежей, данный состав преступления может быть применен, в частности, при квалификации мошенничества в сфере электронной торговли.

Следующий состав «мошенничество в сфере компьютерной информации», под которым по смыслу ст. 159.6 следует понимать «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» также может быть потенциально применен при квалификации преступных деяний, совершенных в сфере электронной торговли, что также обусловлено наличием

³ Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ / Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

технологического элемента. Кроме того, Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерно-го доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по ст. 272, 273 или 274.1 УК РФ, предусматривающим ответственность за совершение преступных деяний в сфере компьютерной информации.

Представляется, что применение обозначенных уголовно-правовых норм для криминализации отдельных составов мошенничества в сфере электронной торговли вполне обосновано, между тем недостаточно, поскольку данные составы преступлений не учитывают особенности мошеннических действий непосредственно в сфере торговли, что свидетельствует о наличии пробела в законодательстве РФ, в конечном итоге снижает эффективность противодействия новому виду преступности — киберпреступности.

Заключение

Таким образом, на основе сравнительного анализа изученной нормативно-правовой базы источников регулирования отношений в сфере электронной торговли на примере ЕС и РФ можно сделать вывод о том, что рассмотренные регулятивные меры ЕС являются весьма эффективными и показательными для восприятия национальными правовыми системами иных государств, в частности Российской Федерации, законодательство которой является менее совершенным в рассматриваемой сфере. Необходимо отметить, что действующее российское законодательство, нормы которого могут тем или иным образом быть применены к регулированию отношений в сфере «электронной торговли», представлено весьма

обширным, но фрагментарным и несистематизированным перечнем источников. Представляется, что выявленные пробелы в российском законодательстве могут быть частично устранены посредством возможной имплементации наиболее прогрессивных правовых моделей, разработанных и реализуемых в рамках ЕС.

Немаловажным является тот факт, что цифровизация экономики, применение электронных платежных средств, внедрение безналичных способов расчета предоставляют широкие возможности для развития новых форм мошенничества. Механизмы электронной торговли могут быть использованы в преступных целях. Кража персональных данных и информации, мошенничество в сфере электронных платежей и обращения банковских карт, кибератаки в банковском секторе негативным образом отражаются на развитии электронной торговли и снижают уровень доверия потребителей к цифровым операциям и электронным платежам.

Представляется, что разработка комплексного нормативно-правового инструментария в сфере регулирования электронной торговли как новой формы экономической деятельности, а также в сфере борьбы с определенными составами киберпреступлений, характерными для данного вида деятельности является первостепенной задачей как на уровне международного права, в частности региональных международных организаций, так и на уровне национального законодательства государств. Реализация подобных законодательных реформ позволит создать необходимые условия для ускорения торговли, как таковой, а также для развития глобальных дистанционных торговых отношений, что безусловно является ключевым запросом настоящего десятилетия, как со стороны потребителей, так и с позиций изготовителей и продавцов товаров и услуг.

Список источников

1. Гаврилов Н. К. Нормативно-правовая база электронной торговли в России // Право и политика. 2009. № 1. С. 118–128.
2. Голдовский И. М. Безопасность платежей в Интернете. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 240 с.
3. Корнева С. С. Развитие электронной торговли в Российской Федерации // Известия ОГАУ. 2011. № 32-1. С. 230–232.
4. Косарев А. С. Проблемы правового регулирования сделок в сфере электронной коммерции : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 159 с.
5. Кубкина Ю. С. Электронная коммерция: роль, понятие, направления развития // Terra Economicus. 2012. Т.10, № 2-2. С. 53–55.
6. Дзержинский Ф. Я., Шамраев А. В. Международные подходы к электронным подписям : Пособие по изучению Директивы Евросоюза и Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронных подписях : База данных. Редакция 2.01. Москва, 2013. URL: <http://ib-bank.ru/data/esgn/> (дата обращения: 14.04.2021).

7. Сорокина Е. С., Глазунова О. А. Перспективы развития электронной коммерции в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2015. № 7 (204). С. 58–66.

8. Тедеев А. А. Электронная коммерция (электронная экономическая деятельность): правовое регулирование и налогообложение. URL: <http://ecommercelaw.ru/books/elektronnaja-ekonomicheskaja-deatelnost-tedeev.html> (дата обращения: 12.04.2021).

9. Электронная коммерция : учебное пособие / Л. С. Климченя. Минск : Вышэйшая школа, 2004. 191 с.

10. Электронная коммерция : учебное пособие / под общ. ред. Л. А. Брагина. Москва : Экономистъ, 2005. 286 с.

11. Чурилов А. Ю. Принципы Общего Регламента Европейского Союза о защите персональных данных (GDPR): проблемы и перспективы имплементации // Вестник Омской юридической Академии. 2019. Т. 16, № 1. С. 29–35.

References

1. Gavrillov N.K. Normative-legal base of electronic commerce in Russia. *Pravo i politika* [Law and Politics]. 2009;(1):118-128. (In Russ.)

2. Goldovsky I.M. *Security of payments in the Internet*. St. Petersburg: Peter; 2001. (In Russ.)

3. Korneva S.C. Development of electronic commerce in the Russian Federation. *Izvestiya OGAU* [Izvestia Orenburg State Agrarian University]. 2011;(32-1):230-232. (In Russ.)

4. Kosarev A.S. *Problems of legal regulation of transactions in the sphere of electronic commerce* [dissertation]. Moscow; 2010. (In Russ.)

5. Kubkina J.S. Electronic commerce: role, concept, directions of development. *Terra Economicus*. 2012; 10(2-2):53-55. (In Russ.)

6. Dzerzhinsky F.Y., Shamraev A.V. *International Approaches to Electronic Signatures: Handbook for studying the European Union Directive and UNCITRAL Model Law on Electronic Signatures*. Database. Revision 2.01. Moscow; 2013 [cited 2021 Apr 14]. Available from: URL: https://ib-bank.ru/data/esgn/esgn_201.pdf. (In Russ.)

7. Sorokina E.S., Glazunova O.A. Prospects of e-commerce development in Russia. *Nauchnye ведомosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika* [Scientific Journal of Belgorod State University. Series: Economics. Informatics]. 2015;(7):58-66. (In Russ.)

8. Tedeev A.A. *Electronic commerce (electronic economic activity): legal regulation and taxation*. [cited 2021 Apr 12] URL: <http://ecommercelaw.ru/books/elektronnaja-ekonomicheskaja-deatelnost-tedeev.html>. (In Russ.)

9. Klimchenya L.S. *Electronic Commerce*. Minsk: Vyssheyskaya shkola; 2004. (In Russ.)

10. Bragin L.A. ed. *Electronic Commerce*. Moscow: Economist; 2005. (In Russ.)

11. Churilov A.Y. Principles of the General Regulation of the European Union on personal data protection (GDPR): problems and prospects of implementation. *Vestnik Omskoj juridicheskoy Akademii* [Bulletin of the Omsk Law Academy]. 2019;16(1):29-35. (In Russ.)

Примечание:

Данная статья была поддержана программой Erasmus+ Европейского Союза (Jean Monnet 599815-EPP-1-RU-EPPJMO-MODULE).

Поддержка Европейской Комиссией выпуска данной публикации не означает одобрения ее содержания, которое отражает исключительно точку зрения авторов, и Комиссия не может нести ответственность за любое использование содержащейся в ней информации.

Note:

This article was supported by the Erasmus+ programme of the European Union (Jean Monnet 599815-EPP-1-RU-EPPJMO-MODULE).

The European Commission's support for the production of this publication does not constitute an endorsement of the contents, which reflect the views only of the authors, and the Commission cannot be held responsible for any use which may be made of the information contained therein.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 13.07.2021.

ОТЗЫВ
на докторскую диссертацию Рябининой Татьяны Кимовны
на тему «РЕАЛИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ
НА СТАДИИ ПОДГОТОВКИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
К СУДЕБНОМУ ЗАСЕДАНИЮ: ТЕОРИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ»,
представленной на соискание ученой степени
доктора юридических наук по специальности
12.00.09 — уголовный процесс

Андрей Борисович Сергеев
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
e-mail: sergeev_ab@bk.ru

Аннотация. В отзыве дана оценка основным положениям диссертационного исследования, посвященного вопросам теории и практики реализации судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию.

Автором отзыва подтверждается решение поставленных в диссертационном исследовании задач. Констатируется получение существенных результатов, содержащих новизну и практическую значимость. Названные качественные характеристики содержатся: в полученных сведениях о сущности, содержании и функциях судебной власти, которая реализуется на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию; в раскрытых конституционно-правовом и уголовно-процессуальном аспектах статуса судьи; в уточнённой роли первой судебной стадии в механизме реализации судебной власти и пр. Формулируется вывод, что результаты исследования вносят существенный вклад в уголовно-процессуальную науку, автор исследования заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук.

Ключевые слова: судебная власть, стадия подготовки к судебному заседанию, диссертация

Для цитирования: Сергеев А. Б. Отзыв на докторскую диссертацию Рябининой Татьяны Кимовны на тему «Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 — уголовный процесс // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 137–143.

REVIEW
of the abstract of the dissertation of T. K. Ryabinina
on the topic “THE IMPLEMENTATION OF JUDICIAL POWER
AT THE STAGE OF PREPARING A CRIMINAL CASE
FOR A COURT SESSION: THEORY AND LAW ENFORCEMENT”,
submitted for the degree of Doctor of Law
in the specialty 12.00.09 — Criminal Procedure

Andrey B. Sergeev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

e-mail: sergeev_ab@bk.ru

Abstract. The review evaluates the main provisions of the dissertation research devoted to the theory and practice of the implementation of judicial power at the stage of preparing a criminal case for a court session.

The author confirms the solution of the tasks set in the dissertation research. It is stated that significant results containing novelty and practical significance have been obtained. These qualitative characteristics are contained in: the information received about the essence, content and functions of the judicial power, which is implemented at the stage of preparing a criminal case for a court session; in the disclosed constitutional-legal and criminal-procedural aspects of the status of a judge; in the clarified role of the first judicial stage in the mechanism of the implementation of judicial power, etc. The conclusion is formulated that the results of the study make a significant contribution to the criminal procedure science, the author of the study deserves to be awarded the degree of Doctor of Law.

Keywords: judicial power, stage of preparation for the court session, dissertation

For citation: Sergeev A.B. Review of the abstract of the dissertation of T. K. Ryabinina on the topic “The Implementation of Judicial Power at the Stage of Preparing a Criminal Case for a Court Session: Theory and Law Enforcement”, submitted for the degree of Doctor of Law in the specialty 12.00.09 — Criminal Procedure. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal Order: History, Theory, Practice]. 2021;(3):137-143. (In Russ.)

Конституционное положение о том, что «государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную» (ст. 10), нормативно подтверждается требованием. Согласно его (требования) государственные органы различных ветвей власти не зависят друг от друга, они самостоятельны в принятии решений и их осуществлении в рамках, закреплённых за ними функциональной направленности деятельности. Названное конституционное положение полностью распространяется на государственно-властную судебную деятельность в уголовном судопроизводстве. В уголовном судопроизводстве конституционализм обеспечивается судебной юрисдикцией, которая образует режим верховенства права. В названном аспекте выбранная соискателем тема

диссертационного исследования бесспорно актуальна, посвящена вопросам реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию в сложный период правовой неопределённости, когда законодатель недостаточно чётко представляет направление дальнейшего развития правового уголовно-процессуального поля.

Как показала практика, продолжающаяся судебная реформа, одновременно с несомненным положительным влиянием (в т. ч. на права участников уголовного судопроизводства), по мнению ряда учёных и практиков в отдельных случаях оказала сдерживающее воздействие в повышении эффективности уголовного судопроизводства. Сказанное в полной мере относится и к правовой регламентации стадии подготовки материалов к судебному

заседанию. Наблюдается внутренняя не согласованность системы норм, регламентирующих процессуальную деятельность судьи по поступившему на рассмотрение уголовному делу. Названная негативная ситуация правового регулирования усугубляется ещё другим негативным фактором: несогласованность наблюдается и на другом уровне. Она проявляется в несогласованности системы норм, регулирующих стадию подготовки к судебному заседанию с другой системой, нормы которой регламентируют досудебное производство. Правовая регламентация досудебного производства функционально предопределяет особенности правового регулирования первой судебной стадии.

Причины такой сложной правовой ситуации по упорядочиванию процессуальной деятельности субъектов, участников двух стадий (досудебного и судебного производства), имеют более глубокие корни, чем представляется на первый взгляд. Причины заключаются в отсутствии у законодателя четкого представления в рамках какой концепции следует развивать уголовно-процессуальное правовое поле, как в целом всего уголовного судопроизводства, так и в части, касающейся отдельных стадий процессуальной деятельности.

В настоящее время является очевидным, что начатая кардинальная судебная реформа, проводимая с ломкой существовавшей в советский период концепции отправления правосудия и переходом на «демократическую» новую, проведена в предельно короткие сроки без должного учёта многих факторов, подлежащих обязательному учёту при осуществлении законодательного процесса. Разработчиками новелл не были в должной мере учтены исторически сформировавшиеся в обществе представления о праве, справедливости и другие исторически обусловленные ценности, которые для народа являются нравственной основой, раскрывающейся через категорию национальный менталитет. По проблемам первой судебной стадии, подготовки материалов к судебному разбирательству диссертационные исследования осуществлялись и ранее. Но авторы работ исследовали по одной или несколько проблем без должного учёта их взаимной обусловленности и наличия единых факторов, порождающих эти проблемы.

Т. К. Рябина в своём диссертационном исследовании «Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение» на доктринальном уровне провела исследование проблем в системном их единстве,

с установлением причинно-следственной обусловленности. Названный подход предопределил получение результатов более высокого содержательного уровня с большей долей новизны и потенциалом для дальнейшего использования в законодательной и практической деятельности. Автору работы удалось избежать разрозненного исследования: отдельно судебной власти, отдельно правосудия, уголовного судопроизводства, отдельно деятельности суда на первой судебной стадии. Исследование в неразрывном единстве разноставных частей (судебной власти, правосудия, уголовного судопроизводства, деятельности суда на первой судебной стадии) позволило более полно выявить все взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимовлияние названных правовых сущностей. Познавательная деятельность автора работы базируется на методологически правильно выбранной основе — комплексе значимых философских методов (диалектическом методе, «явление и сущность», «содержание и форма»); общенаучных методах (абстрагирование, моделирование, дедукцию и др.); специальных методах (сравнительно-правовом, формально-юридическом, функциональном).

Научная новизна работы проявилась в комплексном характере исследования одновременно всех названных правовых сущностей в неразрывном их единстве (модели). Комплексный подход в исследовании создал автору работы благоприятные возможности для получения и приращения новых знаний к базе знаний, полученных предшественниками, — исследователями проблематики правового регулирования стадии подготовки материалов к судебному заседанию.

Так, обогатили арсенал уголовно-процессуальной теории новые научные результаты — установлено соотношение правовых сущностей (категорий) «судебная власть», «правосудие» и «судопроизводство» с конкретизацией функциональной направленности, содержания и средств реализации судебной власти на исследуемой стадии уголовного процесса. При этом содержательный и функциональный характер судебной власти [1, с. 13; 2, с. 16] исследовался под углом соответствия конституционному установлению недопустимости проявления в этой (судебной) деятельности каких либо черт, которые могут свидетельствовать об обвинительном характере судебной власти в процессе уголовного судопроизводства при отправлении правосудия [1, с. 23; 2, с. 28–36].

Безупречен с научной точки зрения вывод, что состязательная процедура обеспечивает

отправление правосудия в первой судебной стадии специфическими средствами. Специфичность обусловлена общими задачами стадии и задачами предварительного слушания — по разрешению наиболее сложных и спорных вопросов, касающихся прав и законных интересов сторон и требующих принятия решения судьей с учетом их мнения [1, с. 33; 2, с. 272].

По сравнению с другими исследованиями более содержательной представляется оценка проявления судебной власти на этапе предварительного слушания. В работе данный этап методологически правильно представлен теоретической моделью. Такой научный подход позволил автору раскрыть свойства судебной власти, такие как публичность, ситуационность, арбитражность, процедурность [1, с. 33; 2, с. 260].

Следует поддержать предложение наделять судью как носителя судебной власти большими полномочиями в разрешении ряда вопросов. Такой подход позволит уменьшить перечень оснований (а, следовательно, и случаев) возвращения уголовного дела прокурору. Предлагается в перечень таких дополнительных полномочий судьи включить право устранять ошибки технического характера, допущенные обвинителем в досудебном производстве; право на вручение документов, которые должны быть получены при окончании предварительного следствия и пр. [1, с. 38; 2, с. 332].

Содержательны и теоретически результативны и другие итоги исследования.

Достоверность и обоснованность результатов докторского исследования Т. К. Рябининой обеспечивает: анализ использованных автором методик, опора на внушительный материал теоретического и нормативного характера, используется эмпирическая база.

Теоретическая основа исследования формируется научными исследованиями, ранее проведенными российскими и зарубежными учеными, правоведами, специалистами в области уголовно-процессуального законодательства, положениями общей теории права, современными концепциями социологии, философии. Объем изученных научных источников внушителен.

Нормативно-правовую базу диссертационного исследования образуют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, федеральные законы, иные нормативные акты Российской Федерации, приказы Генерального прокурора РФ, решения Европейского Суда по правам человека, постановления Пленума

Верховного Суда РФ, а также Устав уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг., Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., уголовно-процессуальные законы отдельных зарубежных стран. При осуществлении исследования проанализированы правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека.

Эмпирическая основа исследования состоит из данных, в том числе, судебной статистики по вопросам, относящимся к предмету исследования, опубликованные на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, официально опубликованная судебная практика, обзоров судебной практики Верховного Суда РФ, справки и обобщения судебной практики за период с 2006 по 2020 гг., опубликованные на сайтах федеральных судов общей юрисдикции; результатов изучения материалов 530 уголовных дел, поступивших к мировым судьям и в районные суды г. Курска и Курской области за 2010–2020 гг.; результатов анкетирования 608 респондентов: 320 судей (мировых судей, судей районных и областных судов, Верховных судов республик), 176 прокуроров и 112 адвокатов в различных областях и республик; личный опыт работы судьей Щигровского районного суда Курской области.

Основные идеи и выводы Т. К. Рябининой опубликовала в научных изданиях, в том числе входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, определенный ВАК. Ею апробированы и обсуждены результаты исследования на 14 международных, 7 всероссийских научно-практических конференциях. В рамках темы исследования издано 68 научных работ. В их числе: 5 монографий; 3 учебных и научно-практических пособия; 60 научных статей, из которых 27 опубликованы в изданиях перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, ученой степени кандидата наук, 1 статья — в издании Web of Science, 1 статья — в издании Scopus

Отдельные положения и выводы внедрены в учебный процесс Воронежского государственного университета, Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, Самарского государственного университета, Северного института предпринимательства (г. Архангельск), Томского государственного университета, Удмуртского государственного университета,

Уральского государственного юридического университета, что подтверждается актами о внедрении.

Теоретическую значимость результатов исследования Т. К. Рябининой определяет разработанная и убедительно обоснованная методологически значимая концепция реализации судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию.

Докторская диссертация Т. К. Рябининой обладает совокупностью научных результатов и положений, характеризуется внутренним единством, что определяет работу как завершенную, самостоятельную, содержащую крупный вклад автора в уголовно-процессуальную науку. Стиль написания работы может быть охарактеризован как научный, литературный. Содержание стилистически выдержано. Оформление полностью отвечает требованиям, предъявляемым к монографическим исследованиям. Автореферат диссертации ясно и понятно отражает главные идеи и выводы автора.

Вместе с тем, как и во всякой фундаментальной монографической работе, охватывающей обширный круг проблем теории и практики, в представленной диссертации имеются выводы, суждения, утверждения которые не всегда, по мнению автора отзыва, ясно и чётко отражают позицию автора:

1. Так, в положении 9, выносимом на защиту, автор исследования правильно указывает, цитирую: «правовое регулирование контрольно-проверочной деятельности суда на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию не в полной мере отвечает назначению деятельности суда по отправлению правосудия, поскольку предмет проверки материалов поступившего в суд уголовного дела ограничен кругом вопросов, подлежащих выяснению по поступившему в суд уголовному делу (ч. 1 ст. 228 УПК РФ), которые ни полностью, ни системностью не соответствуют сути этой деятельности [1, с. 16; 2, с. 20].

Автор исследования предлагает расширить контрольно-проверочную деятельность суда. В предлагаемом перечне на стадии подготовки к судебному заседанию в предмет проверки материалов уголовного дела предлагается включить обстоятельства, подлежащие доказыванию в досудебном производстве (ст. 73 УПК РФ). На предварительном следствии наличие (или отсутствие) этих обстоятельств следователь должен подтвердить совокупностью доказательств (ст. 85–88 УПК РФ). В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ должно быть установлено лицо и доказаны его виновность, форма вины.

В досудебном производстве в процессе установления и доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ могут возникать следующие следственные проблемные ситуации:

Ситуация 1. Совершившее преступление лицо в период досудебного производства не установлено.

В этом случае следователь принимает решение в порядке статьи 208 УПК РФ: уголовное дело в суд не направляется, производство по нему прекращается.

Ситуация 2. Лицо установлено, но доказательств недостаточно для того, что бы в суде это лицо было признано виновным.

В этой ситуации уголовное преследование в отношении этого лица следователь должен прекратить в связи с не установлением его причастности к расследуемому преступлению (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Но, следует признать, следователю не всегда просто принять решение и прекратить уголовное преследование в порядке п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Следователь осуществляет функцию обвинения (ст. 20 УПК РФ). Если в период следствия он вынес постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявил обвинение (ст. 172 УПК РФ), то в практической деятельности бывают случаи, когда следователь направляет уголовное дело в суд с доказательствами, совокупность которых вызывает сомнение в обоснованности обвинения.

Автор работы предлагает установить контроль суда за обоснованностью принятия обвинителем решения о направлении уголовного дела в суд, где оно будет рассмотрено по существу. Одним из оснований (условий), дающих право по результатам проверки уголовного дела назначить судебное разбирательство предложено считать сформированность у судьи «внутреннего убеждения» в «достаточности доказательств», содержащихся в материалах уголовного дела. То есть собранных доказательств достаточно, и они подтверждают виновность обвиняемого и др. обстоятельства, указанные в статье 73 УПК РФ [1, с. 16–17; 2, с. 182–201].

Изложенная выше позиция автора и предложенная законодательная инициатива, уверен, обоснована в диссертации. Но в рамках автореферата в силу ограниченного объёма развёрнутая характеристика этой части исследования отсутствует. Поэтому соискателю ученой степени предлагается пояснить следующие моменты:

Вопрос 1. Предложены ли в работе критерии для определения «достаточности» в материалах дела доказательств об установлении

(доказанности) обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, совокупность которых должна формировать у судьи убеждение в пользу решения о вынесении постановления о назначении судебного разбирательства?

Вопрос 2. Если у судьи не сформируется убеждение в достаточности доказательств относительно обстоятельств, перечисленных в статье 73 УПК РФ, то как должен поступить судья в названной правовой ситуации:

а) назначить судебное разбирательство при недостаточности доказательств? Но тогда зачем обязывать судью контролировать это качество досудебной деятельности?

б) вернуть уголовное дело прокурору? Но такое решение вопроса, не означает ли предложение возродить институт направления уголовного дела на дополнительное расследование в связи с неполнотой или отсутствием всесторонности следствия, как это было по УПК РСФСР (ст. 232 УПК)?

в) если возродить институт возвращения уголовного дела в связи с отсутствием достаточности доказательств для вынесения уголовного дела на судебное разбирательство, то не будет ли это противоречить требованию разделения функций обвинения, защиты, разрешения. Судья разрешает уголовное дело, не становясь ни на позицию обвинения, ни на позицию защиты?

По этому вопросу позиция Конституционного Суда до настоящего времени не изменилась.

Вопрос 3. При принятии решения о назначении судебного разбирательства судья выносит соответствующее постановление. В соответствии с пунктом 4 ч. 2 ст. 231 УПК РФ в постановлении помимо вопросов, указанных в части 2 ст. 227 УПК РФ судья указывает лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. В норме указано, что лица определяются списками, составленными сторонами обвинения и защиты.

Однако, по данному вопросу Верховный Суд РФ в пункте 8 постановления Пленума от 22.12.2009 № 28 (в ред. от 15.05.2018) расширяет полномочия судьи. Ему предоставлено право по собственной инициативе вызывать в судебное заседание других лиц, присутствие

которых в судебном разбирательстве признает необходимым¹.

Было бы интересно услышать мнение соискателя: следует ли названную рекомендацию закрепить законодательно?

Так как участники судебного разбирательства представляют одну из сторон (обвинения и защиты), то такая судебная инициатива не противоречит ли выполнению требования о функциональной независимости суда ни от обвинения, ни от защиты?

Адресованные Т. К. Рябининой вопросы касаются дискуссионных тем и не влияют на общий вывод и высокую положительную оценку диссертации. Проведённая работа представляет завершённое, цельное монографическое исследование сложной и важной в теоретическом и практическом отношении темы.

По таким критериям как актуальность, методология и методика исследования, научная новизна выводов, глубина проработки проблемы, самостоятельность, обоснованность и достоверность сформулированных теоретических выводов и рекомендаций диссертацию «Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение» характеризуют как отвечающую требованиям, предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание учёной степени доктора юридических наук.

Изложенное позволяет сделать вывод, что диссертация «Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение», представленная на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 — уголовный процесс соответствует критериям монографического исследования. Ее автор — Рябина Татьяна Кимовна заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук.

¹ О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 // Рос. газ. 2010. 13.январь.; Источник публикации редакции от 15.05.2018 СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.04.2020).

Список источников

1. Рябина Т.К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение : автореф. дис. ... доктора юрид. наук. Саратов, 2021. 49 с.
2. Рябина Т.К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение : дис. ... доктора юрид. наук. Курск, 2021. 545 с.

References

1. Ryabinina T.K. *Realization of judicial power at the stage of preparation of a criminal case for trial* [dissertation abstract]. Saratov, 2021. (In Russ.)
2. Ryabinina T.K. *Realization of judicial power at the stage of preparation of a criminal case for trial: theory and law enforcement* [dissertation]. Kursk, 2021. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 30.05.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**АГАПОВ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ**

Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела, НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации.

123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15.

e-mail: kafedraup212@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1836-1536

БЕЛЕНКОВ ВЛАДИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

Магистрант, каф. прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Челябинский государственный университет.

454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.

e-mail: belen7407@gmail.com

БУРЦЕВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры инфекционной и незаразной патологии, Уральский государственный аграрный университет.

620075, г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, д. 42.

e-mail: burceva72@inbox.ru

SPIN-код: 2666-0052, Author ID: 708537

ВОРОНИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76.

e-mail: voroninya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9941-8316

ВЫХОДОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Майор полиции, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. В. Лукьянова.

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

e-mail: alex-exit@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS**AGAPOV PAVEL VALEREVICH**

Doctor of Law Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of the Research Institute of the Prosecutor's Office University of the Russian Federation.

15 2nd Zvenigorodskaya St., Moscow 123022, Russia.

e-mail: kafedraup212@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1836-1536

BELENKOV VLADISLAV NIKOLAEVICH

Graduate student, Department of Prosecutorial Supervision and Law Enforcement Organization, Chelyabinsk State University.

129 Br. Kashirinykh St., Chelyabinsk 454001, Russia.

e-mail: belen7407@gmail.com

BURTSEVA TATYANA VLADIMIROVNA

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Infectious and Non-Infectious Pathology Department, Ural State Agrarian University.

42 K. Libkneht St., Yekaterinburg 620075, Russia.

e-mail: burceva72@inbox.ru

SPIN: 2666-0052, Author ID: 708537

VORONIN YURIY ALEKSANDROVICH

Doctor of Law Sciences, Professor, Professor Department of Criminal and Criminal Executive Law, Criminology, South Ural State University (National Research University).

76 Lenin ave., Chelyabinsk 454080, Russia.

e-mail: voroninya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9941-8316

VYKHODOV ALEKSANDR ALEKSANDROVICH

Police Major, Candidate of Law Science, Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov.

2 Ignatova St., Orel 302027, Russia.

e-mail: alex-exit@mail.ru

ГОВЕРДОВСКАЯ ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права, Астраханский государственный университет.

414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20А.

e-mail: tara_goya@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6340-4764

GOVERDOVSKAYA TATYANA VLADIMIROVNA

Candidate of Law Science, Associate Professor, Head of the Department of International Law, Astrakhan State University.

20A Tatishcheva St., Astrakhan 414056, Russia.

e-mail: tara_goya@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6340-4764

ГОНЧАРОВ ДЕНИС ЮРЬЕВИЧ

Доктор юридических наук, доцент. Профессор кафедры публичного права, Уральский государственный экономический университет. Профессор кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет.

620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21.

e-mail: denis667777@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3347-2533

GONCHAROV DENIS YUREVICH

Doctor of Law Sciences, Associate Professor. Professor, Department of Public Law. Ural State University of Economics. Professor, Department of Criminal Law, Ural State Law University.

21 Komsomolskaya St., Yekaterinburg 620137, Russia.

e-mail: denis667777@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3347-2533

ГОНЧАРОВА СВЕТЛАНА ГЕРМАНОВНА

Кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет.

620012, Екатеринбург,
ул. Машиностроителей, д. 11.

e-mail: goncharova_sg@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2099-8520

GONCHAROVA SVETLANA GERMANOVNA

Candidate of Law Science, Associate Professor, Russian State Professional Pedagogical University.

11 Mashinostroiteley St., Yekaterinburg 620012, Russia.

e-mail: goncharova_sg@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2099-8520

ГОРЮНОВ ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Челябинский государственный университет.

454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.

e-mail: vladgor60@mail.ru

GORYUNOV VLADIMIR YEVGENEVICH

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Prosecutorial Supervision and Organization of Law Enforcement, Chelyabinsk State University.

129 Br. Kashirinykh St., Chelyabinsk 454001, Russia.

e-mail: vladgor60@mail.ru

ДЕРЯГИНА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА

Старший инспектор по особым поручениям отдела по работе с личным составом Главного следственного управления, Главное Управление МВД России по Пермскому краю. Преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

e-mail: sveberd.@yandex.ru

DERYAGINA SVETLANA VLADIMIROVNA

Senior Inspector for Special Assignments, Department for Work with the Personnel of the Main Investigation Department, Main Directorate of the Russian Interior Ministry for Perm Krai. Lecturer, Perm State National Research University.

15 Bukireva St., Perm 614990, Russia.

e-mail: sveberd.@yandex.ru

ИЗЮМОВА ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА

Кандидат юридических наук, судья Интинского городского суда Республика Коми.

169840, Республика Коми, г. Инта,
ул. Социалистическая, д. 4а.

e-mail: izumchik74@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3550-2484

IZYUMOVA YEVGENIYA SERGEEVNA

Candidate of Law Science,
Judge of the Inta City Court of the Komi Republic.

4a Socialistheskaya St., Inta 169840,
Komi Republic, Russia.

e-mail: izumchik74@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3550-2484

КАМЕНЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

Адвокат, Адвокатская палата Челябинской области.

454071, г. Челябинск, ул. Октябрьская, д. 5, кв. 62.

e-mail: kamenev_as@rambler.ru

KAMENEV ALEKSANDR SERGEEVICH

Attorney at Law of the Chelyabinsk Region
Chamber of Advocate.

5 Oktyabrskaya St., Sq. 62, Chelyabinsk 454071,
Russia.

e-mail: kamenev_as@rambler.ru

КОНДРАТЮК СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Старший преподаватель, кафедра
«Уголовное право и процесс», Тольяттинский
государственный университет.

445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, д. 14

e-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7272-5359

KONDRATYUK SERGEY VIKTOROVICH

Senior Lecturer of the Department "Criminal Law
and Process" of Togliatti State University

14 Belorusskaya St., Togliatti 445020, Russia.

e-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7272-5359

КРАЙНЮКОВА ЛЯЙСЯН МАРАТОВНА

Аспирант, ассистент кафедры международного
права, Астраханский государственный
университет.

414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20А.

e-mail: 5leska5@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4411-6510

KRAYNYUKOVA LYAYSAN MARATOVNA

Postgraduate, assistant of the Department of
International Law, Astrakhan State University.

20A Tatishcheva St., Astrakhan 414056, Russia.

e-mail: 5leska5@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4411-6510

КУДРЯШОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры
прокурорского надзора и организации
правоохранительной деятельности, институт
права, Челябинский государственный
университет.

454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129.

e-mail: andrej.kudryashov.1975@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8782-0877

KUDRYASHOV ANDREY VLADIMIROVICH

Candidate of Law Science, Assistant Professor
Departments of the Prosecutor's Supervision
and Law Enforcement, Law Institute,
Chelyabinsk State University.

129 Br. Kashirinyh St., Chelyabinsk 454001, Russia.

e-mail: andrej.kudryashov.1975@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8782-0877

ЛАВРОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

Доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры менеджмента
и экономической теории, Уральский
государственный аграрный университет.

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 23.

e-mail: lavrov1946@yandex.ru
SPIN-код: 9119-8111, Author ID: 848398

LAVROV VLADIMIR NIKOLAEVICH

Doctor of Economics Sciences, Professor,
Professor of Management and Economic Theory
Department, Ural State Agrarian University.

23 Turgeneva St., Yekaterinburg 620075, Russia.

e-mail: lavrov1946@yandex.ru
SPIN: 9119-8111, Author ID: 848398

НИКИТИН ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры правоохранительной деятельности и национальной безопасности, Южно-Уральский государственный университет.

454080 Челябинск, пр. Ленина, 76.

e-mail: nikitinev@susu.ru

ORCID: 0000-0001-8603-070X

НИКОНОВ ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал), Университет прокуратуры Российской Федерации.

664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, д. 1.

e-mail: Nikonov_PV@mail.ru

ПЕТРОВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА

Аспирант, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Генеральной прокуратуры РФ.

191014, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44.

e-mail: tatyasalniko@yandex.ru

ПРОЦЕНКО ВИОЛЕТТА ВЯЧЕСЛАВОВНА

Студент, 2 курс, Ин-т комплексной безопасности и специального приборостроения МИРЭА – Российский технологический университет.

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 78.

e-mail: protsenkovioletta@mail.ru

РУЩИЦКАЯ ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

Доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и экономической теории, Уральский государственный аграрный университет.

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, д. 23.

e-mail: kafedra.20@bk.ru

SPIN-код: 5105-6360, AuthorID: 518696

ORCID: 0000-0002-6854-5723

САЛЬНИКОВ НИКОЛАЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

Научный сотрудник отдела, НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д. 15

e-mail: n.v.salnikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5856-3848

NIKITIN YEVGENIY VLADIMIROVICH

Candidate of Law Science, Associate Professor, Department of Law Enforcement and National Security, South Ural State University.

76 Lenin Ave., Chelyabinsk 454080, Russia.

e-mail: nikitinev@susu.ru

ORCID: 0000-0001-8603-070X

NIKONOV PAVEL VLADIMIROVICH

Candidate of Law Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

1 Shevtsova St., Irkutsk 664035, Russia.

e-mail: Nikonov_PV@mail.ru

PETROVA TATYANA MIKHAYLOVNA

Postgraduate student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.

44 Liteynny Ave, St. Petersburg 191014, Russia.

e-mail: tatyasalniko@yandex.ru

PROTSENKO VIOLETTA VYACHESLAVOVNA

2nd year student, Institute of Complex Security and Special Engineering, MIREA – Russian Technological University.

78 Vernadskogo ave., Moscow 119454, Russia.

e-mail: protsenkovioletta@mail.ru

RUSHCHITSKAYA OLGA ALEKSANDROVNA

Doctor of Economics Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management and Economic Theory, Ural State Agrarian University.

23 Turgeneva St., Yekaterinburg 620075, Russia.

e-mail: kafedra.20@bk.ru

SPIN-код: 5105-6360, Author ID: 518696

ORCID: 0000-0002-6854-5723

SALNIKOV NIKOLAY VYACHESLAVOVICH

Researcher of the Department of the Research Institute of the Procuracy of the Russian Federation University of the Public Prosecutor's Office

15 2nd Zvenigorodskaya St., 123022 Moscow, Russia.

e-mail: n.v.salnikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5856-3848

СЕЙТМЕМЕТОВА ТАТЬЯНА СЕЙТМЕМЕТОВНА

Адъюнкт кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России.

350051, г. Краснодар, ул. Ярославская 128.

e-mail: tania9391@mail.ru

SEYTMEMETOVA TATYANA SEYTMEMETOVNA

Adjunct Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Russian MIA.

128 Yaroslavskaya St., Krasnodar 350051, Russia.

e-mail: tania9391@mail.ru

СЕРГЕЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности, Институт права, Челябинский государственный университет.

454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.

e-mail: sergeev_ab@bk.ru

SPIN-код: 6586-1033, Author ID: 433481

SERGEEV ANDREY BORISOVICH

Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Criminal Procedure and Expertise, Institute of Law, Chelyabinsk State University.

129 Br. Kashirinykh St., Chelyabinsk 454001, Russia.

e-mail: sergeev_ab@bk.ru

SPIN code: 6586-1033, Author ID: 433481

СТРОГАНОВА ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА

Преподаватель, кафедра уголовного права, Уральский государственный юридический ун-т.

620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21

e-mail: tstyu@yandex.ru

SPIN-код: 3424-0531, Author ID: 960055

STROGANOVA TATYANA YUREVNA

Lecturer, Department of Criminal Law, Ural State Law University.

21 Komsomolskaya St., Yekaterinburg 620137, Russia.

e-mail: tstyu@yandex.ru

SPIN: 3424-0531, Author ID: 960055

ФЕТИСОВА АНАСТАСИЯ ВИКТОРОВНА

Старший преподаватель, Уральский государственный аграрный университет.

620075, г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 42.

e-mail: victorovna_eburg@mail.ru

FETISOVA ANASTASIYA VIKTOROVNA

Senior Lecturer, Ural State Agrarian University.

42 K. Liebknecht St., Yekaterinburg 620075, Russia.

e-mail: victorovna_eburg@mail.ru

ШАРОНОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Почетный работник сферы образования Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя.

117437, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

e-mail: Sharonov345@mail.ru

SPIN-код: 1098-9423, Author ID: 478314

SHARONOV SERGEY ALEKSANDROVICH

Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Doctor of Law Sciences, Associate Professor, Professor of Civil and Labor Law, Civil Procedure, V. Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

12 Akademika Volgina St., Moscow 117437, Russia.

e-mail: Sharonov345@mail.ru

SPIN-код: 1098-9423, Author ID: 478314

ШЕВЕЛЕВА КСЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Преподаватель, кафедра «Правовое обеспечение национальной безопасности», Институт комплексной безопасности и специального приборостроения, МИРЭА – Российский технологический университет.

119454, Москва, пр. Вернадского, д. 78.

e-mail: sheveleva@mirea.ru

SPIN-код: 1050-7790, Author ID: 1092415

SHEVELEVA KSENIYA VLADIMIROVNA

Lecturer, Department of "Legal Support of National Security", Institute of Complex Security and Special Instrumentation, MIREA – Russian Technological University.

78 Vernadskogo ave., Moscow 119454, Russia.

e-mail: sheveleva@mirea.ru

SPIN-код: 1050-7790, Author ID: 1092415

Правила предоставления рукописей статей в научно-практический журнал «ПРАВОПОРЯДОК: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА»

Общие рекомендации

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям к структуре и оформлению статей.

Текст для публикации объемом **8–15 страниц формата А4** должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: «*Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые*». Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции.

Требования к структуре статьи

- Научные статьи оформляются согласно требованиям ГОСТ Р 7.0.7-2021.

Метаданные на русском языке

- ✓ УДК
- ✓ Название статьи заглавными буквами
- ✓ Имя, отчество, фамилия; наименование организации (учреждения), город, e-mail, ORCID автора(ов).
- ✓ Аннотация от 150 до 250 слов.
- ✓ Ключевые слова.
- ✓ Благодарности.
- ✓ Финансирование.

Метаданные на английском языке

- ✓ Название статьи заглавными буквами
- ✓ Имя, отчество, фамилия автора(ов), город* – транслитерация; наименование организации (учреждения) – перевод; e-mail, ORCID.
- ✓ Abstract (перевод).
- ✓ Keywords (перевод).
- ✓ Acknowledgements (перевод).
- ✓ Funding (перевод).

Текст статьи

- *Язык публикации* статей — русский. Смешивание в одной статье текстов на двух и более языках не допускается. Текст должен быть структурирован, иметь введение, основной текст (материал и методы, результаты, обсуждение результатов, выводы), заключение.

Списки источников

- *Список цитируемых источников* (не менее пяти) оформляется согласно требованиям ГОСТ Р 7.0.5-2008, источники приводятся в порядке упоминания в тексте. Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки. Библиографические сведения о цитируемых нормативно-правовых актах, учебной литературе, диссертациях (авторефератах) приводятся в подстрочных ссылках (ГОСТ Р 7.0.5-2008).
- Раздел *References* оформляется в **Ванкуверском** стиле. Транслитерация названий, имен собственных выполняется по стандарту Госдепартамента США.

* Названия городов Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону имеют англоязычное написание и не транслитерируются: Moscow, Saint-Petersburg (St. Petersburg), Rostov-on-Don.

Дополнительные сведения об авторе(ах) (на русском и английском языках)

- *Персональные сведения.* Фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, подразделение, полное наименование места работы, юридический адрес, контактный телефон, адрес электронной почты, международные идентификационные номера ученого, иные сведения.
- *Вклад авторов.* Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов.
- *Конфликт интересов.* Указание об отсутствии или наличии конфликта интересов.
- *Приложения, примечания* — при необходимости.

Требования к оформлению рукописи статьи

- *Страница* — формат А4; поля по 2 см с каждой стороны.
- *Редактор* — Microsoft Word (.doc). Шрифт (гарнитура) — Times New Roman.
- *Размер шрифта (кегель)* — 14 пт. без уплотнения, разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12 пт.
- *Абзацный отступ («красная строка»)* — 0,75 см.
- *Междустрочный интервал* — полусторонний. Выравнивание текста — по ширине.
- *Автоматическая расстановка переносов* допускается.
- При необходимости в текст статьи можно включить иллюстрации (черно-белые рисунки, таблицы) и формулы. Нумерация рисунков и таблиц сквозная арабскими цифрами. *Приложения и примечания* к статье размещаются после *дополнительных сведений об авторе(ах)*.

Для размещения статьи в журнале к рукописи необходимо предоставить

- *Файл со статьей*, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
- *Анкету автора(ов)* по представленной на сайте журнала форме (скан-копию).
- *Аспиранты и соискатели* ученой степени кандидата наук предоставляют рецензию (отзыв) научного руководителя с подписью (скан-копию оригинала).

Подготовленные материалы следует отправить на e-mail pravoporyadok74@bk.ru, либо заполнить электронную форму заявки на сайте журнала <http://правопорядок74.рф/author.php>

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать и сокращать статьи.

Подробная информация доступна на сайте журнала <http://правопорядок74.рф>.

Редакция журнала

